ISSN 2311-696X (Print)
ISSN 2782-2761 (Online)

16+

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2013 ГОДУ. ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ПРАВОПОРЯДОК
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

№4 (35) / 2022

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.
Журнал индексируется в библиографической базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.
Электронная версия журнала доступна на сайте https://правопорядок74.рф.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
МАЙОРОВ Андрей Владимирович кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ИОГОЛЕВИЧ В. А. кандидат технических наук, доцент, генерал-майор полиции (председатель совета)
АГАПОВ П. В. доктор юридических наук, профессор
БОГДАН В. В. доктор юридических наук, доцент
ВАЛЕЕВ Р. М. доктор юридических наук, профессор
ВЫДРИН И. В. доктор юридических наук, профессор
ГОНЧАРОВ Д. Ю. доктор юридических наук, доцент
ГУСАК В. А. доктор юридических наук
ЗУЕВ С. В. доктор юридических наук, доцент
КИРЕЕВ В. В. доктор юридических наук, доцент
КУДИНОВ В. В. доктор юридических наук
ЛАЗУТИН Л. А. доктор юридических наук, профессор
МАЙОРОВ В. И. доктор юридических наук, профессор
ПУЧКОВ О. А. доктор юридических наук, доцент
САБИТОВ Р. А. доктор юридических наук, профессор
СЕВРЮГИН В. Е. доктор юридических наук, профессор
СЕРГЕЕВ А. Б. доктор юридических наук, профессор
ТУГАНОВ Ю. Н. доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
ЧЕРНЯДЬЕВА Н. А. доктор юридических наук, доцент
ШАРОНОВ С. А. доктор юридических наук, доцент
ШАЙХУТДИНОВ Е. М. кандидат юридических наук
БАЗЕЛЮК В. В. доктор педагогических наук, профессор
КОСТЕНОК П. И. доктор педагогических наук, профессор
ТАНАЕВА З. Р. доктор педагогических наук, доцент
МАХРОВА Т. К. доктор исторических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
БУРМИСТРОВА С. А. кандидат юридических наук, доцент
ВИННИКОВА Р. В. кандидат юридических наук
ВАНЮШИН Я. Л. кандидат юридических наук, доцент
КОНДРАТЬЕВ С. М. кандидат юридических наук, доцент
МАЙОРОВ А. В. кандидат юридических наук, доцент
МИХАЙЛОВ К. В. кандидат юридических наук, доцент
ОВЧИННИКОВА О. В. кандидат юридических наук, доцент
ТЮЛЬПАНОВ Ф. М. кандидат юридических наук, доцент
ШМИДТ А. А. кандидат юридических наук, доцент
МАЙСАК В. Н. кандидат исторических наук, доцент
СЕМЕНОВ А. И. кандидат исторических наук, доцент
ДЕККЕРТ Д. В. кандидат педагогических наук
КАЗАРЦЕВА Г. А. кандидат пед. наук, доцент
СУХОРУКОВА А. Х. государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса, почётный работник ФССП

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: ООО «ЭСКУЭЛА»
Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 139-39.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство **ПИ № ФС77-54870** от 26 июля 2013 г.
Подписной индекс **94267 «Урал-Пресс»**

В журнале отражаются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, экспериментальных разработок аспирантов и докторантов, а также практический опыт сотрудников правоохранительных органов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов.

РЕДАКЦИЯ:
Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 139-39.
Тел.: +7 (908) 570-73-15
E-mail: **pravoporyadok74@bk.ru**
Сайт: **http://правопорядок74.рф**

Корректура, комп. верстка: **ВОРОНИН С. В.**
Перевод: **ВОЛОШИНА М. А.**

Подписано в печать: 10.10.2022.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 16,28.
Тираж 150 экз. Заказ № 486.
Отпечатано в издательстве Челябинского государственного университета 454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57-б.

Дата выхода в свет: 14.10.2022.
Цена свободная.

© Редакция журнала «Правопорядок: история, теория, практика», 2022.

В НОМЕРЕ

Общие вопросы теории права. История правопорядка

Бутов С. В., Лысенков С. Г.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРАВОВОЙ СТАТУС» И «ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ» КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ *6*

Куликов М. А.

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЦЕЛЯМИ И СРЕДСТВАМИ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ *12*

Пучков О. А.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ГЕНЕТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ *20*

Конституционное право

Руденко В. В.

РОЛЬ ДОГОВОРОВ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИИ *27*

Гончарова С. Г.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА *33*

Киреев В. В.

РИСКОГЕННОСТЬ КАК СВОЙСТВО СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА *38*

Административное право и процесс

Занина Т. М., Федотова О. А., Анисимова Н. А.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ *46*

Пестова Т. П.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ПОЛЬЗОВАТЬСЯ УСЛУГАМИ ПЕРЕВОДЧИКА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ *53*

Пикина Т. В., Пучков О. А.

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ *60*

Административная деятельность

Зыков А. П.

УЧЕТ СЛУЖЕБНОГО ВРЕМЕНИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ *70*

Уголовное право

Закомолдин Р. В., Дуюнов В. К.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ САНКЦИИ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ НАКАЗУЕМОСТИ И ИНСТРУМЕНТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ *77*

Набиуллина В. Р.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ В СТ. 207.1 И СТ. 207.2 УК РФ *83*

Семерьянова Н. А., Салимгареева А. Р.

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЯНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ПРОЦЕССЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ АВТОНОМНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ *88*

Майоров А. В., Гончаров Д. Ю.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ *95*

Ульянов М. В.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ..... *102*

Теория и практика противодействия преступности

Денисович В. В.

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В МЕСТАХ БОЛЬШОГО СКОПЛЕНИЯ ЛЮДЕЙ (ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ)..... *109*

Кузнецова И. И., Пимакова О. Г.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ТОРГОВЦА ЛЮДЬМИ *114*

Шестаков В. И.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ, СУЩНОСТИ И ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (часть 2) *120*

Судебная деятельность

Павлова Г. Г., Саликов Д. Х.

СПОСОБЫ РАЦИОНАЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ТРУДОВЫХ СПОРОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ *129*

Научные мероприятия. Отзывы. Рецензии

Кабанов П. А.

ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию Молчановой Марины Алексеевны на тему: «Деятельность правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности: 12.00.11 — судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность..... *133*

Шаронов С. А.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ МНЕНИЕ ПО ПРОЕКТУ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН „ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ“ В ЧАСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ЦЕЛЕВОГО ПРИЕМА И ЦЕЛЕВОГО ОБУЧЕНИЯ»..... *142*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... *148*

Информация для авторов

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА»..... *154*

CONTENTS

General questions of the Theory of Law. History of Legal Order

Butov S. V., Lysenkov S. G.

ON THE RELATIONSHIP OF THE CONCEPTS OF "LEGAL STATUS" AND "LEGAL POSITION" AS INDEPENDENT LEGAL CATEGORIES *6*

Kulikov M. A.

MANIPULATION BY MEANS OF LEGAL GOALS AND INSTRUMENTS IN THE PROCESS OF REALIZATION OF LAW: CONCEPT, CONTENT, RESULTS *12*

Puchkov O. A.

ANTHROPOLOGICAL APPROACH IN GENETIC AND LEGAL RESEARCH *20*

Constitutional Law

Rudenko V. V.

THE ROLE OF TREATIES IN CONSTITUTIONAL LAW *27*

Goncharova S. G.

QUESTIONS OF THEORY AND PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS *33*

Kireev V. V.

RISK FACTOR AS A PROPERTY OF MODERN RUSSIAN CONSTITUTIONALISM *38*

Administrative Law and Procedure

Zanina T. M., Fedotova O. A., Anisimova N. A.

ENSURING TRANSPORT SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION: MODERN PROBLEMS AND SOLUTIONS *46*

Pestova T. P.

ENSURING THE RIGHT TO USE THE SERVICES OF AN INTERPRETER IN PROCEEDINGS ON CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES *53*

Pikina T. V., Puchkov O. A.

LIMITATIONS OF LEGAL STATUS: THEORETICAL APPROACHES AND EXPLANATORY CONCEPTS *60*

Administrative Activity

Zykov A. P.

TRAINING TIME IN THE INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT *70*

Criminal Law

Zakomoldin R. V., Duyunov V. K.

CRIMINAL SANCTIONS AS A FORM OF EXPRESSION OF PUNISHMENT AND A TOOL OF CRIMINAL LEGAL IMPACT *77*

Nabiullina V. R.

IMPROVEMENT OF THE CRIMINAL LAW NORMS PROVIDED FOR IN ARTICLES 207.1 AND 207.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION *83*

Semeryanova N. A., Salimgareeva A. R.

PROBLEMS OF BRINGING TO CRIMINAL RESPONSIBILITY
OF PERSONS WHO HAVE COMPLIED ILLEGAL ACTS
IN RESPECT OF THE INDIVIDUAL, SOCIETY AND THE STATE
IN THE PROCESS OF OPERATING AUTONOMOUS VEHICLES *88*

Mayorov A. V., Goncharov D. Yu.

METHODOLOGICAL TOOLS OF CRIMINAL LAW RESEARCH *95*

Ulyanov M. V.

CRIMES IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION:
POSSIBILITIES OF CRIMINAL LEGAL IMPACT AND PREVENTION *102*

Theory and Practice of Combating Crime

Denisovich V. V.

FEATURES OF CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS
OF CRIMES COMMITTED IN CROWDED PLACES (PUBLIC PLACES) *109*

Kuznetsova I. I., Pimakova O. G.

CRIMINOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS
OF THE TRAFFICKER'S PERSONALITY *114*

Shestakov V. I.

A SYSTEMATIC APPROACH TO UNDERSTANDING THE LEGAL NATURE,
ESSENCE AND LEGAL REGULATION OF PRIVATE DETECTIVE ACTIVITY (part 1) *120*

Judicial activity

Pavlova G. G., Salikov D. Kh.

METHODS OF RATIONAL SETTLEMENT OF LABOR DISPUTES
IN RUSSIA AND ABROAD *129*

Scientific Event. Comments. Reviews

Kabanov P. A.

REVIEW
of the official opponent for the thesis of Marina A. Molchanova on the topic:
"The activity of law enforcement agencies on Combating Corruption
in Commercial Organizations", submitted for the degree of candidate of legal sciences
in the specialty: 12.00.11 — judicial activity, prosecutorial activity, human rights
and law enforcement activity 133

Sharonov S. A.

PROFESSIONAL OPINION ON THE DRAFT FEDERAL LAW "ON AMENDMENTS
TO THE FEDERAL LAW 'ON EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION'
IN TERMS OF IMPROVING THE MECHANISM OF TARGETED ADMISSION
AND TARGETED TRAINING" 142

INFORMATION ABOUT AUTHORS *148*

Information for Authors

RULES OF SUBMITTING OF MANUSCRIPTS OF ARTICLES
IN SCIENTIFIC AND PRACTICAL MAGAZINE
LEGAL ORDER: HISTORY, THEORY, PRACTICE *154*

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПРАВА. ИСТОРИЯ ПРАВОПОРЯДКА

Научная статья
УДК 340

С. 6–11

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРАВОВОЙ СТАТУС» И «ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ» КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Сергей Валерьевич Бутов[1], Сергей Геннадьевич Лысенков[2]
[1,2]Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1]scorpioserg@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-5775-0713
[2]sergey.lysenkov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2791-8247

Аннотация. Статья посвящена проблемам понимания сущности и содержания таких юридических категорий как «правовой статус» и «правовое положение». Авторы, анализируя подходы к определению и соотношению понятий «правовой статус» и «правовое положение», а также смежных с ними категорий предлагают свое видение указанной проблемы.

Особое внимание уделено рассмотрению точек зрения отечественных правоведов, разграничивающих «правовой статус» и «правовое положение» и рассматривающих их в виде самостоятельных юридических категорий. Раскрыто отношение законодателя к соотношению указанных категорий. Авторы отмечают, что в современных законодательных актах отсутствует легальное толкование понятий «правовой статус» и «правовое положение».

По мнению авторов, понятийные категории «правовой статус» и «правовое положение» не являются тождественными и имеют различное смысловое значение. При этом указанные юридические категории не противопоставляются, а дополняют друг друга.

В статье сделан основной акцент на необходимость четкой правовой регламентации понятий «правовой статус» и «правовое положение» в целях единого толкования и эффективного правоприменения.

В статье отмечается, что различие в правовом статусе и правовом положении обусловлены социально-экономическими, историко-политическими и иными факторами.

Ключевые слова: правовой статус, правовое положение, соотношение понятий, правоотношения

Для цитирования: Бутов С. В., Лысенков С. Г. О соотношении понятий «правовой статус» и «правовое положение» как самостоятельных юридических категорий // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 6–11.

© С. В. Бутов, С. Г. Лысенков

Research article

ON THE RELATIONSHIP OF THE CONCEPTS OF "LEGAL STATUS" AND "LEGAL POSITION" AS INDEPENDENT LEGAL CATEGORIES

Sergey V. Butov[1], Sergey G. Lysenkov[2]
[1,2]St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1]scorpioserg@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-5775-0713
[2]sergey.lysenkov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2791-8247

Abstract. The article is devoted to the problems of understanding the essence and content of such legal categories as "legal status" and "legal position". The authors, analyzing approaches to the definition and correlation of the concepts of "legal status" and "position", as well as related categories, offer their vision of this problem.

Particular attention is paid to the consideration of the points of view of domestic jurists, who distinguish between "legal status" and "legal position" and consider them as independent legal categories. The attitude of the legislator to the ratio of these categories is revealed. The authors note that in modern legislative acts there is no legal interpretation of the concepts of "legal status" and "legal position".

According to the authors, the conceptual categories "legal status" and "legal position" are not identical and have different semantic meanings. At the same time, these legal categories are not opposed, but complement each other.

The article focuses on the need for a clear legal regulation of the concepts of "legal status" and "legal position" in order to ensure a unified interpretation and effective law enforcement.

The article notes that the difference in legal status and legal position is due to socio-economic, historical, political and other factors.

Keywords: legal status, legal position, legal status, legal regime, legal mode, correlation of concepts, legal relations

For citation: Butov SV, Lysenkov SG. On the relationship of the concepts of "legal status" and "legal position" as independent legal categories. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):6-11. (In Russ.)

Введение

В современном мире нельзя представить существование и функционирование политической системы, гражданского общества, системы всех политико-правовых институтов без самих субъектов правоотношений, обладающих определенным правовым статусом. Государство, определяя посредством юридических норм правовой статус (положение) субъекта тем самым регулирует его деятельность в системе правоотношений. Вместе с тем до настоящего времени в Российской Федерации не издано ни одного нормативного правового акта, раскрывающего такие общие понятия как «правовое положение» и «правовой статус». Единое мнение по указанной проблематике не сложилось и в юридической науке. Подавляющее число работ по теории права рассматривает правовое положение (статус) в разделе правоотношений. Лишь немногие авторы выделяют правовой статус (правовое положение) в отдельную тему. Самостоятельное и более глубокое рассмотрение проблемы соотношения правового статуса и правового положения могло бы дать положительные результаты по разрешению соответствующих терминологических проблем.

Основной текст статьи

В теории права помимо содержания терминов «правовой статус» и «правовое положение» учеными по-разному толкуется соотношение указанных категорий.

Ряд юристов считает их тождественными как по смыслу, так и по содержанию. К таким авторам относятся: Н. И. Матузов [1, с. 181], В. В. Якунина [2, с. 43], И. В. Григорьева [3, с. 87], Р. А. Хасанов [4, с. 22], В. И. Новоселов [5, с. 23], В. М. Корельский, В. Д. Перевалов [6, с. 507] и др. Некоторые из них обосновывают свою точку

зрению тем, что наделение таких понятий как «правовой статус» и «правовое положение» различным смысловым содержанием приводит к усложнению юридической терминологии, следовательно, затрудняет ее уяснение, может вызвать путаницу в правоприменительной деятельности, использующей указанные понятия.

Тем не менее, многие правоведы акцентируют внимание на различном смысловом содержании понятий «правовой статус» и «правовое положение». Уже, исходя сравнительного семантического анализа этих терминов, можно заметить, что их употреблению присущи различные языковые конструкции. Правовой статус встречается в словосочетаниях «лишить статуса», «наделить статусом», «признать статус», в то время как правовое положение в такой логической связке слов, как правило, не используется.

Одним из первых разграничивать категории «правовой статус» и «правовое положение» начал В. А. Патюлин, считавший правовое положение лица динамичнее и шире его правового статуса, так как оно охватывает помимо общих прав граждан их дополнительные права и обязанности, которые конкретная личность приобретает, вступая в различные правоотношения [7, с. 228].

Н. В. Витрук выделяет два самостоятельных понятия правового положения (статуса) личности в широком смысле и узком смысле. При этом в первом случае можно говорить о правовом положении субъекта правоотношения, а во втором — о его правовом статусе. Если правовой статус личности представляет собой систему прав и обязанностей личности, которые закреплены и гарантированы ей по закону, то правовое положение является более широкой обобщающей категорией, включающей в себя весь спектр взаимосвязанных элементов состояния личности, закрепленного правовыми нормами [8, с. 25]. Е. А. Лукашева, соглашаясь с Н. В. Витруком включает в понятие «правовое положение» предстатутные и послестатуные элементы, которые, по ее мнению, являются либо предпосылками правового статуса (гражданство, общая правосопособность) либо вторичными по отношению к остальным (юридическая ответственность) или выходящими за пределы правового статуса (система гарантий, законные интересы). В отличие от правового положения структуру правового статуса Н. В. Лукашева определяет только категориями прав и обязанностей [9, с. 100]. А. А. Алексеев также поддерживает мнение Н. В. Витрука, отмечая при этом, что «основу правового положения личности составляют существующие в виде общего состояния субъективные права и обязанности, являющиеся тем стабильным и основополагающим», что в полной мере соответствует смыслу понятия «статус» [10, с. 142].

Е. Г. Белькова считает, что термин «правовой статус» наиболее применим для общей характеристики положения человека личности и гражданина, в то время как «правовое положение» характеризует физическое лицо как участника конкретных общественных отношений [11, с. 44].

А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток и В. А. Кучинский разграничивают понятия «правовой статус» и «правовое положение» личности по объему содержания входящих в них элементов. Так правовой статус гражданина (личности) включает в себя права, свободы и обязанности человека, закреплённые в законодательстве определенного государства. При этом правовое положение личности ученые считают более широким понятием, в которое включает в себя наряду с распространяющимися на нее статусными правами и обязанностями еще и субъективные правовые элементы — гражданство, правосубъектность, а также ответственность за возможно совершенное правонарушение [12, с. 221].

В. Н. Протасов разделяет категории «правовой статус» и «правовое положение». Правовой статус он считает исходным понятием, а правовое положение комплексной категорией, включающей в себя как правовой статус субъекта правоотношений, так и совокупность конкретных правовых связей, в которых он состоит [13, с. 181].

Л. П. Рассказов характеризует правовой статус как совокупность признанных государством прав и свобод личности, а также обязанностей, установленных государством. По его мнению, правовое положение является более узким понятием, являющимся частью правового статуса и представляющее собой совокупность реализуемых прав свобод и обязанностей [14, с. 149]. Схожий взгляд на соотношение указанных юридических категорий высказывает Т. А. Хмелевская, полагая, что правовой статус осужденного является более широким понятием, включающим в себя правовое положение указанного специального субъекта правоотношений [15, с. 7]. Согласившись с тем, что правовое положение вбирает в себя права, свободы и обязанности, присущие конкретным правоотношениям, вместе с тем авторы считают, что правовое положение не может быть уже понятия правовой статус, так как последний является его отправной точкой, начальным уровнем

развития правового положения. Здесь мы склонны поддержать позицию В. В. Бараненкова. Он обусловливает правовое положение лица его правовым статусом, который является «ролевой позицией» субъекта в правовых отношениях, определенным фиксированным уровнем (ступенью) развития правового положения, достижение которого влечет его существенное изменение, возникновение нового юридического состояния [16, с. 22].

Р. А. Загидулин считает правовое положение более объемным понятием, чем правовой статус, так как субъект правоотношений может быть носителем нескольких статусов и являться субъектом различных правоотношений. Правовое положение и правовой статус соотносятся между собой как общее и частное, где частное не может выходить за пределы общего. Следственно правовое положение должно ограничивать субъекта определенными статусными рамками [17, с. 85].

А. Ю. Якимов определяет правовой статус как стабильное правовое состояние субъекта, а правовое положение — как изменчивую совокупность прав и обязанностей, обусловленную вступлением субъекта в те или иные правоотношения [18, с. 7].

А. В. Красильников рассматривает правовой статус как систему прав, обязанностей и ответственности субъектов правоотношений исходя из его субъективного и статичного характера, динамику которому придает конкретный юридический факт. В то время как правовое положение является категорией объективной, представляющей собой положение лица в системе правовых статусов субъектов права, а также результат взаимных связей и взаимозависимостей [19, с. 48].

Н. В. Летова приходит к выводу о необходимости разграничения понятий «правовое положение» и «правовой статус» как категорий не являющихся тождественными. Правовое положение она определяет как более емкую категорию, применимую для характеристики отдельной самостоятельной группы субъектов права, в то время как правовой статус целесообразно применять для конкретизации персонификации юридически закрепленного положения таких групп [20, с. 47].

По мнению С. Г. Лысенкова понятию «правовой статус» соответствует законодательно закрепленное, стабильное правовое состояние субъектов правоотношений, понятию «правовое положение» — совокупность реальных прав и обязанностей, льгот и преимуществ, ограничений и ответственности, связанная с возникновением конкретных юридических фактов [21, с. 8]. Схожее мнение с С. Г. Лысенковым имеет Д. Ч. Салихова, отмечая, что правовое положение личности является наиболее широким понятием. Оно более конкретизировано, чем правовой статус и характеризует состояние личности в конкретных правоотношениях [22, с. 57]. Иной точки зрения придерживается В. В. Лазарев, по мнению которого правовое положение личности выступает как сумма общего правового статуса гражданина или члена общества и любого другого, например, отраслевого или специального [23, с. 402].

Стоит упомянуть, что наряду с распространёнными взглядами ученых, подвергающими сравнительному анализу категории «правовой статус» и «правовое положение», существует мнение, прямо не противопоставляющее указанные понятия, а расширяющее содержание одного из них. К примеру, Ю. В. Кареева выделяет нормативный правовой статус, содержание которого предусматривается нормами права, и фактический правовой статус, представляющий собой реальное положение субъекта правоотношений в конкретных социально-экономических условиях [24, с. 20].

Необходимо отметить, что законодательство Российской Федерации, как правило, не проводит какого-либо различия между понятиями «правовой статус» и «правовое положение». Это выражается в виде отождествления указанных понятий посредством использования следующей логически-лингвистической формы «правовой положение (статус)» в нормативно-правовых актах[1]. Возможно и прямое указание в законе на тождество этих понятий. Так статья 2 Закона Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации» под статусом столицы России предписывает понимать правовое положение города Москвы[2].

Заключение

Таким образом, проведенный анализ подходов ученых-юристов к соотношению понятий «правовой статус» и «правовое положение» позволяет сделать следующие основные выводы.

В общей теории права отсутствует единое мнение относительно содержания и соотношения таких юридических категорий как «правовой статус» и «правовое положение».

[1] О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

[2] О статусе столицы Российской Федерации : Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4802-I // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 19. Ст. 683.

Однако изучение различных точек зрения ученых позволило определить нам ключевые основополагающие элементы правового положения (статуса) личности, какими являются права, свободы, обязанности и ответственность. Правовое положение (статус) — это сложное комплексное правовое явление. С одной стороны, оно облекает в правовую форму (законные рамки) социальное положение субъектов правоотношений и тем самым отделяет их друг от друга, с другой — представляет собой инструмент согласования интересов личности, общества, государства, который носит исторически обусловленный характер. Российское законодательство в юридической терминологии использует понятия «правовой статус» и «правовое положение» как равнозначные. Авторы статьи поддерживают позицию, согласно которой понятия «правовой статус» и «правовое положение» не являются тождественными и имеют различное смысловое значение. При этом указанные юридические категории не противопоставляются, а дополняются друг другом, что позволяет более глубоко проанализировать сущность многих взаимосвязанных с ними правовых явлений. Категория «правовой статус» соответствует законодательно закрепленному, стабильному, статичному правовому состоянию, в то время как «правовое положение» отражает совокупность реальных прав, обязанностей и ответственности, связанную с конкретными юридическими фактами, динамично возникающими между субъектами правоотношений в процессе повседневной жизнедеятельности. Правовому положению присущ диалектический противоречивый характер, оно соединяет в себе потенциальное и реальное, возможное и действительное, должное и сущее. Таким образом, правовой статус является законодательно зафиксированным начальным уровнем развития правового положения и теоретически может существовать в отрыве от последнего, в то время как правовое положение лица невозможно без определения его правового статуса.

Мы не согласны с мнением ученых, считающих, что наделение таких понятий как «правовой статус» и «правовое положение» различным смысловым содержанием может вызвать путаницу в правоприменительной деятельности, использующей указанные понятия. По нашему мнению, путаницу в правоприменительной деятельности может вызвать именно применение в правовой сфере излишних терминов, идентичных по содержанию, обозначающих одно и то же явление, но четко нормативно неопределенных. Следует признать, что указанный недостаток в целом присущ законодательству Российской Федерации на современном этапе его развития, и такие юридические категории как «правовой статус» и «правовой положение» требуют четкой нормативной регламентации и единого толкования.

Список источников

1. Матузов Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. 5-е изд. Москва : Дело, 2020. 528 с.
2. Якунина В. В. Гражданская правосубъектность индивидуального предпринимателя: проблемы возникновения и прекращения : дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2009. 197 с.
3. Григорьева И. В. Теория государства и права : учебное пособие. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. 306 с.
4. Хасанов Р. А. Гражданско-правовой статус обладателя исключительного права на товарный знак : дис. … канд. юрид. наук. Казань. 2010. 199 с.
5. Новоселов В. И. Правовое положение граждан в советском государственном управлении. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та. 1976. 216 с.
6. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. Москва : Издательская группа ИНФРА М–НОРМА, 1997. 570 с.
7. Патюлин В. А. Государство и личность в СССР. Правовые аспекты взаимоотношений. Москва : Наука, 1974. 246 с.
8. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. Москва : Норма, 2008. 448 с.
9. Права человека : учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. 2-е изд., перераб. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. 560 с.
10. Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 томах. Т. 2. Москва : Юрид. лит., 1982. 360 с.
11. Белькова Е. Г. Статус субъекта права // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2007. № 1. С. 44–47.
12. Вишневский А. Ф. Общая теория государства и права : учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток, В. А. Кучинский ; под общ. ред. проф. В. А. Кучинского. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Изд-во деловой и учеб. лит-ры, 2006. 656 с.

13. Протасов В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2001. 346 с.

14. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс : учебник. Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2015. 559 с.

15. Хмелевская Т. А. Правовое положение осужденных в России. Оренбург : Оренбургский институт (филиал) университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2018. 71 с.

16. Бараненков В. В. Теоретико-правовые основы определения юридической личности военных организаций // Военное право. 2009. № 2. С. 22–40.

17. Загидулин Р. А. Понятие правового положения Вооруженных Сил Российской Федерации // Материалы научно-практической конференции. Москва : ВУ, 2009. С. 85–86.

18. Якимов А. Ю. Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право. 2003. № 4. С. 7–8.

19. Красильников А. В. К вопросу о соотношении понятий «правовое положение» и «правовой статус» в сфере уголовно-процессуальных правоотношений // Академическая мысль. 2020. № 3 (12). С. 47–49.

20. Летова Н. В. О правовой природе правового статуса несовершеннолетних // Государство и право. 2016. № 2. С. 42–49.

21. Лысенков С. Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны (Историко-правовое исследование) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : специальность 12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / Лысенков Сергей Геннадьевич. Санкт-Петербург, 2005. 54 с.

22. Салихова Д. Ч. К вопросу о соотношении категорий «правовой статус» и «правовое положение» применительно к субъекту оценочной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 1. С. 55–58.

23. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ, 1996. 472 с.

24. Карева Ю. В. Гражданско-правовой статус публичных образований // Юрист. 2003. № 5. С. 20–29.

ВКЛАД АВТОРОВ
Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS
Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ
Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 02.09.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 34.01

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЦЕЛЯМИ И СРЕДСТВАМИ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Михаил Алексеевич Куликов
Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия
Mikhail.a.kulikov@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-0978-0141

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи выступает манипулирование юридическими целями и средствами в правореализационном процессе — форма правомерного поведения, которая остается практически неисследованной в современной российской юридической науке, несмотря на достаточно широкое распространение манипулятивных технологий в правовом регулировании общественных отношений. Основное внимание уделяется природе, содержанию и признакам манипулирования юридическими целями и средствами в процессе реализации права, а также корреляции между данной разновидностью манипулирования и эффективностью правотворчества. Отстаивается позиция, согласно которой манипулирование юридическими целями и средствами необходимо рассматривать как осуществляемую при помощи скрытой тактики или стратегии форму правомерного поведения, заключающуюся в постановке или использовании юридических целей, а также в создании или применении юридических средств в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемых). Автор исследует специфические черты манипулирования юридическими целями и средствами в процессе всех форм реализации права — соблюдения, исполнения, использования и применения права, подчеркивая их взаимозависимость и тот факт, что манипулирование в процессе любой из форм правореализационной деятельности способно существенно трансформировать, исказить весь процесс реализации права в целом. Анализируются ключевые результаты манипулирования юридическими целями и средствами в правореализационном процессе, которые сводятся к тому, что реализация права из необходимого и социально-обусловленного процесса трансформации заложенных в юридических нормах предписаний в поведение субъектов права становится лишь средством осуществления интересов определенной группы лиц, искусственно сконструированным, механическим процессом координации поведения участников правоотношений.

Ключевые слова: манипулирование, юридическая цель, юридическое средство, правовое регулирование, реализация права, соблюдение права, исполнение права, использование права, применение права, интерес, правотворчество

Для цитирования: Куликов М. А. Манипулирование юридическими целями и средствами в процессе реализации права: понятие, содержание, результаты // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 12–19.

© М. А. Куликов

Research article

MANIPULATION BY MEANS OF LEGAL GOALS AND INSTRUMENTS IN THE PROCESS OF REALIZATION OF LAW: CONCEPT, CONTENT, RESULTS

Mikhail A. Kulikov
Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
Mikhail.a.kulikov@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-0978-0141

Abstract. The subject of this article is the manipulation by means of legal goals and instruments in the process of realization of law — a form of lawful behavior that remains practically unexplored in modern Russian legal science, despite the fairly widespread use of manipulative technologies in the legal regulation of social relations. The main attention is paid to the nature, content and features of the manipulation by means of legal goals and instruments in the process of realization of law, as well as to the correlation between this type of manipulation and the effectiveness of lawmaking. The position is defended, according to which the manipulation by means of legal goals and instruments should be considered as a form of lawful behavior carried out with the help of hidden tactics or strategy, which consists in setting or using legal goals, as well as in creating or applying legal means in the interests of the subject of management (manipulator) contrary to the true needs and interests of the control object (manipulated). The author explores the specific features of the manipulation by means of legal goals and instruments in the process of all forms of realization of law — adherence to law, fulfillment of law, enjoyment of law, and enforcement of law, emphasizing their interdependence and the fact that manipulation in the process of any form of realization of law can significantly transform and distort the entire process. The key results of the manipulation by means of legal goals and instruments in the process of realization of law are analyzed, which boil down to the fact that the realization of law from the necessary and socially conditioned process of transforming the prescriptions laid down in legal norms into the behavior of subjects of law becomes only a means of realization of the interests of a certain group of persons, artificially constructed, mechanical process of coordinating the behavior of participants in legal relations.

Keywords: manipulation, legal goal, legal means, legal regulation, realization of law, adherence to law, fulfillment of law, enjoyment of law, enforcement of law, interest, lawmaking

For citation: Kulikov MA. Manipulation by means of legal goals and instruments in the process of realization of law: concept, content, results. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):12-19. (In Russ.)

Введение

Следует признать, что манипулятивные технологии получили широкое распространение не только при использовании информационного или психологического воздействия на поведение людей, но и в процессе правового регулирования общественных отношений [1, с. 29–43]. Отрицать очевидное — значит намеренно игнорировать сложившуюся реальность, масштабные формы использования юридических целей и средств в интересах субъекта манипулятивного воздействия за счет и в ущерб интересам объекта управления.

При этом следует отметить, что манипулирование целями и средствами масштабно применяется не только в правотворческом процессе, но и в процессе реализации права — при воплощении юридических норм в *правомерном* поведении участников общественных отношений.

Сущность манипулирования целями и средствами в правореализационном процессе

С учетом сущности и природы манипулирования как родового понятия, полагаем обоснованным исходить из того, что *манипулирование юридическими целями и средствами* — это осуществляемая при помощи скрытой тактики или стратегии форма правомерного поведения, заключающаяся в постановке или использовании юридических целей, а также в создании или применении юридических средств в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным

потребностям и интересам объекта управления (манипулируемых).

Правотворческий процесс вне эффективной реализации права теряет свою значимость и социальное предназначение, ведь именно то, как принятые юридические предписания будут претворяться в действительность, реализовываться в процессе правомерной активности участников правоотношений и является основным показателем качества и результативности деятельности многочисленных правотворцев. Следует полностью солидаризироваться с утверждением о том, что право создается для того, чтобы оно практически претворялось в жизнь, чтобы достигались те цели, на которые рассчитывал законодатель. В противном случае сам этот институт не имел бы смысла [2, с. 325].

В силу сказанного, анализ манипулятивного использования юридического инструментария в процессе реализации права считаем более чем актуальным и значимым в силу его тесной корреляции как с правотворчеством, так и интерпретацией права.

Считаем целесообразным исходить из того, что *реализация права представляет собой* процесс воплощения юридических норм в правомерном поведении участников общественных отношений (граждан, органов публичной власти, организаций, предприятий и т. д.). Основное предназначение права — регулирование, упорядочение общественных отношений, в связи с чем вполне логичным представляется и то, что вне поведения людей, вне их действий правовое регулирование немыслимо. Также стоит оговорить и то, что реализация права возможна только посредством *правомерного* поведения участников общественных отношений, т. к. правонарушение «перечеркивает» правовую норму, сводит на нет усилия и замысел субъектов правотворческого процесса, государственную волю общества, является не формой жизни (реализации) юридического предписания, а его нивелированием, разрушением.

Следует отметить, что в научной литературе существует и несколько иная точка зрения, согласно которой реализация права трактуется не как *процесс* воплощения в жизнь правовых норм, а как *конечный результат* действия права в обществе, как достижение соответствия между фактическими действиями субъекта права и предписаниями правовых норм [3, с. 6].

С указанной позицией достаточно трудно согласиться, т. к., по нашему мнению, в данном случае происходит отождествление реализации права именно как *процесса* воплощения правовых предписаний в жизнь с правопорядком как сложившемся состоянием упорядоченности общественных отношений, основанным на праве и законности [4; 5, с. 128–129; 6, с. 81–85] и являющемся *результатом*, следствием реализации (соблюдения, исполнения, использования и применения) права. Полагаем, что реализация права онтологически не может быть *конечным результатом* действия права, т. к. постулируемый «конечный результат» и должен выступать следствием какого-либо процесса — в данном случае, правореализационного. А качественный и эффективный правореализационный процесс, в свою очередь, приводит к искомой упорядоченности общественных отношений и определенному, отражающему уровень правовой культуры в обществе, правопорядку.

Сказанное, тем не менее, не исключает того, что сам правопорядок может рассматриваться не только как некое конечное, статичное состояние упорядоченности общественных отношений, как это изначально понималось классиками права [7, с. 27–33; 8, с. 12–14], но и как «динамически развивающаяся сконструированная модель, содержание которой определяется правосознанием и правовой традицией» [9, с. 77–88] или как постоянная деятельность субъектов права по реализации правовых норм, построенная на внешнем и внутреннем диалоге и ориентированная на представление социума о должной модели правового поведения [10, с. 14; 11, с. 5–25].

Другими словами, если для отождествления правопорядка и самого *процесса* реализации права существуют достаточно убедительные основания, которые свидетельствуют о развитии и значительной трансформации концепции правопорядка, то для отождествления процесса реализации права и конечного результата действия права в обществе подобных оснований мы не находим.

Придерживаясь устоявшейся концепции правореализационного процесса, считаем обоснованным выделять *четыре формы* реализации права: соблюдение, исполнение, использование и применение права [2, с. 327; 12, с. 420], исходя из чего и будем строить логику дальнейших рассуждений, фокусируя внимание на природе, содержании и результатах манипулирования юридическими целями и средствами *в процессе соблюдения, исполнения, использования и применения права*.

Прежде всего необходимо отметить, что реализация права является логичным «продолжением» правотворческого процесса, что означает, что если манипулирование юридическими целями и средствами имело место

в процессе создания нормативно-правовых актов, то даже самая эффективная реализация юридических предписаний не приведет к искомой упорядоченности общественных отношений и тому правопорядку, который адекватно отражает естественно-исторические и социально-политические факторы, способствующие сбалансированному развитию общественных отношений и гармоничному сосуществованию интересов личности, общества и государства. В подобном случае реализация права будет отражать интересы лишь субъекта управления (субъекта правотворческого процесса, либо тех, кто сумел пролоббировать свои интересы посредством данного вида *правомерной* активности [13, с. 41]), а участники правореализационного процесса будут выступать как объекты управления, способствующие реализации интересов его субъектов. Искусно созданные правовые стимулы и ограничения, координирующие требуемое поведение объекта управления (в данном случае — участника правореализационного процесса) и *заставляющие последнего верить*, что он, соблюдая запреты, исполняя обязанности, используя субъективные права и даже обращаясь в компетентные органы для реализации определенного правомочия действует исключительно в своих интересах и его поведение в полной мере свободно, не снимают проблемы стратегического дисбаланса в интересах личности, общества и государства, которая свидетельствует об отсутствии подлинной эффективности правового регулирования.

Таким образом, одним из важнейших результатов манипулирования целями и средствами в правотворческом процессе является нивелирование подлинной социальной обусловленности и эффективности всего правореализационного процесса, при котором он становится лишь *средством* осуществления интересов субъекта манипулятивного воздействия на общественные отношения, теряя самостоятельное значение в правовой жизни общества.

На процесс реализации права воздействует значительная совокупность социально-экономических, политических, естественно-исторических, культурных, нравственных, психологических, организационных и других факторов, способных *существенно трансформировать* любую из форм реализации права.

Так, осуществляемая в государстве политика, проводимые финансово-экономические преобразования, создаваемый информационный фон способны серьезно повлиять на правовую культура общества в целом и на восприятие участниками правоотношений определенных запретов, на их отношение к новым юридическим обязанностям, на решимость отстаивать одни субъективные права и жертвовать другими и т. д.

Социально-политические, информационные, культурно-нравственные и иные аспекты реализации права изначально предполагают возможность манипулятивного воздействия на общественные отношения, когда объект управления (в данном случае — участник правореализационного процесса) исходя из имеющейся информации и под воздействием совокупности указанных факторов, добровольно принимает решение, запланированное субъектом управления, вопреки своим истинным потребностям и интересам.

Так, любой из участников правореализационного процесса, находясь в *социокультурном поле*, при помощи соответствующих информационных, психологических, воспитательных, образовательных, просветительских, маркетинговых, финансово-экономических и иных средств воздействия может быть убежден в *значимости* принятых юридических предписаний и содержащихся в них обязанностей и запретов и, таким образом, быть замотивированным на их исполнение и соблюдение. Подобным образом можно спровоцировать *негативную* реакцию как общества в целом, так и отдельных участников правореализационного процесса на определенные процессы, формы поведения, факты, события, что существенным образом скажется как на использовании субъективных прав, так и на правоприменительной деятельности, включающей охрану и защиту прав, свобод и законных интересов граждан.

Следовательно, протекая в социокультурном поле и будучи зависимым от различных факторов и обстоятельств «внешней среды» правореализационный процесс может быть легко «настроен» таким образом, который изначально выгоден либо участникам правотворческого процесса, либо иным субъектам управления, предопределяя способы, методы и соответствующую мотивацию для соблюдения, исполнения, использования и применения права участниками правоотношений.

Сказанное позволяет сделать *вывод*, что манипулирование реализацией права может иметь место как *до* ее начала (в правотворчестве), так и осуществляться субъектами, находящимися за рамками, *вне* этого процесса (субъектами управления, формирующими соответствующие информационные, психологические, организационные и иные факторы, влияющие на все формы реализации права).

В подобном случае, участники правореализационного процесса являются *объектами* манипулятивного воздействия и их правомерное поведение изначально запрограммировано, предопределено, поставлено в такие рамки, которые не оставляют им свободы выбора и заставляют полагать, что осуществляемые действия, действительно, являются лучшей альтернативой в сложившихся обстоятельствах и они ведут себя свободно, рационально, максимально эффективно используя предоставленные им возможности и исполняя соответствующие обязательства.

Результаты манипулирования целями и средствами в правореализационном процессе

Результаты подобного манипулирования юридическими целями и средствами выражаются в следующем.

1. Реализация права из необходимого и социально-обусловленного процесса трансформации заложенных в юридических нормах предписаний в поведение участников правоотношений становится лишь *средством* реализации интересов определенной группы лиц (при этом нельзя исключать того, что эти интересы могут быть также социально обусловленными и отражать критически важные векторы развития государства и общества в целом), исключающим объективность и естественно-историческую обусловленность данного процесса.

2. Реализация права становится *искусственно* сконструированным, *механическим* процессом координации поведения участников правоотношений, существенно ограничивающим их свободу выбора, вводящим субъектов права в заблуждение относительно их истинных интересов и потребностей, равно как и тех возможностей, которыми они могут располагать в целях реализации своих прав, свобод и законных интересов [14, с. 89–96].

3. Сказанное *снижает качество правовой жизни* общества, которая представляет собой «форму социальной жизни, выражающуюся в основном в правовых актах и правоотношениях, характеризующую специфику и уровень правового развития общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов» [15, с. 52]. Подобная форма манипулирования, заведомо предопределяя отношение субъектов права к юридическим предписаниям, делает пустыми, фиктивными, не отражающими полноценно и адекватно социальную реальность разнообразные правовые акты, правоотношения, которые уже являются не столько способом реализации правомерных стремлений, сколько *средством* удовлетворения интересов субъектов управления. Иными словами, в правовую жизнь общества добавляется *координируемая дезориентация* субъектов права, интересы и потребности участников правоотношений подменяются *суррогатными правомерными стремлениями*, выгодными лишь субъекту манипулирования и не имеющими ничего общего с адекватным осмыслением реальности.

4. Сформировавшийся правопорядок *перестает выступать объективным отражением* упорядоченности общественных отношений на основе действия *права*, т. к. отмеченная «упорядоченность» создается искусственно, а не вследствие достигнутого баланса интересов личности, общества и государства в ходе естественно-исторического процесса правообразования [16, с. 125–135]. Как следствие, правопорядок определяется не столько сформировавшимся правосознанием населения, сколько навязанными обществу клише, стереотипами, искусственно созданными интересами, потребностями, представлениями о справедливом.

Правопорядок, который справедливо исследуется Н. Н. Черногором и Д. А. Пашенцевым через призму целостного представления социума о должной модели правового поведения [10, с. 14] становится *искусственной матрицей*, ибо представление общества о сущем и должном являются изначально трансформированным. Безусловно, как правосознание, так и правопорядок в подобной ситуации продолжают существовать и выступать важнейшей характеристикой прогресса как в праве [17; 18, с. 26–31], так и в обществе в целом, однако их уровень и содержание предопределяются механически, извне, что существенным образом снижает онтологическую ценность данных характеристик правовой жизни общества.

Корреляция манипулирования юридическими целями и средствами с формами реализации права

Изложенное выше является результатом манипулирования целями и средствами, при котором участники правореализационного процесса являются, как уже подчеркивалось, *объектом* манипулятивного воздействия, добровольно, посредством правомерного поведения реализуя заданную субъектом управления программу.

Вместе с тем, участники правореализационного процесса зачастую сами выступают *субъектами*, манипулирующими юридическими целями и средствами ради реализации своих правомерных стремлений

за счет и в ущерб интересам иных участников правоотношений.

Сказанное имеет место во *всех формах* реализации права. К примеру, при *соблюдении* права суть данной формы правомерного поведения может заключаться в таких действиях субъекта права, которые позволяют последнему соблюсти запрет за счет и в ущерб интересам иных участников правоотношений, оставаясь при этом в границах дозволенного законом и реализовать свои не противоречащие праву стремления.

Манипулирование юридическими целями и средствами в процессе *исполнения права* заключается в таком выполнении возложенных на субъекта обязанностей, при котором происходит реализация его субъективных прав, свобод и законных интересов *за счет и в ущерб корреспондирующего (противостоящего) участника правоотношений*, государства или общества в целом, ради обеспечения интересов которых данная обязанность и была изначально установлена.

При осуществлении манипулирования юридическими целями и средствами в процессе исполнения права, обязанный субъект формально ведет себя в соответствии с предъявляемыми к нему требованиями, но это не приводит к изначально планируемым правотворцем последствиям и реализует в первую очередь интересы самого обязанного лица за счет и в ущерб интересам корреспондирующих ему в правоотношении лиц.

В качестве примеров манипулирования юридическими обязанностями в правореализационном процессе можно привести исполнение лицом призывного возраста обязанности службы в армии, которую он исполняет халатно, «спустя рукава», лишь для того, чтобы в дальнейшем иметь возможность устроиться на работу в правоохранительные органы.

Избирательное реагирование прокурора на нарушение прав, свобод или законных интересов граждан с целью получения очередного «резонансного» дела в свое производство также является манипулированием не только конкретной обязанностью защитить нарушенные права лица (а не привлечь внимание к своей персоне), но и всеми иными обязанностями данного должностного субъекта, связанными с добросовестным и профессиональным несением службы.

Манипулирование юридическими целями и средствами в процессе такой формы реализации права, как *использование*, заключается в том, что управомоченный субъект реализует свои права, свободы и законные интересы за счет и в ущерб интересам другого участника правоотношения, при котором *объект* манипулирования действует исходя из того, что его форма поведения является оптимальной, допустимой или единственно возможной в сложившейся ситуации. Другими словами, объект манипулирования находится в *неведении* относительно истинных мотивов и замыслов *субъекта* манипулятивного воздействия, которым и является управомоченное лицо, действующее правомерно и реализующее свои субъективные права, свободы и законные интересы.

Ключевым отличием данной формы правомерного поведения от злоупотребления правом будет являться то, что желание причинить вред какому-либо участнику правоотношения в качестве основной *цели или мотива поведения* у субъекта манипулирования отсутствует — последний желает реализовать *свои субъективные права, свободы или законные интересы*, используя для этого контрсубъекта в правоотношении лишь как *средство*.

В качестве примера манипулирования целями и средствами в процессе данной формы реализации права можно привести использование стороной субъективного права на обращение в судебные инстанции различного уровня с целью затянуть принятие итогового решения по делу и надлежащим образом подготовиться к возможному неблагоприятному исходу разбирательства.

Следующей формой реализации права является *правоприменение*, которое представляет собой *властную* деятельность компетентных органов и должностных лиц, направленную на реализацию права. В отмеченном контексте считаем важным оговорить, что манипулирование юридическими целями и средствами *в процессе* правоприменительной деятельности ее участниками необходимо отличать от манипулирования уже изданными актами применения права, что будет являться манипулированием в процессе соблюдения, исполнения или использования тех юридически-властных предписаний, которые и содержатся в правоприменительном акте.

Таким образом, под манипулированием юридическими целями и средствами в правоприменительной деятельности *предлагаем понимать* осуществляемое при помощи скрытой тактики или стратегии *правомерное* воздействие правоприменителя (субъекта управления) на поведение *объекта управления* посредством юридического инструментария, при котором последний, исходя из имеющейся информации, добровольно принимает решение, запланированное *субъектом управления*

вопреки своим истинным потребностям и интересам.

Необходимо подчеркнуть, что данная разновидность манипулирования достаточно тесно связана с соблюдением запретов, исполнением обязанностей и использованием правовых дозволений должностными лицами в процессе применения права, ведь правоприменительная деятельность осуществляется, в конечном итоге, конкретными людьми, которые будучи компетентными и специально уполномоченными на подобную деятельность субъектами, обладают собственными интересами, сознанием и волей. Сказанное вновь подчеркивает диалектическую взаимосвязь всех четырех рассматриваемых форм реализации права.

Примерами использования манипулятивных технологий субъектами правоприменения может выступить награждение работника почетной грамотой или присвоение ему специального звания не столько ради поощрения за проделанную работу или демонстрации высокой оценки его вклада в развитие предприятия, сколько ради удержания его на прежней позиции без повышения заработной платы; перевод сотрудника на более статусную должность не в качестве поощрения и не ради повышения заработной платы, но для увеличения объема должностных обязанностей и фронта работ и др.

Заключение

Изложенное выше позволяет прийти к следующим *выводам*.

Все формы реализации права самым тесным образом связаны между собой, что означает то, что манипулирование в процессе любой из форм правореализационной деятельности способно существенно трансформировать, исказить весь процесс реализации права *в целом*.

Манипулирование юридическими целями и средствами приводит к *дефектности* правореализационного процесса, которая в данном контексте означает то, что воплощение правовых предписаний в жизнь не соответствует целям правотворчества и не способно полноценно удовлетворить правомерные стремления участников правоотношений.

Дефектность же правореализации с неизбежностью приводит к *дисфункции права*, наиболее масштабным последствием которой является отсутствие баланса в сосуществовании интересов личности, общества и государства.

Список источников

1. Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 29–43.
2. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 5-е издание. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 528 с.
3. Морозова Л. А. Особенности форм реализации прав и свобод личности // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2, № 5. С. 5–17.
4. Борисов В. В. Правовой порядок развитого социализма: вопросы теории. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1977. 408 с.
5. Мамут Л. С. Народ в правовом государстве. Москва : Норма, 1999. 160 с.
6. Болдырев С. Н., Працко Г. С. Право, правовые законы и правопорядок // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 4 (87). С. 81–85.
7. Коркунов Н. М. Русское государственное право. В 2 томах. Т. 1. Введение и общая часть. Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1914. 530 с.
8. Иеринг Р. Борьба за право. Москва : Феникс, 1991. 63 с.
9. Безруков А. В., Тепляшин И. В. Современная модель конституционного правопорядка: контуры формирования // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 77–88.
10. Черногор Н. Н., Пашенцев Д. А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследования // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 5–16.
11. Черногор Н. Н., Емельянов А. С. Правопорядок и интерес в контексте развития сравнительного правоведения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3. С. 5–25.
12. Морозова Л. А. Теория государства и права. Москва : Эксмо, 2010. 530 с.
13. Субочев В. В. Формы и методы лоббистской деятельности в правовой действительности российского государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 4. С. 35–47.
14. Субочев В. В. Механизм трансформации законных интересов в субъективные права и субъективных прав в законные интересы // Современное право. 2007. № 3. С. 89–96.
15. Малько А. В. Правовая система и правовая жизнь общества // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 51–60.

16. Субочев В. В. Диалектика интересов личности, общества и государства как общеправовая проблема // Право и государство: теория и практика. 2006. № 5. С. 125–135.

17. Барсуков А. Ю. Правовой прогресс как юридическая категория : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 26 с.

18. Поздняков И. П. Правовой прогресс в условиях государства и права переходного типа: теоретико-методологическое исследование // Право и практика. 2019. № 2. С. 26–31.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ
Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 02.09.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 06.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 340.1

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ГЕНЕТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Олег Александрович Пучков
Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
Argun061@gmail.com

Аннотация. В статье провозглашается новое научное направление в рамках правоведения. На основе метода доктринального анализа обосновывается формирование генетико-правовой доктрины (науки), которая в настоящее время активно формируется в недрах правоведения. Междисциплинарный характер нового научного направления обусловлен комплексностью ее предмета познания — человека во всем присущим ему богатстве природных, биологических, социальных свойств и черт. В статье обосновываются и раскрываются такие принципы познания генетико-правовых исследований, как принцип связи биологического и социального, принцип интерпретации человека как генетически детерминированного биосоциального существа и правового универсума, принцип социального характера материально-телесной жизни.

Методологическое значение указанных принципов для развития генетико-правовых исследований заключается в том, что основной объект познания науки генетики в силу его междисциплинарного характера должен рассматриваться не как самостоятельная сущность, а в имманентной связи с личностью и физической организацией (телесностью) человека, а также в связи с духовными и социальными характеристиками. Генетико-правовая наука должна формировать и анализировать свои предметы в контексте взаимовлияния природно-телесных, генетико-правовых и материальных элементов, а также в контексте того, как право, законы и юридическая практика нормирую рациональную деятельность человека, становясь при этом соответствующими явлениями объективного мира.

Ключевые слова: генетико-правовые исследования, принципы науки, право, антропология, биологическое, социальное

Для цитирования: Пучков О. А. Антропологический подход в генетико-правовых исследованиях // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 20–26.

Research article

ANTHROPOLOGICAL APPROACH IN GENETIC AND LEGAL RESEARCH

Oleg A. Puchkov
Ural State Law University V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia
Argun061@gmail.com

Abstract. The article proclaims a new scientific direction within the framework of jurisprudence. On the basis of the method of doctrinal analysis, the formation of the genetic and legal doctrine (science), which is currently being actively formed in the depths of jurisprudence, is substantiated. The interdisciplinary nature of the new scientific direction is due to the complexity of its subject of knowledge — a person in all his inherent wealth of natural, biological, social properties and traits. The article substantiates and reveals such principles of cognition of genetic and legal research as the principle of the connection between the biological and the social, the principle of interpreting a person as a genetically determined biosocial being and the legal universe, the principle of the social nature of material and bodily life.

© О. А. Пучков

The methodological significance of these principles for the development of genetic and legal research lies in the fact that the main object of knowledge of the science of genetics, due to its interdisciplinary nature, should be considered not as an independent entity, but in an immanent connection with the personality and physical organization (corporality) of a person, as well as in connection with spiritual and social characteristics. Genetic-legal science should form and analyze its subjects in the context of the mutual influence of natural-corporeal, genetic-legal and material elements, as well as in the context of how law, laws and legal practice normalize rational human activity, while becoming the corresponding phenomena of the objective world.

Keywords. genetic and legal research, principles of science, law, anthropology, biological, social

For citation: Puchkov OA. Anthropological approach in genetic and legal research. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):20-26. (In Russ.)

Введение

Оценивая состояние генетико-правовой науки в настоящее время следует признать ее начальное состояние, которое характеризуется первыми десятками публикаций и одним-двумя учебниками, которые фиксируют начальное движение научного знания. При этом ощущается сильная потребность в методологических построениях, в осмыслении общих принципов построения названного научного направления, которое сегодня отчетливо приняло вид междисциплинарного теоретико-правового знания. Если игнорировать методологические аспекты, то создаваемый правоведами-генетиками понятийный ряд (в целом соответствующий базовым практическим потребностям наук права и генетики), расходится с системой понятий генетики.

В области действующего законодательства давно ощущается потребность в интенсификации генетико-правовых исследований. Так, именно междисциплинарные исследования позволят уточнить, например, положения уголовного законодательства России об обстоятельствах, характеризующих личность виновного (его несовершеннолетие, состояние беременности, физическое и психическое принуждение к совершению преступления и т. д.), которые влияют на назначение наказания. И главное, в ныне действующем Уголовном Кодексе РФ не говорится о том, в какой степени и в соответствии с какой процедурой суд, при назначении наказания виновному, должен учитывать его биолого-природные качества, свойства и состояния.

Учитывая это обстоятельство, осуществим методологический анализ проблем генетико-правовой науки, конечной целью уяснения которого станет формулировка принципов познавательной деятельности нового междисциплинарного научного направления.

Более общий вопрос о принципах правовой науки (а генетико-правовое направление является ее составной частью) рассматривается во многих ракурсах. Говорят о принципах права, законодательства, правовой системы, государственного устройства и т. д. Авторы, стремясь очертить какие-либо общие основания исследуемого предмета, называют те или иные принципы, порой неоправданно смешивая их, как правильно замечает А. Ф. Черданцев, с каким-либо свойством, чертой того или иного социального явления [5, с. 52, 115].

Однако принцип, скорее всего, категория не онтологического, а методологического, праксеологического характера. В силу этого, логично и объективно правильно выделять прежде всего принципы познания, которые по своей сути выступают определенными правилами рассмотрения объектов генетико-правовой науки.

Генетико-правовой наукой (научным направлением) мы будем называть деятельность ученых (и результаты этой деятельности), направленные на получение, систематизацию и упорядочение новых научных данных (сведений) о правовом воздействии на отношения, связанные с работами в области генно-инженерной деятельности, а также правовых формах деятельности ученых, врачей, специалистов — генетиков над (с) геномом человека. Наши представления о генетико-правовой науке складываются из: 1) совокупности информации о реальной деятельности (манипуляциях) с геномом человека; 2) совокупности информации о правовых нормах и действующем федеральном законодательстве в указанной области; 3) совокупности информации о практике реализации и применения названного законодательства гражданами, административными и судебными органами в области генома человека.

В реальной жизни генетико-правовая наука предстает перед нами как система научных представлений (идей, концепций, доктрин) на основе которых осуществляются многообразные реальные действия (манипуляции)

юридических лиц (организаций, учреждений), действия специалистов-генетиков, действия заинтересованных лиц по поводу генома человека, при этом часто эти действия облекаются в форму правовых связей (правоотношений).

Вопрос о гносеологических принципах нового научного направления — это вопрос об исходных началах, главных идеях, которые лежат в основе познавательной деятельности и используются учеными в целях достоверной и полной рефлексии объекта познания. При этом важно понимать, что имеет значение то обстоятельство, что и право, и антропология, и генетика имеет единый предмет исследования — человека. Это дает основания признать за генетико-правовыми исследованиями междисциплинарный характер, дает основания выдвинуть общий для всех названных научных направлений единый состав принципов познания, обусловленный единством предмета познания, которым является человек (греч. άνθρωπος, антропос) в его единой био-генетико-социализированной сущности.

Основная часть

На основе современного уровня изучения проблемы человека разными науками, антропологические принципы генетико-правового знания представляются в следующем виде.

1. *Принцип связи биологического и социального*. Человек — разновидность живой материи, природный «постав» (М. Хайдеггер) которой проявляется в социальной сфере. Объяснение этого принципа позволяет глубже осознать некоторые сущностные характеристики человека. На этом принципе основывается понимание развития человеческого общества как естественно-исторического процесса. Для раскрытия методологической роли этого принципа существенное значение имеет уточнение понятия «социальное». Чаще всего его употребляют в следующих значениях: а) в широком смысле, как синоним общественной жизни во всем богатстве ее проявления; б) в узком смысле, как особая область общественных отношений (классовых, национальных, этнических, правовых и пр.). Нужно иметь в виду, что социальная форма движения материи предполагает и природные формы, (в том числе на микроуровне) но не сводится к ним, и подчиняет их себе в «снятом» виде. Это значит, что все потребности и интересы личности содержат в своей *основе природные элементы*, предопределены генетическими законами, которые обнаруживают себя уже в качественно иной форме.

Генетико-правовое научное знание предполагает обязательное выявление и учет человеческой природы, обуславливающей последующее приобретение человеком социальных качеств и свойств. Человек как биологический вид динамичен и переменчив, лабильность его душевных качеств обуславливает разную динамику и степень завершенности составляющих его облик элементов (от антропологических данных до способности мылить и социально значимых поступков).

Природное единство, характерное для всех рас, народностей, этносов и т. д. позволяет говорить о типических формах социального опосредования природы человека. Вот те биологические, в своей основе, составляющие, которые прежде всего подлежат учету в генетико-правовых исследованиях: речь, язык, агрессивные наклонности, сознание, культура и символы, эмоции (доброта, гнев, ярость и т. д.), поведенческие мотивы и потребности, формы объединения для продолжения рода, черты характера и т. д.

Проявления биологической сути человека неизбежно, в ходе социальной коммуникации и регулирования, подлежат «выращиванию», культивированию, корректировке, контролю и воздействию (вплоть до наказания). Задача генетико-правового знания заключается в том, чтобы держать в фокусе своего внимания принцип связи биологического и социального и благодаря этому попытаться по-новому посмотреть на те социальные, политические и правовые институты, которые создал человек не только во имя своей природы, но и вопреки ей. Так, например, институт смертной казни представляет собой классический исторический рудимент, реанимацию принципа талиона. Результатом этого «всматривания» в социальное через биологическое должны стать коррекция (если не перестройка) социального механизма, в той его части, в какой его функционирование будет порождать антагонизм с природной структурой человека.

Вообще для биологической и социальной организации характерно управление. Оно есть и внутри организма человека (внутреннее управление), и внутри социальной организации (внешнее управление) Средством, объединяющим эти три типа управления, выступает генетика, сознание и психика человека. Именно благодаря им биоуправление сочетается с социоуправлением, при этом, чем более второе будет соответствовать первому, тем более естественным и ненасильственным будет осуществляться этот способ организации жизни человека и развития общества.

2. *Принцип интерпретации человека как генетически детерминированного биосоциального существа и правового универсума*. Научными

основаниями идеи о человеке как биосоциальном существе являются философские системы И. Канта и И. Фихте. Кант в своей работе «Антропология с прагматической точки зрения» (1798) впервые построил концепцию человека в цельном виде, включив в нее все эмпирические и рациональные характеристики человека. На долю объективного мира были оставлены только непознаваемые вещи в себе. Однако уже И. Фихте в труде «Назначение человека» (1800) стал трактовать «вещи в себе» как элемент человеческой субъективности. Вместе с этим, представители немецкой классической философии так и не сумели окончательно преодолеть дихотомию субъекта и объекта, тела и души, трансцендентного и имманентного.

Понимание человека неотделимо от понимания не только его условий существования, его бытия и развития, но и от его особенностей биологической, психической, физической и духовной конституции. Это конечно не означает физиологического детерминизма в том, варианте, как, например, его понимал Н. Г. Чернышевский. В начале 60-х годов XIX в. Н. Г. Чернышевский выступил со статьей «Антропологический принцип в философии». В работе было высказано мнение, согласно которому если от движений нервов возникает чувство боли, то почему от более сложной совокупности движений нервов и их взаимодействий не возникает и более сложное чувство, например, сострадание или героический порыв.

Поэтому и понятийное мышление, абстрактные представления могут быть объяснены как результаты физиологических процессов в мозге [4, с. 9]. Таким образом, по Н. Г. Чернышевскому, социальная жизнь есть всего лишь более сложно организованное стадо, в основе социального поведения человека лежат физиологические процессы. Утверждения известного идеолога революции следует принять с известной осторожностью, очертив при этом границы его справедливости. Думается, социальный мир не может быть с жесткой зависимостью обусловлен миром биологическим. Порой, именно социальные явления вызывают непроизвольные физиологические реакции. Например, чтение судом сурового приговора может вызвать у осужденного непроизвольные мозговые реакции — от насмешки и иронии до горя, ярости и прострации.

Человек и его «телесность» имеет массу черт, особенностей и характеристик, которые выступают внутренними факторами, обуславливающими личность, поведение, организацию его собственной жизни. Такими внутренними факторами являются, как уже было отмечено, мотивация, чувства, воля, темперамент, мировоззрение, установки и т. д.

Человек, реализуя имманентно присущую ему активность, вольно или невольно демонстрирует своего рода «генетическую связь» между биологическим и социальными началом. Для подтверждения этого тезиса обратимся к работе крупнейшего классика американской социологии П. А. Сорокина «Социология революции» (1925). В ней автор, анализируя причины революций, впервые в мировой науке со всей глубиной поднимает совсем не явные мотивы социальных революций. В частности, в качестве причин революций (а нам интересен этот анализ с той точки зрения, что революции — всегда наивысший пик активности людей, целью которой является установление большей свободы), П. Сорокин видит «*увеличение подавленных базовых инстинктов* (выделено нами — авт.) большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения».

Сорокин считает, что и сила «подавления» наиболее значимых инстинктов, и их совокупное число влияют на характер продуцируемого взрыва. Механизм же связи между «подавлением» базовых инстинктов и революционной активностью народа П. Сорокин совершенно оправданно видит в том, что «подавление основных импульсов неизбежно вынуждает людей искать пути выхода, так же как и любой другой живой организм ищет спасения от несвойственной ему окружающей среды» [3, с. 272–273]. Генетико-биологические стороны поведения человека, его условные рефлексы, влечения и потребности в значительной мере определяют деятельность человека, его поиск большей свободы в любых условиях и ситуациях — и цивилизованного социума, и традиционного общества, и общества, переходного по своему типу. Признание генетико-биологической природы в качестве предпосылки деятельности человека не подрывает «классическую» точку зрения на социальный характер человека.

Однако едва ли есть основания полагать, что связь этих факторов — генетического, биологического и социального — позволяет комплексно объяснить природу человека и причины его правового поведения. Для решения такой глобальной задачи нужно принимать во внимание и психические составляющие, и факторы онтогенеза, и культурологические аспекты, и нюансы конкретной индивидуальности. В силу этого обстоятельства, отдельный человек представляет собой некую пропорцию между, с одной стороны, статичными, устойчивыми характеристиками (например,

природно-наследственные константы, физические и анатомические константы, поведенческие стереотипы) и, с другой, — динамичными, изменяющимися переменными в человеке (мотивация, эмоции, чувства, мировоззрение и т. д.). Соотношение динамичных и статичных характеристик человека сообщают ему разную степень способности к активному, самодеятельному, и в, конечном счете, к свободному поведению. Что есть человек, определяется не только его био-психо-физической сущностью, но и всей историей его индивидуального существования. Естественно, что при этом нельзя упускать из виду его окружение и социальную среду. Другими словами, индивидуальное развитие определяют границы исторически возможного. При этом следует иметь в виду, что границы возможного для индивидуума дифференцируются в каждой отдельной фазе его развития.

В свое время Э. Фромм задался мыслью: обладает ли человек некоей неизменной константой или же он постоянно преобразует собственное естество, свою «телесность»? Иными словами, какова «формула» человека? Некоторые исследователи убеждены в том, что человек вообще не имеет собственной фиксированной природы. Люди родятся пластичными и в процессе социализации оказываются предельно разными. Биологически унаследованные задатки могут развиваться как угодно. Но, главное, следует признать, что человек — прежде всего живое природное существо, животное, но общественное, окультуренное с разной степенью успеха. Как полагал академик Н. М. Амосов, «человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству», в котором от животного мира — 90 %, а от социального — только 10 % [1, с. 112]. Отсюда следует полагать, что человеческая натура восприимчива к бесконечным перестроениям, а внутренне устойчивое ядро этой натуры может быть расколото, разрушено. Вместе с тем, парадоксальным образом обнаруживается, что проникнуть в ядро человеческой психики крайне трудно, а порой и просто невозможно. Даже в состоянии гипноза индивид не преступает пределов ценностных предпочтений и обнаруживает странную неподатливость поведения. В глубинах своего естества человек, на генетическом уровне формируемая как социализированная личность, остается неизменным, трудно поддающимся воздействию права.

Разумеется, признание важнейшей роли природной жизни человека не должно сводиться к «психологизации» в объяснении общества и его деятельности лишь на том основании, что генотип человека существует фактически без изменений сотни тысяч лет, физические данные людей, тип нервной системы и другие природные качества меняются очень медленно. Биологическое, естественное начало тесно переплетается с социальным в таких свойствах человеческой личности, как эмоции, черты характера, особенности нервной системы и типы реакций на внешние ситуации, воля, память, уровень интеллекта, способности и т. д. Не вызывает сомнения биологическая природа половых и возрастных различий, физического, а иногда и психического состояния индивида. И хотя человек обладает определенной психикой, анатомо-физиологической организацией, его фундаментальной сущностью выступают не природные, а социальные критерии. Именно поэтому человек (по Марксу), есть «ансамбль всех общественных отношений».

Человек — концентрированная универсальная общность. Дж. Р. Киплинг говорил, что Восток есть Восток, а Запад есть Запад, и им никогда не встретиться. В то же время, современный этап развития цивилизации показывает тенденцию к разнонаправленным, остро разнонаправленным векторам процессов получивших свое развитие процессов глобализации. Однако при этом мы должны быть уверены, что при всей противоречивости современной цивилизации, только с помощью права достигается универсализация человеческого бытия. Человек, будучи подвержен правовому воздействию, являет собой универсум, или некую фиксированную систему биопсихофизических качеств, которые могут и должны учитываться в процессе правовой регламентации. Человек — это носитель правового универсума. Да, в человеке есть устойчивые структуры, совокупность которых и составляют человеческую природу. Например, пол, возраст, этнокультура, даже болезни человека — именно это объединяет людей обоих полов и всех поколений в течение всей их жизни и носят универсальный характер.

Укажем еще на одну особенность, имеющую значение для понимания человека генетико-правовой наукой. Несомненно, общей чертой человека как особого вида составляет способность к инвариантному, гибкому поведению, что, в свою очередь, связано с человеческой способностью к рациональному мышлению, способностью включаться в символическую коммуникацию.

Право — не просто возможность делать то, что нравится, не просто возможность выбора между альтернативами. Право — это возможность альтернативного поведения,

возможность выбора. Именно поэтому оно не может существовать без возросшей роли человеческого разума в человеческих делах.

3. *Принцип социального характера материально-телесной жизни.* Опираясь на исходные положения принципа связи биологического и социального и принципа интерпретации человека как генетически детерминированного биосоциального существа и правового универсума, представляется необходимым показать методологическую функцию принципа социального характера материально — телесной жизни человека в целях раскрытия основных идей, которые должны лежать в основе генетико-правовых исследований.

Этот принцип раскрывает особенности развития личности как социального существа и имеет важнейшее методологическое значение в генетико-правовых исследованиях.

В силу необходимости выхода на новые горизонты познания человека, возможно следует применить понятие телесности человека. Телесность нельзя трактовать как объект, или как исключительно сумму генетически обусловленных органических характеристик человека. Это особое образование, сутью которого является изначальный человеческий опыт, концентрирующий в себе социально-телесные практики. Один из основателей феноменологии М. Мерло-Понти в работе «Структура поведения» (1942) утверждал, что существование открыто миру, а не замкнуто в себе как вещь. Это существование «телесно», досознательно. Субъект и мир — две стороны бытия человека, в котором субъект всегда пребывает в ситуации решения и выбора. Все бытие человека является реализацией и раскрытием его экзистенции, осуществляющейся в бесконечном диалоге субъекта с миром.

Телесная организация личности предопределяет многообразие связей человека с окружающим предметным миром, наполняет их материальным содержанием. Материально-телесная организация людей — исходный пункт реальности социальной жизни, ее многообразия. А. Н. Леонтьев указывал, что уже в самой телесной организации индивидов заключена необходимость того, что они вступают в активное отношение к внешнему миру; чтобы существовать, они должны действовать, производить необходимые им средства к жизни [2, с. 105].

Единство природного и социального в человеке понимается нами как постоянно развивающееся противоречие, которое никогда не сможет полностью разрешиться, а потому будет являться постоянным импульсом к деятельности и стремлением освободиться от ограничений, стремлением к свободе.

Важная методологическая роль принципа материально-телесной жизни человека состоит в том, что связывая человека с обществом, он показывает изменчивый характер человеческой сущности. Не только анатомофизиологические особенности человека, но и его биологические инстинкты изменяются под воздействием определенной социальной среды, разнообразных отношений, существующих в обществе. Общественные отношения, социальная среда не могут быть, разумеется, представлены как совокупность одинаковых условий для всех членов общества. Разные природные данные людей, особенности микросреды и многое другое предопределяет избирательность в усвоении социального опыта, различия в способах поведения в одинаковых ситуациях. Но, с другой стороны, признание активности личности в формировании собственной сущности отнюдь не опровергает решающего значения социальной среды в формировании личности. Даже в тех случаях, когда понятие «природа человека» отражает его социальные качества в определенной исторической эпохе, оно не совпадает по своему содержанию и методологическим функциям с понятием «сущность человека» и не подменяет его.

Очевидно, что природной основой генетико-правовых исследований, его основным предметом является *ген человека.* Социальной же их основой следует признать правовое воздействие, которым разрешается (дозволяется, предписываются или запрещаются) множество технологических операций (действий, манипуляций) с геном человека. В частности законодательством установлены предписания, обязывающие «обеспечить биологическую и физическую защиту работников организаций, осуществляющих генно-инженерную деятельность, населения, окружающей среды в соответствии с уровнями риска потенциально вредного воздействия генно-инженерной деятельности на человека и окружающую среду»[1].

Таким образом, принцип социального характера материально-телесной жизнедеятельности людей предполагает, что телесная жизнь человека является важнейшим элементом его поведения и эта жизнь социальна,

[1] О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности : Федеральный закон от 5 июля 1996 года № 86-ФЗ (ст. 7, ч. 2) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 28. Ст. 3348 ; 2000. № 29. Ст. 3005 ; 2009. № 1. Ст. 21 ; 2010. № 41. Ст. 5191.

т. е. рамочна, что для целей генетико-правового познания означает признание известных правовых ограничений (рамок) деятельности и манипуляций с геномом человека (пациента).

Это антропологический по своей сути принцип должна брать в расчет генетико-правовая наука. Индивидуальная жизнедеятельность людей, существующая прежде всего как процесс жизнедеятельности человека на производстве, в семье, в быту, в развлечениях, в половом общении — то есть вся разнообразная природно-биологическая жизнь в ее различных видах, — это, в то же время, непосредственно-общественная и опосредуемая правом конкретная социальная жизнь. В единстве с движением «общественных вещей» жизнь людей непосредственно является (в конечном итоге) содержанием общественных отношений, способом существования социальной формы движения материи.

Выводы

Итак, изложенные выше принципы формируют основу научного подхода в генетико-правовом познании. В своей целостности принципы демонстрируют своего рода «генетическую связь» между биологическим (генетическим) и социальным началом человека. Эти принципы — исходные начала в понимании генетико-правовой мыслью социума и социальных явлений, к важнейшим из которых относятся человек.

Востребованность названных выше принципов обусловлена тем обстоятельством, что в практике генетико-правовой работы постоянно возникают ситуации, связанные с использованием (исследованием, применением, хранением) гена особи человеческой популяции. Эта работа обрела правовую форму в результате его социального значения и широкой распространенности жизненных случаев, связанных с их урегулированностью действующим законом, договором, судебным (административным) актом.

Методологическое значение названных выше принципов для развития генетико-правовых исследований заключается в том, что основной объект познания науки генетики в силу его междисциплинарного характера должен рассматриваться не как самостоятельная сущность, а в имманентной связи с личностью и физической организацией (телесностью) человека, а также в связи с духовными и социальными характеристиками. Генетико-правовая наука должна формировать и анализировать свои предметы в контексте взаимовлияния природно-телесных, генетико-правовых и материальных элементов, а также в контексте того, как право, законы и юридическая практика нормирую рациональную деятельность человека, становясь при этом соответствующими явлениями объективного мира.

Рассмотренные нами принципы генетико-правовых исследований — это те общие основания, которые указывают на многообразие направлений познавательных усилий и определяют главный концепт нового научного направления. Он заключается, по нашему мнению, в способности генетико-правовым исследованиям придать единство доктринам правового воздействия на поведение человека, доктринам права путем установления его «первоэлемента» — человека, деятельного участника социальных связей, природно-генетическая основа которого наделяет личность способностью формировать право, приобретать право и подчиняться праву.

Список источников

1. Амосов Н. М. Энциклопедия Амосова. Алгоритм здоровья. Человек и общество. Москва : АСТ : Сталкер, 2002. 461 с.

2. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. В 2-х томах. Т. 2. Москва, 1977. 317 с.

3. Сорокин П. Социология Революции. Москва : Книга по Требованию. 2015. 700 с.

4. Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 4 / сост. и общая ред. Ю. С. Мелентьева. Москва : Правда, 1974. 356 с.

5. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2012. 320 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 02.08.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 22.08.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 340.149, 342
С. 27–32

РОЛЬ ДОГОВОРОВ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИИ

Валентина Викторовна Руденко
Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
emikh.valentina@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-6641-691X

Аннотация. Автор анализирует роль договоров в конституционном праве и выделяет три основные функции договоров в данной отрасли: регулятивную, правореализационную и юридико-фактическую. В статье анализируются понятия договоров конституционном праве и отраслевых конституционно-правовых договоров. Автор в целях понимания сущности конституционно-правовых договоров классифицирует их по предмету. По мнению автора, появление новых видов договора в конституционном праве не свидетельствует о сближении публичного и частного права, а лишь указывает на расширение сферы применения договоров в конституционном праве, но не влияет на специфику конституционного права как публичного права. Остро стоит проблема определения пределов законодательного регулирования вопросов заключения и исполнения конституционно-правовых договор. Задача законодателя состоит в поиске такого правового регулирования, которое бы обеспечивало баланс свободы договора с иными конституционными ценностями и гарантировало бы реализацию и защиту конституционных прав сторон. Однако, по мнению автора, разработка единого комплекса правовых норм, регулирующего конституционно-правовые договоры, нецелесообразна в виду многообразия и специфичности конституционно-правовых договоров.

Ключевые слова: договор, конституционно-правовой договор, свобода договора, функции договора, публичное право

Для цитирования: Руденко В. В. Роль договоров в конституционном праве России // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 27–32.

Research article

THE ROLE OF TREATIES IN CONSTITUTIONAL LAW

Valentina V. Rudenko
Ural State Law University V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia
emikh.valentina@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-6641-691X

Abstract. The author analyzes the role of treaties in constitutional law and identifies three main functions of contracts. They have the role of a legal regulator, a legal fact and a form of realization of the constitutional rights. The article analyzes the concepts of treaties in constitutional law and constitutional-legal contracts. In order to understand the essence of constitutional-legal treaties, the author classifies these treaties according to their subject. According to the author, the emergence of new types of treaties in constitutional law does not indicate the convergence of public and private law, but only indicates the expansion of the scope of treaties in constitutional law, but does not affect the specifics of constitutional law as public law. There is an acute problem of determining the limits of legislative regulation of the issues of concluding and executing constitutional and legal agreements. The task of the legislator is to find such a legal regulation that would balance the freedom of contract with other constitutional values and would guarantee the implementation and protection of the constitutional rights of the parties. However, according to the author, the development of a unified set of legal norms regulating constitutional-legal treaties is inappropriate in view of the diversity and specificity of constitutional-legal treaties.

© В. В. Руденко

Keywords: treaty, constitutional-legal treaties, freedom of contract, functions of treaty, public law

For citation: Rudenko VV. The role of treaties in constitutional law. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):27-32. (In Russ.)

Введение

Использование договоров не получило широкого распространения в конституционном праве, что обусловлено спецификой правового регулирования, присущего данной отрасли права. Вместе с тем, в ходе развития российской государственности происходит поиск новых более эффективных форм государственного и муниципального управления. Проникновение частно-правовых начал в конституционное право позволило расширить сферу применения договора в данной отрасли права. Несмотря на то, что зачастую по своему статусу стороны договоров в конституционном праве находятся в отношениях субординации, договор позволяет обеспечить юридической равенство сторон в ходе его заключения и исполнения, а также позволяет согласовать интересы сторон. Представляется, что потенциал данной формы в конституционном праве на сегодняшний день не раскрыт в полной мере.

Заметный рост научного интереса к договорам среди конституционалистов пришелся на 2000-е годы, когда активно заключались и применялись договоры между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации о компетенции [2; 7; 8]. В последующем внимание к договорному способу правового регулирования в конституционном праве России ослабевает, вероятно, в связи с тем, что заключение договоров о компетенции сошло на нет. Какую роль на сегодняшний день играют правовые договоры в конституционном праве? Что из себя представляют конституционно-правовые договоры? Ограничиваются ли они только договорами о компетенции в рамках федеративных отношений? Каковы пределы законодательного регулирования порядка заключения и исполнения конституционно-правовых договоров?

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы заключения и исполнения правовых договоров, правовые договоры, судебная практика, материалы, размещенные в СМИ. В качестве специальных правовых частнонаучных исследовательских методов использованы: формально-юридический метод, метод правового прогнозирования, метод правовой герменевтики.

Результат и их обсуждение

В конституционном праве используются как частно-правовые договоры, так и публично-правовые договоры. Одни из них представляется возможным рассматривать в плоскости реализации конституционных прав — они выступают в качестве формы реализации таких прав (например, трудовые договоры как форма реализации права на труд (ст. 37 Конституции Российской Федерации), договоры медицинского страхования — реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), договор социального найма жилого помещения — права на жилище (ст. 40), но зачастую сами такие договоры не являются собственно конституционно-правовыми, а имеют другую отраслевую принадлежность — гражданско-правовые договоры, договоры в сфере трудового права, договоры в сфере права социального обеспечения, налогово-правовые договоры и др. [3, с. 63–71]. Вторые — преимущественно в контексте механизма правового регулирования. Такие договоры имеют нормативную природу и выступают в качестве источника права (например, международные договоры и внутригосударственные договоры между органами публичной власти). В большинстве современных учебников по конституционному праву договорные источники выделены в качестве отдельного вида источников конституционного права [4, с. 56–59].

Международные договоры Российской Федерации составной частью российской правовой системы РФ и в случае их противоречия правилам, предусмотренных законом (за исключением Конституции Российской Федерации), имеют более высокую юридическую силу по сравнению с законами (ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации).

Что касается внутригосударственных договоров между органами публичной власти, то очевидна их субсидиарная роль в системе правового регулирования по отношению к законодательным актам. Специфика конституционного права как публично-правовой отрасли обуславливает регулирование отношений, составляющих предмет конституционного права, актами государственно-властного характера. Согласимся с С. А. Авакьяном в том, что «конституционное право, как и публичное право в целом, принципиально отличается от частного права, которое допускает

метод регулирования отношений волей сторон (договорное регулирование), причем с выбором вариантов поведения, не отраженных в нормах права» [5, с. 164]. В отдельных случаях в конституционном праве допустима регламентация договором отношений вместо законодательного акта, но такие договоры являются исключением из правила. Не случайно практика заключения договоров разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации на сегодняшний день сошла на нет, хотя изначально только в период с 1994 г. по 1998 г. было заключено 42 таких договора. Распространение подобных договоров произошло на волне децентрализации федерализма, но в последствии привело к угрозе существования единого Российского государства. О дополнительной роли таких договоров свидетельствуют следующие обстоятельства: 1) их заключение допускается только в случае, если это обусловлено экономическими, географическими и иными особенностями субъекта Российской Федерации, и в той мере, в которой указанными особенностями определено иное, чем это установлено федеральными законами, разграничение полномочий, 2) необходимость их утверждения федеральным законом, 3) срочный характер договоров — до 10 лет[1].

Следует различать понятия «конституционно-правовой договор» и «договор в конституционном праве». Последнее включает также договоры, которые выступают в конституционном праве по сути средствами правового регулирования, своего рода инструментарием, а также правовые договоры, правовой режим которых установлен не только конституционном правом, но и другими отраслями права (то есть смешанные правовые договоры). К примеру, концессионные соглашения, заключаемые между публичным образованием (концедентом) и частным инвестором (концессионером) с последующей передачей объекта концессии последнему для использования на определенный договором срок, можно рассматривать как инструмент реализации публичных функций публичных образований, политики государства в определенной сфере. Несмотря на то, что правовой режим таких договоров устанавливается гражданским законодательством и законодательством о концессионных соглашениях, такой договор может рассматриваться как договор в конституционном праве, но не как конституционно-правовой договор.

Конституционно-правовые договоры, на наш взгляд, не ограничиваются так называемыми «договорами о компетенции» (договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации и соглашения о передаче осуществления части их полномочий федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ. По мере развития общественных отношений, составляющих предмет конституционного права, расширяется и сфера применения конституционно-правовых договоров и соответственно количество их видов по предмету. По предмету договора можно выделить следующие виды конституционно-правовых договоров: о компетенции (например, Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти Республики Татарстан от 26.06.2007), о сотрудничестве (например, Соглашение о межпарламентском сотрудничестве между законодательным Собранием Калининградской области и Тульской областной думой 2022 г.), о территории и границе (например, Соглашение об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой 2018 г., Договор между РФ и Республикой Крым о принятии в состав РФ Республики Крым и об образовании в РФ новых субъектов 2014 г.) и др. Появляются и ненормативные конституционно-правовые договоры. В качестве примера такого договора можно привести Соглашение о сотрудничестве и совместной деятельности между ОАО «Тернейлес» и Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера Приморского края 2004 г. Договор направлен на реализацию конституционных прав коренных малочисленных народов посредством обеспечения их участия в социально-экономическом развитии общин и управлении традиционными территориями и предоставления им возможности использовать потенциал проектов промышленного лесопользования в отношении обеспечения занятости, развития культуры и образования, поддержки традиционного

[1] Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ. Ст. 26.7 [С 1 января 2023 г. — Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ. Ст. 50.]

природопользования и иных видов деятельности коренных народов.

Ввиду складывающегося на практике многообразия сфер использования договоров применительно к общественным отношениям, составляющим предмет конституционного права, ограничивать в текущий момент сферу применения конституционно-правовых договоров только федеративными отношениями представляется нецелесообразным. Так, В. А. Черепанов формулирует понятие конституционно-правового договора как «нормативно-правовой акт, закрепляющий свободное и согласованное волеизъявление субъектов федеративных отношений по поводу федеративного устройства государства» [10, с. 88]. От правовых договоров другой отраслевой принадлежности конституционно-правовые договоры отличаются предметом и сторонами договора. Предметом конституционно-правового договора выступают вопросы, составляющие предмет конституционного права. Одной из сторон договора вступает публичное образование, орган власти и иные субъекты, которые могут выступать субъектами конституционных правоотношений. Только в конституционном праве субъектами вступают разного рода общности, в том числе российский народ, коренные малочисленные народы, этносы. Итак, конституционно-правовой договор — правовой договор, заключенный субъектами конституционного права по вопросам, составляющим предмет конституционного права. Поскольку правовой договор является разновидностью правового акта, то конституционно-правовому договору присущи все характеристики правового акта, в том числе направленность на возникновение, изменение, прекращение прав и обязанностей и возможность обеспечения его исполнения посредством государственного принуждения. В то же время понятие конституционно-правового договора отличается от понятия правового акта двумя группами признаков: (а) признаками договора, (б) признаками, характеризующими договор именно как конституционно-правовой. Отличительными признаками правового договора является: договор совершается двумя или более субъектами права, которые выступают друг к другу как разные стороны договора [3, с. 50]. Именно этот признак отличает договор от правового акта, изданного несколькими субъектами совместно. Во-вторых, договор выражает согласованную свободную волю заключивших его сторон. Как метко подмечено проф. М. Ф. Казанцевым, именно характер согласования отличает договор от законодательного акта. Так, согласование позиций фракций в ходе принятие федерального закона в Государственной Думе «не превращает федеральный закон в договор» [3, с. 51–53]. Свободное волеизъявление означает возможность принятия самостоятельного решения при отсутствии воздействия на стороны договора. Широкое определение конституционно-правового договора задает потенциал его использования во всех сферах общественных отношений, составляющих предмет конституционного права.

Расширение сфер применения договора в конституционном праве, однако, вряд ли свидетельствует о сближении частно-правовых и публично-правовых начал (такая позиция высказана С. В. Дорохиным [1, с. 4]), поскольку конституционно-правовые договоры имеют свою специфику по сравнению с договорами, используемыми в частном праве. Конституционно-правовые договоры используются в исключительных случаях. Главенствующая роль в регулировании общественных отношений, составляющих предмет конституционного права, отводится законодательному акту. Нормы, содержащиеся в конституционно-правовых договорах, не заменяют собой нормы законодательных актов.

Договоры выполняют в конституционном праве, по меньшей мере, три функции: регулятивную, правореализационную, юридико-фактическую. Первая предполагает то, что договор вступает в качестве форм реализации конституционных прав. Вторая — то, что договоры содержат конституционно-правовые нормы и в этом качестве вступают в качестве источников конституционного права. Третья — договор вступает в роли юридического факта, необходимого для возникновения, изменения и прекращения конституционно-правовых отношений. Но роль договоров в конституционном праве намного больше — не случайно, Ю. А. Тихомиров оценивает роль договоров в конституционном праве через призму публично-правового воздействия [9, с. 180–182]. Конституционно-правовые договоры составляют часть российской правовой системы в сочетании с законодательными правовыми актами, частно-правовыми договорами, административными актами, судебными решениями, а также иными публично-правовыми договорами.

В практике использования конституционно-правовых договоров уже наметились определенные достоинства и недостатки данного правового инструментария. Договоры могут способствовать выработке консенсуса между субъектами конституционного права,

согласовать их интересы, содействовать развитию демократических начал, обеспечивать вариативность регулирования, но в то же время могут быть средством навязывания конъюнктурных интересов, приводить к отклонению от конституционно-правовых норм, установленных на уровне законодательства. Проявится ли эффект конкретного конституционно-правового договора в позитивном или негативном ключе, зависит от многих факторов, в том числе от эффективности законодательной регламентации порядка заключения и исполнения конституционно-правовых договоров. Поиск баланса между чрезмерной регламентацией и ее отсутствием как таковой в данном случае представляет серьезную проблему для законодателя. Неполнота правового регулирования может привести к отсутствию механизмов гарантирования и защиты конституционных прав. В качестве примера рассмотрим так называемые «компенсаторные соглашения» с коренными малочисленными народами. Практика заключения подобных соглашений сложилась достаточно обширная, хотя на уровне законодательства вопросы заключения и исполнения подобных договоров не регламентировались. В изданном в 2020 г. Постановлении Правительства Российской Федерации[1] обозначены ключевые пункты порядка заключения соглашений, но остались неурегулированными вопросы порядка определения размера убытков, методики расчета убытков, а главное — вопросы контроля исполнения подобных соглашений. В условиях, когда коренные малочисленные народы являются заведомо слабой стороной соглашений, отсутствие законодательного регулирования данных вопросов может привести к невозможности реализации их конституционных прав в полной мере. Вместе с тем, свобода договора является одной из основ конституционного строя и «имеет объективные пределы, которые определяются основами конституционного строя и публичного правопорядка» [6, с. 153]. Задача законодателя состоит в поиске такого правового регулирования, которое бы обеспечивало баланс свободы договора с иными конституционными ценностями.

Заключение и выводы

В конституционном праве договоры играют субсидиарную роль по отношению к законодательным актам. В то же время сфера применения отраслевых конституционно-правовых договоров постоянно расширяется и уже не ограничивается договорами о компетенции в рамках федеративных отношений. Особенностью законодательного регулирования вопросов заключения и исполнения конституционно-правовых договоров является отсутствия единых правил, применимых ко всем конституционно-правовым договорам, и «точечность» правового регулирования применительно к конкретному виду договора. Задача законодателя осложняется так же необходимостью поиска пределов использования общедозволительного типа правового регулирования, исходя из баланса между свободой договора и иными конституционными ценностями. Особенно это актуально к тем договорам, в который стороны равны только юридически, но не фактически. Однако разработка единого комплекса правовых норм, регулирующего конституционно-правовые договоры, нецелесообразна в виду многообразия и специфичности данных отраслевых договоров.

[1] Об утверждении Положения о порядке возмещения убытков, причиненных коренным малочисленным народам Российской Федерации, объединениям коренных малочисленных народов Российской Федерации и лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Российской Федерации, в результате нанесения ущерба исконной среде обитания коренных малочисленных народов Российской Федерации хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами : Постановление Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2020 г. № 1488 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009220006 (дата обращения: 18.07.2022).

Список источников

1. Дорохин С. В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2002. 136 с.

2. Иванов В. В. Нормативный конституционно-правовой договор: теория и практика. К критике современной теории государства. Москва : Территория будущего, 2008. 352 с.

3. Казанцев М. Ф. Договорное регулирование. Цивилистическая концепция : учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2019. 393 с.

4. Конституционное право России : учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. С. Саликов. 2-е изд., перераб. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. 496 с.

5. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. Т. 1 / С. А. Авакьян. 5е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2014. 864 с.

6. Крусс В. И., Мухина М. А. Право на свободу договора в Российской Федерации в контексте гармонизации конституционных принципов и баланса конституционных ценностей // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. 2018. № 13. С. 149–155.

7. Лексин И. В. Договор между органами государственной власти как источник конституционного права : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2005. 263 с.

8. Озиев Т. Т. Конституционно-правовой договор в федеративной системе России : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2004. 215 с.

9. Тихомиров Ю. А. Публичное право : учебник. Москва : БЕК, 1995. 496 с.

10. Черепанов В. А. Конституционно-правовой договор: понятие и возможности применения // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № 1. С. 87–97.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 09.08.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 02.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 340.13, 342.72/.73
С. 33–37

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Светлана Германовна Гончарова
Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия
goncharova_sg@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2099-8520

Аннотация. В статье автор ставит задачу рассмотреть право человека и гражданина на защиту прав и свобод, с одной стороны, как самостоятельное конституционное право, содержание которого образует совокупность правозащитных правомочий, с другой стороны, его содержание раскрывается посредством механизма защиты прав и свобод. Автор обратил внимание на соотношение некоторых материальных и процессуальных аспектов в механизме защиты прав и свобод. Правозащитные правомочия личности образуют самостоятельную группу конституционных прав и свобод. Возможности в сфере защиты прав и свобод принадлежат человеку, который определяет порядок их реализации, организует их осуществление, регулируются государством и, вместе с тем, неразрывно связаны с политическими, экономическими и иными условиями, обеспечивающими права и свободы человека и гражданина.

Ключевые слова: конституционное право, защита прав и свобод, механизм защиты, гарантии, соотношение материального и процессуального права

Для цитирования: Гончарова С. Г. Вопросы теории и защиты прав и свобод человека и гражданина // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 33–37.

Research article

QUESTIONS OF THEORY AND PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS

Svetlana G. Goncharova
Russian state vocational pedagogical university, Yekaterinburg, Russia
goncharova_sg@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2099-8520

Abstract. In the article, the author sets the task to consider the right of a person and a citizen to the protection of rights and freedoms, on the one hand, as an independent constitutional right, the content of which forms a set of human rights, on the other hand, its content is revealed through the mechanism of protection of rights and freedoms. The author drew attention to the correlation of some material and procedural aspects in the mechanism of protection of rights and freedoms. The human rights of the individual form an independent group of constitutional rights and freedoms. Opportunities in the field of protection of rights and freedoms belong to the person who determines the procedure for their implementation, organizes their implementation, are regulated by the state and, at the same time, are inextricably linked with political, economic and other conditions that ensure the rights and freedoms of man and citizen.

Keywords: constitutional law, protection of rights and freedoms, protection mechanism, guarantees, correlation of substantive and procedural law

For citation: Goncharova SG. Questions of theory and protection of human and civil rights and freedoms. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):33-37. (In Russ.)

© С. Г. Гончарова

Введение

Институт конституционных прав, свобод и обязанностей изучает наука конституционного права. Изучение государственно-правовой наукой основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина происходит как путем комплексного анализа всех прав, свобод и обязанностей человека и гражданина (правовой статус, классификация прав и др.), так и изучением каждого права в отдельности.

Можно выделить следующие подходы к изучению конституционных прав и свобод.

Во-первых, необходимо проанализировать основные принципы формирования конституционных прав и свобод. Общие положения, которые законодательно закреплены, должны насыщаться гуманистическим содержанием и общечеловеческими ценностями. К таким принципам можно отнести: уважение человеческого достоинства, толерантность, справедливость, солидарность, обеспечение саморазвития и др.

Во-вторых, необходимо уяснить нормативное содержание конституционного права, рассмотреть его правомочия. Различия в характере и содержании каждого из видов субъективных прав обусловливают существование различий в действиях, совершаемых в ходе их реализации, стадиях реализации.

В-третьих, изучить гарантии каждого права. Важно обратить внимание на то, что одно субъективное право нередко выполняет гарантийную функцию по отношению к другому праву. Кроме того, управомоченные лица должны правильно оценивать реальность реализации субъективных прав.

Согласно правовой позиции, обозначенной Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 17 октября 2017 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. А. Абрамова, В. А. Ветлугаева и других», право на судебную защиту относится, по смыслу статей 15 (часть 4), 17 и 18 Конституции Российской Федерации, к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и вместе с тем выступает гарантией всех других прав и свобод, оно признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права как составной части ее правовой системы и в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Необходимой составляющей данного права и одновременно гарантией независимости и беспристрастности суда является право на законный суд, закрепленное статьей 47 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом [1].

Описание исследования

По содержанию и сфере реализации конституционные права и свободы объединяют в следующие группы:

- личные права и свободы, призванные обеспечить свободу и автономию субъекта гражданского общества (право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни и др.);
- политические права и свободы, связанные с участием в управлении делами государства (право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования, право участвовать в управлении делами государства и др.);
- экономические права и свободы, обеспечивающие свободу человеческой деятельности в сфере производства, распределения, обмена товаров и услуг (право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, право частной собственности, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию и др.);
- социальные права и свободы, обеспечивающие человеку достойный уровень жизни и социальную защищенность (право на жилище, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на благоприятную окружающую среду и др.);
- культурные права и свободы, обеспечивающие свободу доступа к культурным и материальным ценностям, созданным человеческим обществом (право на образование, право на участие в культурной жизни и др.).

Несмотря на представленную классификацию, все конституционные права и свободы обладают одинаковой юридической силой, в равной мере значимы для каждого гражданина и подлежат одинаковой защите со стороны государства.

Конституционное право на правовую защиту не входит ни в одну из перечисленных

[1] Собрание законодательства РФ. 2017. № 44. Ст. 6569.

групп. С одной стороны, это сложное по своему содержанию субъективное право человека, с другой стороны, его следует рассматривать как систему юридических средств, образующих действенный механизм защиты прав и свобод человека и гражданина.

В научной литературе некоторые ученые придерживаются точки зрения, что право на защиту является правомочием каждого субъективного права и предполагает использование в отношении нарушителя мер принудительного воздействия [3, с. 152]. Другие придерживаются точки зрения, что это самостоятельное конституционное право [4].

Автор придерживается второй точки зрения. В системе прав и свобод человека и гражданина как зафиксированных в Конституции Российской Федерации основных возможностей личности, опосредующих различные сферы ее свободы и жизнедеятельности, выделяется самостоятельная группа правозащитных правомочий человека и гражданина. Вопрос относительно ее образования и состава стоит не в плоскости спора взаимной связи с иными элементами классификационной системы, а в социальном и юридическом содержании категории правозащитных правомочий личности, то есть в наличии соответствующей области общественных отношений, требующей определенного адекватного юридического отражения.

Несмотря на глобальность и стремительность происходящих изменений, правовые возможности и юридические средства защиты личности от нарушений прав должны быть эффективны и стабильны. Только тогда граждане будут доверять государственным и социальным институтам, что приведет к конструктивным процессам в социальных сферах.

Конституционное право на правовую защиту концентрирует в себе личностные устремления человека. Содержание права на правовую защиту выражает относительную независимость правовых средств защиты в механизме государственного управления и зависимость их от воли и сознания человека. Такое право рассчитано как на активную поддержку со стороны государства, так и на активную позицию личности в отстаивании своих прав и законных интересов.

Ранее автор статьи уже определял содержание конституционного права человека и гражданина на правовую защиту, указывая, что проявляется оно в единстве всех составляющих его элементов: основных — право на судебную защиту; право на обжалование в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц; право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты; дополнительных (акцессорных) — право на получение квалифицированной юридической помощи; право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц; право человека самостоятельно защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом; право гражданина обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления; конкретизирующих — право обвиняемого, осужденного на защиту; обеспечение потерпевшим доступ к правосудию, компенсацию причиненного ущерба и охрана их прав законом [2].

Реализация механизма защиты прав должна быть последовательной и структурированной. То есть действие механизма защиты должно осуществляться от одного этапа к другому. На каждом этапе реализации механизма защиты должны использоваться определенные правовые средства. Правовой результат каждого этапа также имеет свои особенности. При положительном результате для субъекта, чье право было нарушено, реализация механизма защиты переходит в статику, то есть в возможность иметь право на правовую защиту. В случае отрицательного правового результата на одном этапе, физическое лицо может использовать правовые средства правовой защиты другого этапа.

Возникает вопрос, есть ли конечность этого процесса? Ответим положительно на этот вопрос. Поэтапное действие правового механизма происходит до определенной нормативно заданной точки, которой должно стать формальное и фактическое восстановление нарушенных прав.

Таким образом, механизм защиты субъективных прав характеризуется следующим. Во-первых, совокупность правовых средств в каждом конкретном случае может быть разной, во-вторых, на выбор правовых средств в механизме в каждом конкретном случае влияет волеизъявление человека и гражданина. Лицо может отказаться от защиты нарушенных прав. По общему правилу право на защиту всегда предполагает возможность выбора определенного правомерного поведения.

В литературе присутствую разные точки зрения по вопросу основных элементов механизма защиты субъективных прав. Так,

по аналогии со структурой механизма правового регулирования выделяют: юридические нормы, регулирующие общественные отношения в разрешении конфликта; правоотношения, в рамках которых осуществляются способы защиты субъективных прав, акты реализации прав и обязанностей в разрешении конфликта [5, с. 627–631]. Предлагается и другое количественное обозначение стадий, которое основано на более детальном выделении этапов процесса правового регулирования: нормы права, юридический факт или фактический состав, в основе которого организационно-исполнительный правоприменительный акт, правоотношения; акты реализации прав и обязанностей; охранительный правоприменительный акт [1, с. 181] .

Автору хотелось бы предложить для обсуждения подход к анализу структурных элементов механизма защиты прав через реализацию конституционного права на правовую защиту.

Механизм защиты прав и свобод человека и гражданина происходит путем определения правового положения субъекта права, затем наделения его конкретными правами и обязанностями и фактическое осуществление правовых возможностей, направленных на восстановление нарушенного или оспариваемого права.

Поэтапное исследование сложного процесса защиты прав и свобод способно оказать помощь в изыскании новых возможностей, правовых средств области нормотворчества, правоприменения, реализации субъективных прав.

Механизм защиты как целостная система предполагает определенную внутреннюю связь составляющих ее элементов. Однако думается, что нельзя отрицать и унификацию отдельных структурных элементов механизма, если они однородны и преследуют одни и те же цели.

Для более полного рассмотрения механизма защиты прав и свобод человека и гражданина особую актуальность приобретает аспект соотношения материального и процессуального в механизме защиты прав. Четкое их разграничение, уяснение критериев и уровней функциональной взаимосвязи позволят поднять вопрос об унификации отдельных структурных элементов механизма защиты прав и свобод.

Соотношение материального и процессуально на различных этапах реализации механизма защиты неодинаково. Необходимо видеть разницу между соотношением материального и процессуального на уровне отраслей права.

Процессуальное право без материального существовать не может. В то время как материальное право без процессуального бездейственно.

Так, право на судебную защиту, которое относится к основным правам и свободам человека (статья 17, части 1 и 2; статья 56, часть 3 Конституции Российской Федерации), предполагает наличие таких конкретных правовых гарантий, процессуальных средств, которые позволяют реализовать его в полном объеме и обеспечивать эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего общеправовым требованиям справедливости и равенства.

Из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1), 47 (часть 1) и 123 (часть 3), устанавливающими принцип равенства всех перед законом и судом, следует, что право на судебную защиту — это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты, без чего недостижим баланс публично-правовых и частноправовых интересов.

Приведенные правовые позиции выражены в ряде решений Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 16 марта 1998 года № 9-П, от 17 ноября 2005 года № 11-П, от 26 декабря 2005 года № 14-П, от 19 июля 2011 года № 17-П, от 31 марта 2015 года № 6-П).

Из указанных принципов исходит действующее арбитражное процессуальное, уголовное процессуальное, гражданское процессуальное, административное процессуальное законодательство.

Не смотря на то, что одно и то же действие одновременно может иметь как процессуальное, так и материально-правовое значение, это не свидетельствует о единстве материального и процессуального.

Заключение

Защита прав и свобод личности действует не как произвольный набор правил, правовых средств, возможностей, а как целостный комплекс, в котором все элементы взаимосвязаны. Такой комплексный характер имеет практическое значение. Поскольку содержание каждого элемента (правомочие, процессуальная форма, гарантия и др.) уточняется путем сопоставления с другими элементами. В результате они могут осуществлять свою функцию только в едином комплексе.

В механизме реализации конституционного права на правовую защиту следует различать субъективное конституционное право

и его процедурно-правовую сторону, которая не сводится только к субъективному праву как возможному поведению человека. Процедурно-правовая сторона трансформирует в себе элементы механизма правового регулирования, находящиеся в распоряжении государства и используемые им для регулирования и охраны общественных отношений, и личностные устремления человека, направленные на реализацию защиты прав и свобод.

Список источников

1. Вавилин Е. В. Некоторые проблемы механизма защиты субъективных гражданских прав // Правоведение. 2002. № 3. С. 178–185.

2. Гончарова С. Г. Понятие и содержание конституционного права на правовую защиту в Российской нормативной системе // Право и образование. 2011. № 4. С. 68–77.

3. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданского права. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 284 с.

4. Стремоухов А. В. Право человека на защиту и формы его защиты в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1. С. 9–19.

5. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Москва : Юристъ, 1997. 672 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ
Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 26.08.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 10.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 342.41

РИСКОГЕННОСТЬ КАК СВОЙСТВО СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Валерий Витальевич Киреев
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
kireevvv@is74.ru

Аннотация. *Введение.* Современный российский конституционализм, уникальность которого является бесспорной, обладает многими характеристиками, выражающими его различные аспекты. Одной из таких характеристик является его рискогенность, обусловленная необходимость принятия конституционных решений, направленных на обеспечение устойчивого, бескризисного развития наших общества и государства в условиях осуществления дестабилизирующего воздействия на различные системы нашего общества со стороны США и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций. Изучение рискогенности как свойства отечественного конституционализма позволяет развивать представления об этом феномене, формировать основу для решения теоретических и практических проблем, имеющих серьезное значение для современной России. При этом вопросы, охватываемые названием статьи, не подвергались комплексному рассмотрению в конституционно-правовых исследованиях.

Результаты. Анализируется многообразие понятия «конституционализм», определяется подход к исследованию его рискогенности, выявляются риски, обусловленные современными особенностями отдельных составляющих российского конституционализма, в их идейном, нормативно-правовом, прикладном значении, обосновываются выводы о специфике и содержании текущих и перспективных рисках, свойственных нашему конституционализму, исходя из существующей в настоящее время международной обстановки.

Выводы. Рассмотрение рискогенности как свойства современного российского конституционализма, предполагает соответствующий анализ его составляющих, с учетом естественности существования рисков, связанных с развитием наших общества и государства, их позитивного и негативного потенциалов, уникальности пути конституционного развития России, потерь и приобретений, обусловленных принятием рискованных конституционных решений, важности политической, государственно-властной составляющей, обусловленной необходимостью осуществления самостоятельной государственной политики в условиях непрекращающихся попыток негативного воздействия на Российское государство извне. К числу наиболее значимых рисков, свойственных современному Российскому конституционализму, отнесены возможность выдвижения и использования доформализованных радикальных конституционных идей для формирования конфликтной среды во взаимодействии государства и гражданского общества, решение вопроса проведении кардинальной конституционной реформы либо отказа от таковой, реализации Конституции РФ с учетом ее новейших изменений, влияние внешних факторов на состояние защищенности конституционного строя, преодоление, в процессе защиты Конституции РФ, неблагоприятных последствий ретроспективных конституционных рисков, обеспечение эффективности управления текущими конституционными рисками, обусловленными попытками разрушить наше конституционное пространство извне, прогнозирование соответствующих перспективных конституционных рисков.

Ключевые слова: российский конституционализм, рискогенность, конституционные риски, конституционные идеи, изменения Конституции РФ, реализация Конституции РФ, защита конституционного строя и Конституции РФ

Для цитирования: Киреев В. В. Рискогенность как свойство современного российского конституционализма // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 38–45.

© В. В. Киреев

Original article

RISK FACTOR AS A PROPERTY OF MODERN RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

Valery V. Kireev
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
kireevvv@is74.ru

Abstract. *Introduction.* Modern Russian constitutionalism, the uniqueness of which is indisputable, has many characteristics that express its various aspects. One of these characteristics is its riskiness, due to the need to make constitutional decisions aimed at ensuring the sustainable, crisis-free development of our society and state in the face of destabilizing effects on various systems of our society by the United States and foreign states and international organizations that have joined them. The study of risk-taking as a property of domestic constitutionalism allows us to develop ideas about this phenomenon, to form the basis for solving theoretical and practical problems of serious importance for modern Russia. At the same time, the issues covered by the title of the article were not subjected to comprehensive consideration in constitutional and legal studies.

Results. The diversity of the concept of "constitutionalism" is analyzed, the approach to the study of its riskiness is determined, the risks are identified due to the modern features of the individual components of Russian constitutionalism, in their ideological, regulatory, legal, applied meaning, the conclusions about the specifics and content of current and future risks inherent in our constitutionalism are substantiated based on the current international situation.

Conclusions. Consideration of riskiness as a property of modern Russian constitutionalism presupposes an appropriate analysis of its components, taking into account the naturalness of the existence of risks associated with the development of our society and state, their positive and negative potentials, the uniqueness of the path of constitutional development of Russia, losses and acquisitions caused by the adoption of risky constitutional decisions, the importance of the political, state-power component, due to the need to implement an independent state policy in the face of incessant attempts to negatively influence the Russian state from the outside. Among the most significant risks inherent in modern Russian constitutionalism are the possibility of putting forward and using preformalized radical constitutional ideas to form a conflict environment in the interaction of the state and civil society, resolving the issue of carrying out a cardinal constitutional reform or abandoning it, implementing the Constitution of the Russian Federation taking into account its latest changes, the influence of external factors on the state of protection of the constitutional system, overcoming, in the process of protecting the Constitution of the Russian Federation, adverse consequences of retrospective constitutional risks, ensuring effective management of current constitutional risks caused by attempts to destroy our constitutional space from the outside, forecasting relevant prospective constitutional risks.

Keywords: Russian constitutionalism, risk-taking, constitutional risks, constitutional ideas, amendments to the Constitution of the Russian Federation, implementation of the Constitution of the Russian Federation, protection of the constitutional system and the Constitution of the Russian Federation

For citation: Kireev VV. Risk factor as a property of modern Russian constitutionalism. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):38-45. (InRuss.)

Введение

Российский конституционализм является уникальным и сложным порождением нашего исторического развития. Закономерно, что в конституционно-правовой науке представлены его различные, нередко несовпадающие характеристики. Представляется, что одной из неотъемлемых характеристик российского конституционализма является его рискогенность, свойственная, впрочем, и любому другому конституционализму. Наличие специфических факторов, воздействующих на наше современное конституционное развитие, динамику нашего конституционализма,

предполагает исследование этой его грани, основываясь на представленных как в конституционно-правовой, так и в иной научной литературе воззрениях на его сущность, объем явлений и процессов, охватываемых этим понятием, а также особенностях принятия рискованных конституционных решений в условиях современной напряженной международной обстановки. Представляется, что совершенствование представлений о рискогенности современного российского конституционализма, выявление факторов, влияющих на это его специфическое свойство, может расширить соответствующие границы познания нашей конституционно-правовой науки, обеспечить развитие теоретической основы я управления конституционными рисками в их идейном, нормативном и практически-прикладном преломлениях.

Описание исследования

Исследование охватываемой названием статьи проблематики предполагает обращение, прежде всего, к понятийным основам конституционализма как особой и многоплановой категории. Многообразие научных воззрений, представленных в этой сфере можно, пожалуй, признать уникальным. А. В. Юрковский, в результате обобщения подходов к понятию «конституционализм» указывает на то, что конституционализм может рассматриваться: как учение о конституции и ее влиянии на общество и государство; как феномен западной цивилизации; как результат конституционных революций; как социальный процесс, форма правления, установленная и (или) ограниченная конституцией; как политическая система, основанная на конституционных методах правления; как государственно политический и правовой режим; как идеология в праве и правовая идеология; как правовая политика и как политика права; как принцип права и как правовой принцип; как феномен закономерностей работы правового сознания (правогенез); как элемент мировой культуры; как феномен информационного пространства [11, с. 21]. Следует признать, что представленные выше обобщенные подходы к конституционализму охватывают различные, как пересекающиеся, так и лежащие в разных плоскостях явления и процессы. Это создает трудности в выявлении его составляющих, без анализа которых исследование рискогенности конституционализма невозможно. Тем не менее, следует признать существование в конституционализме идейной, нормативной и практической основ. Применительно к проблематике настоящей статьи, наиболее плодотворным представляется подход С. А. Авакьяна, связывающего конституционализм с четырьмя главными моментами: конституционные идеи; наличие соответствующего нормативно-правового фундамента; достижение определенного фактического режима, адекватного конституции; система защиты конституционного строя и конституции [1, с. 230]. Естественно, что соответствующие исследования отечественного конституционализма могут основываться и на других представлениях о его структурировании, анализ которых широко представлен в конституционно-правовой литературе. Однако думается, что составляющие, выделенные профессором С. А. Авакьяном, позволяют раскрыть рискогенность как свойство современного российского конституционализма с наибольшей полнотой.

Наличие многообразных рисков, сопутствующих развитию любого общества, является аксиоматичным. Ю. И. Соколов обоснованно отмечает, что риск — это не исключительный случай, не последствие и не побочный продукт общественной жизни. Риски постоянно производятся обществом, причем это производство легитимное, осуществляемое во всех сферах жизнедеятельности общества — экономической, политической, социальной. Риски — неизбежные продукты той машины, которая называется принятием решений. Риск может быть определен как «систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми модернизацией как таковой [7, с. 8]. Поэтому существование рисков следует признать и такой сфере как российский конституционализм, а способность генерировать риски — его естественным свойством. При этом, в широком смысле, не следует отождествлять рассматриваемую рискогенность только с негативными последствиями. Так, Т. Д. Ромащенко, анализируя основные черты, характеризующие современность, приходит к выводам о том, что во-первых, риск — постоянно действующий фактор бытия, порожденный неопределенностью; во-вторых, риск обладает двойственной природой: с одной стороны — это разрушительная сила, с другой — сила, несущая в себе заряд перемен (изменений), без которых невозможно прогрессивное развитие общества [6, с. 26]. Уникальный путь развития России, сложности, недостатки и приобретения, обусловленные принятием различных по масштабу конституционных решений в полной мере выражается и в нашем конституционализме, его особенностях и перспективах. Можно предположить, что наиболее

важным для рискогенности конституционализма фактором является его политический аспект. Это не означает игнорирования экономических, идеологических и других факторов, которые принимают политическое преломление при принятии различных решений, влияющих на динамику нашего конституционализма. Поэтому Н. В. Сорокина справедливо указывает на то, что особенностью всех современных обществ является их политическая организация, что объективно политизирует все риски, а точнее, политический риск может выступать и как самостоятельный фактор политики, и быть элементом всех других видов риска [8, с. 53]. Исходя из этих теоретических посылок можно сделать промежуточный вывод о том, что рискогенность российского конституционализма связана, прежде всего, с государством, государственной властью, носители которой принимают решения, влияющие как на содержание его нормативной правовой составляющей, так и на все сферы жизнедеятельности общества, подвергающиеся ее правовому воздействию. В связи с этим важное значение имеет самостоятельность осуществления государственной политики, залогом которой является осуществление государственной власти, исключающее давление извне. И сегодня высоко актуальным является вывод О. Е. Кутафина о том, что не может быть никаких международных требований, предъявляемых к организации демократического порядка осуществления государственной власти. Такие требования противоречили бы не только идее суверенного государства, но и самой идее конституционализма, основанной на идее народного суверенитета [3, с. 46]. С учетом указанных выше теоретических предпосылок можно перейти к анализу рискогенности составляющих российского конституционализма.

Прежде всего, речь идет о конституционных идеях. Необходимо отметить, что конституционные идеи могут существовать и до закрепления их в Конституции[1], в виде соответствующих положений программ политических партий, документов других общественных объединений, воззрений, выраженных отдельными мыслителями, научными коллективами, всем обществом или его частями. Конечно, конституционные идеи продуцируются и государством,они могут выражаться в его программных, стратегических документах, выступлениях носителей государственной власти и в других многообразных формах. Особое место в этой сфере следует отвести Конституционному Суду РФ, являющимся уникальным органом, способным генерировать конституционные идеи, деятельность которого, в рассматриваемом аспекте, нуждается в отдельном теоретическом исследовании. Конституционные идеи могут также выражать представители зарубежной общественности. Однако к таким идеям, особенно в периоды глобальной нестабильности следует относиться очень осторожно так как они могут выражать попытки дестабилизировать общество и государство для достижения целей тех государств или их объединений, которые занимают враждебные позиции по отношению к России. Многообразие конституционных идей, в их доформализованном состоянии весьма велико. При этом одну из основных проблем составляет выявление критериев, используя которые можно было бы отнести идеи собственно к конституционным, особенно это важно применительно к конституционным принципам и ценностям. Естественно, что ведущую роль в генерировании, анализе, обобщении доформализованных конституционных идей принадлежит Российскому государству. Именно государство обладает закрепленным в главе 9 Конституции РФ механизмом, который позволяет выразить конституционные идеи в тексте Конституции, и, соответственно, оценить риски, а также принять решение о включении каких-либо положений в текст Конституции, либо отказе от такового. В наш информационный век конституционные идеи несут особые риски, так как они могут использоваться в пропагандистских целях, недружественными нам субъектами, для того чтобы затормозить развитие России, распространить в обществе идеи, ценности, имеющие деструктивный характер. Это усугубляется повышением динамики общественных процессов, отражающимся в деятельности каждого человека, формировании его ценностной основы. Так, С. М. Фролова обоснованно отмечает, что происходящие в обществе трансформации, становление новой эпохи требуют новой парадигмы человеческого самосознания со всем комплексом ценностных ориентаций, установок и социальной направленности поведения личности, минимизирующим риски в ее повседневной деятельности [9, с. 17]. В этой ситуации производятся идеологические интервенции, направленные на разрушение единства

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001. (дата обращения: 01.09.2022).

граждан РФ по направлениям взаимодействия гражданина, общества и государства, социального неравенства, межнациональных и межрелигиозных противоречий. В частности, широко представлены осуществляемые извне попытки создания конфликтной среды во взаимодействии государства и гражданского общества, активно используя представителей молодого поколения, которые, кстати, с позиций учения о рисках, являются в значительной части рискофилами, и далеко не всегда могут спрогнозировать последствия реализации тех неформализованных конституционных идей, носителями и ретрансляторами которых они могут являться. Поэтому особая рискогенность свойственна радикальным конституционным идеям. Е. Н. Мощелков, осуществляя современное прочтение конституционных идей и проектов декабристов обоснованно отмечает, что наряду с интегральной природой политической идеологии декабризма (синтез разных идей), безусловно доминирующей в ней оказалась всё-таки идеология и теория политического радикализма. Можно даже без всяких оговорок констатировать, что именно в декабризме и формируется эта идеология политического радикализма в её российском, отечественном варианте. Радикализм в этом случае понимается не как идея народного бунта «бессмысленного и беспощадного», а радикализм как теоретически и идеологически обоснованный проект насильственного и радикального переустройства общества [4, с. 137]. Поэтому рискогенность такой составляющей российского конституционализма как доформализованные конституционные идеи является весьма высокой с позиций использования радикальных конституционных идей для идеологической обработки членов общества, антироссийской пропаганды, побуждающей к разрушению нашей правовой основы, к противоправным действиям. Вместе с тем, далеко не все конституционные идеи реализуются в тексте Конституции РФ, а те идеи, которые нашли в ней закрепление, выступают нормативным правовым фундаментом существования и развития наших общества и государства.

Наличие соответствующего нормативно-правового фундамента является еще одной составляющей современного российского конституционализма, которой присуща рискогенность. Бесспорным является вывод С. А. Авакьяна о пользе наличия в нашей стране самого официального текста Конституции [1, с. 230]. Действительно, значение действующей Конституции РФ трудно переоценить. Ее принятие явилось тем шагом, который позволил перейти нашему обществу в новое качество, обеспечить его развитие на принципиально новой основе. Вместе с тем, ее содержание было, да и в настоящее время является предметом дискуссий. С различных позиций подвергались научному обсуждению проблемы систематизации и содержания конституционных норм, в том числе вопросы возможности наличия пробелов и других дефектов, необходимости и своевременности обновления конституционных норм в процессе реформирования этого основополагающего акта, соотношения ее реформирования и преобразования. Естественно, что основной источник рисков российского конституционализма, лежащий в этой плоскости представляет собой принятие решения о проведении конституционной реформы либо отказа от таковой. Следует отметить, что риски, сопряженные с принятием такого решения весьма высоки. В случае отказа от изменений Конституции РФ мы рискуем оказаться без конституционного воздействия на те общественные отношения, которые уже вызрели в обществе, без реагирования на те обстоятельства, которые объективно побуждают вносить изменения в конституционный текст. С другой стороны, существует риск конституционных изменений исходя из текущей политической конъюнктуры, способных низвести этот фундаментальный нормативный правовой акт до уровня текущего законодательства. Поэтому выбор всегда является нелегким. Вместе с тем, перечень поправок к Конституции РФ свидетельствует о том, что такие решения неоднократно принимались[1]. Принятие новейших, 2020 года поправок

[1] Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 1 ; О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 2 ; О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ. 2014. № 2-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 548 ; О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4202 ; О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ. 2020. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

к Конституции занимает особое место среди этих рискованных конституционных решений. Причем, думается, что новейшие изменения текста Конституции, в отличие от предшествующих изменений, в большей степени были обусловлены необходимостью укрепления нашей страны в связи с ее участием в строительстве многополярного мира, и противодействием этому участию со стороны США и их сателлитов, реализующих политику сдерживания России. Таким образом новейшие поправки имеют стратегический характер и выражают реакцию общества и государства на риски России в условиях глобальных перемен. Можно предположить, что обусловленная международной обстановкой рискогенность этой составляющей отечественного конституционализма будет возрастать, и, соответственно, совершенствование конституционно-правовых механизмов, направленных на укрепление и развитие России, реализацию ее национальных интересов занимать все более важное значение среди насущных задач Российского государства. Следует, также отметить, что конституционные риски имеют место и в процессе принятия актов текущего законодательства, содержащего нормы конституционного права. Анализ этих рисков требует самостоятельных профильных научных исследований.

Впрочем, риски, свойственные современному российскому конституционализму, лежат не только в плоскости нормативного правового фундамента. Высокую важность имеет и достижение определенного фактического политического режима, адекватного конституции. Анализируя эту составляющую конституционализма, С. А. Авакьян приходит к выводу, что проблема соответствия конституции фактическим общественным отношениям является вечной. Ее решает каждая страна, не составляет исключения и Россия [1, с. 232]. Рассмотрение этой составляющей российского конституционализма выводит на более широкий круг вопросов, охватывающих широкую и сложную проблематику соотношения юридической и фактической конституций, реализации Конституции РФ. Наша Конституция не только фиксирует настоящее, но и направлена в будущее. В. В. Невинский справедливо отмечал, что Конституция Российской Федерации 1993 г. оказалась Основным законом общества и государства «на вырост» и одновременно устремленным в будущее программным документом, основные идеи которого вплетаются в современные тенденции развития общественной и государственной жизни различных народов мира [5, с. 38]. Достижение программных конституционных целей зависит от многих факторов, но особое значение имеет реализация положений Конституции РФ в повседневной жизни нашего общества, исходя из тех ориентиров, которые в ней содержатся. Высокую рискогенность этой сферы трудно оспорить. Она охватывает и признание человека, его прав и свобод являются высшей ценностью, развитие России как социального государства, другие многообразные политические, экономические, идеологические аспекты. Особая совокупность рисков связана с реализацией положений, которые нашли отражение в новейшем изменении положений Конституции РФ. Закрепление в Конституции РФ новых положений было общественно-государственным решением, направленным на минимизацию возможных неблагоприятных последствий ретроспективных и текущих конституционных рисков. После этого обновления Конституции возникает проблема перспективных конституционных рисков, заключающихся в их реализации. Думается, что в указанном контексте особую значимость приобретает реализация новейших положений ст. 67^1; ст. 72; ст. 75^1; ст. 79^1; ст. 114 Конституции РФ, охватывающих фундаментальные, программные направления деятельности Российского государства. Такая работа уже ведется и происходит это весьма интенсивно. Это, естественно, предполагает принятие соответствующих конституционных решений, направленных на управление правореализационными рисками.

Система защиты конституционного строя и Конституции РФ является еще одним рискогенным компонентом современного российского конституционализма, требующим постоянного внимания. В конституционном строе выражаются многообразные основополагающие начала бытия нашего конституционно организованного общества. Правомерным представляется вывод В. В. Красинского о разнообразии объектов защиты конституционного строя России, к которым он относит политико-правовые основы организации государства, идеологические основы общества, социальные основы общества, институты политической системы и конституционный порядок их организации и деятельности [2]. В связи с такой особенностью угрозы, существующие в этой сфере, имеют системный характер и подлежат реагированию на них с учетом сложной структуры конституционного строя, выражающейся в разнообразных связях и взаимозависимостях. Поэтому от надлежащего действия соответствующего

конституционно-правового механизма зависит стабильность существования и развития современной России. На состояние защищенности конституционного строя воздействуют как внешние, так и внутренние факторы. При этом возрастает значение внешних факторов, заключающихся в откровенно враждебных действиях стран коллективного Запада, их санкционной политике, направленной, в том числе, на возбуждение недовольства населения Российской Федерации, формирование предпосылок для конституционного кризиса. В этих условиях особое значение приобретает как оперативность, так и эффективность решений, принимаемых при осуществлении управления такими рисками. Закономерно, что субъектом принятия соответствующих решений является государство, активность которого в реагировании на изменяющуюся обстановку объективно обусловлена влиянием указанных факторов. При этом воспрепятствование посягательствам на наш конституционный строй охватывает различные направления деятельности, способные влиять на качественное состояние, хотя и взаимосвязанных, но разных по своей сущности аспектов защиты конституционного строя. Так, например, воздействие Указа Президента Российской Федерации от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций»[1] имеет не только экономическое, но и политическое, идеологическое значение и оказывает, в специфическом преломлении, влияние на многие явления и процессы в их конституционно-правовом измерении. Можно предположить, что и без того высокая рискогенность нашего конституционализма в этой сфере может возрастать в связи с усилением давления извне, соответственно может возрастать и значение рискованных решений, обусловленных защитой конституционного строя, требующих не только эффективного взаимодействия государственных органов, но и совокупных усилий общества и государства.

Применительно к анализу рискогенности современного российского конституционализма нельзя обойти вниманием и защиту Конституции РФ. Независимо от подходов, основанных на разделении либо отождествлении понятий «охрана» и «защита» конституции, следует отметить, что в переломные моменты исторического развития, и соответственно, динамичных процессов, протекающих в сфере отечественного конституционализма, особое значение имеет признанная обществом ценность Конституции РФ, подтверждающаяся результатами ее позитивного влияния на повседневную жизнь нашей многонациональной, многоконфессиональной, страны, представляющей собой, к тому же, асимметричную федерацию. Ю. М. Юмашев справедливо отмечает: «Чтобы быть действующей, конституция должна постоянно находить подтверждение в согласии граждан, в интересах которых она была разработана» [10, с. 32]. Базовой предпосылкой для этого является обеспечение верховенства Конституции РФ, каждодневная деятельность органов публичной власти, направленной на ее защиту. Сама наша Конституция формирует сложное правовое поле, соответствующее сложности и многообразию общественных отношений, подвергающихся ее правовому воздействию. В процессе конкретизации ее положений в текущем законодательстве недопустимо искажение тех идей, которые нашли отражение в нормах Основного закона, отступление от тех ценностей, приоритетов, которые они выражают. Учитывая особенности принятия Конституции РФ, ее содержания, исторического отрезка действия, а также динамики изменения ее положений, можно предположить, что защита Конституции в современном российском конституционализме связана с преодолением неблагоприятных последствий ретроспективных конституционных рисков, и, прежде всего, с позиций обеспечения ее авторитета, управления текущими конституционными рисками, обусловленными попытками разрушить наше конституционное пространство извне, прогнозированием соответствующих перспективных конституционных рисков.

[1] О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций : Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2022 № 79 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202280049?index=0&rangeSize=1. (дата обращения: 04.09.2022).

Список источников

1. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. Москва : РЮИД, Сашко, 2000. 528 с.

2. Красинский В. В. Конституционно-правовой механизм защиты конституционного строя в избирательном процессе. // Российский общественный институт избирательного права : [сайт]. URL: http://www.roiip.ru/articles/1630.htm (дата обращения: 04.09.2022).

3. Кутафин О. Е. Избранные труды : в 7 томах. Т. 7. Российский конституционализм : монография. Москва : Проспект, 2022. 544 с.

4. Мощелков Е. Н. Конституционные идеи и проекты декабристов: современное прочтение // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 2 (55). С. 136–144.

5. Невинский В. В. Избранные труды. Москва : Норма, 2021. 600 с.

6. Ромащенко Т. Д. Рискогенность российской экономики: причины, источники, перспективы преодоления // Вестник ВГУ. 2005. № 2. С. 26–30.

7. Соколов Ю. И. Проблемы рисков современного общества // Проблемы анализа риска. 2016. Т. 13, № 2. С. 6–23.

8. Сорокина Н. В. Рискогенность общественной трансформации в новых исторических условиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 53–56.

9. Фролова С. М. Рискогенность повседневной жизни общества // Власть. 2012. № 10. С. 14–17.

10. Юмашев Ю. М. Конституция: идея и история (на примере Античности, Англии, Франции, США и Германии) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 4. С. 31–46.

11. Юрковский А. В. Конституционализм: системный подход к формированию универсальной политико-правовой категории // Сибирский юридический вестник. 2013. № 3 (62). С. 20–28.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ
Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 12.09.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 20.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 342.9
С. 46–52

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Татьяна Митрофановна Занина[1], Ольга Анатольевна Федотова[2], Наталья Андреевна Анисимова[3]

[1]Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия
zanina.tatyana2020@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3443-3472
[2]Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия
fedotova.olga2020@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5215-2714
[3]Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия
agarckova.natali2016@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9721-2058

Аннотация. Обеспечение транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах является одной из серьезных проблем, стоящих перед Российской Федерацией. Стоит отметить, что современный транспортный комплекс состоит из огромного числа объектов транспортной инфраструктуры, а также транспортных средств и субъектов, которые осуществляют свою деятельность, в том числе по обеспечению транспортной безопасности лиц, находящихся на объектах транспорта. Однако, правовые, организационные, а также экономические вопросы не разрешены до настоящего времени. Состояние транспортной безопасности опирается на коренные интересы не только личности, но также и государства, ведь состояние транспортной безопасности оказывает прямой воздействие на показатели внутренней и внешней политики. В результате этого укрепление транспортной безопасности становится приоритетом каждого гражданина Российской Федерации. Важно сделать акцент на том, что каждому человеку следует укреплять своим моральные позиции и повышать уровень правового информирования, в том числе уважительно относиться к другим людям, чтобы каждый мог чувствовать себя в безопасности. На основе проведенного исследования предлагается внести изменения в законодательство Российской Федерации, субъектам обеспечения транспортной безопасности осуществлять разработку и реализацию мер, направленных на обеспечение безопасности граждан от противоправных посягательств со стороны преступных элементов. Указанные аспекты ставят для государства главную задачу — создание такой системы, которая бы соответствовала высоким показателям защищенности и безопасности граждан во время нахождения на объектах транспортной инфраструктуры. А решение указанной задачи будет выполняться при четком взаимодействии всех субъектов транспортной безопасности.

Ключевые слова: транспортная безопасность, транспортная инфраструктура, объекты транспортной инфраструктуры, транспортные средства, государство, субъекты транспортной инфраструктуры

Для цитирования: Занина Т. М., Федотова О. А., Анисимова Н. А.. Обеспечение транспортной безопасности в Российской Федерации: современные проблемы и пути решения // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 46–52.

© Т. М. Занина, О. А. Федотова, Н. А. Анисимова

Research article

ENSURING TRANSPORT SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION: MODERN PROBLEMS AND SOLUTIONS

Tatyana M. Zanina[1], Olga A. Fedotova[2], Natalia A. Anisimova[3]
[1]Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia
zanina.tatyana2020@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3443-3472
[2]Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia
fedotova.olga2020@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5215-2714
[3]Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia
agarckova.natali2016@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9721-2058

Abstract. Ensuring transport security at transport infrastructure facilities and vehicles is one of the serious problems facing the Russian Federation. It should be noted that the modern transport complex consists of a huge number of transport infrastructure facilities, as well as vehicles and entities that carry out their activities, including ensuring the transport security of persons on transport facilities. However, legal, organizational, and economic issues have not been resolved to date. The state of transport security is based on the fundamental interests of not only the individual, but also the state, because the state of transport security has a direct impact on the indicators of domestic and foreign policy. As a result, strengthening transport security becomes a priority for every citizen of the Russian Federation. It is important to emphasize that each person should strengthen their moral position and raise the level of legal information, including respect for other people so that everyone can feel safe. On the basis of the study, it is proposed to amend the legislation of the Russian Federation, the subjects of transport security to develop and implement measures aimed at ensuring the safety of citizens from unlawful encroachments by criminal elements. These aspects pose the main task for the state — the creation of such a system that would correspond to the high levels of security and safety of citizens while they are at transport infrastructure facilities. And the solution of this task will be carried out with a clear interaction of all subjects of transport security.

Keywords: transport security, transport infrastructure, transport infrastructure facilities, vehicles, state, subjects of transport infrastructure

For citation: Zanina TM, Fedotova OA, Anisimova NA. Ensuring transport security in the Russian Federation: modern problems and solutions. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):46-52. (In Russ.)

Введение

На сегодняшний день транспортная система занимает одно из основных мест во внутренней и внешней политике Российской Федерации, что определяет стратегию транспортной безопасности от различных угроз, а также экономическое развитие страны.

Интересный подход к изучению тематики места транспорта в системе государства представлен и за рубежом. Например, в предисловии к книге Кеннета А. Смола и Эрика Т. Верхофа «Экономика городского транспорта» говорится о том, что в основе всей современной экономической деятельности лежит торговля. Люди обменивают труд и идеи на наличные, а наличные на товары и услуги; фирмы торгуют технологиями, опытом, финансовыми возможностями, промежуточными товарами, выполняют административные функции с людьми и с правительством. Все эти транзакции и связи в большинстве случаев требуют перевозки товаров или людей на работу, в магазины, туристические места, а также места для встреч. Таким образом, справедливо сказать, что транспорт занимает центральное место в экономической деятельности.

Можно сказать, что транспорт является важной инфраструктурой, поскольку нарушение работы одного из ее компонентов может существенным образом повлиять на экономическое и социальное благополучие региона или страны в целом. Рассмотрим факторы, влияющие на нарушение безопасности работы транспорта:

1. Повышенная мобильность пассажиров приобрела достаточно высокий уровень как внутри страны, так и при пересечении международных границ. Поездки пассажиров в большинстве случаев связаны с проездом к месту

работы, туризмом, миграционными процессами. В данном случае большие показатели возникают при воздушных и морских перевозках, так как они предполагают в своем обращении широкий перечень грузов.

2. Взаимосвязь транспортной инфраструктуры с другими видами инфраструктур. В основном такая взаимосвязь проявляется при взаимодействии с экономической инфраструктурой. При невыполнении каких-либо условий, могут возникнуть непредвиденные риски, которые будут нести за собой нарушения.

3. Урбанизация. Появление крупных городов привело к резкой концентрации населения. Концентрация населения приравнивается к концентрации риска. Таким образом, любое стихийное бедствие, затрагивающее городскую территорию, усугубляет свои последствия наравне с плотностью населения. Также стоит подчеркнуть, что многие крупнейшие города мира расположены в прибрежных районах, что подвергает их дополнительной системе рисков, связанными с природными явлениями [1, с. 5].

Можно определить такие признаки функциональной модели транспортной безопасности как:

— является составной частью национальной безопасности, и ее обеспечение обладает наиболее приоритетными задачами;

— включает в себя несколько составляющих: субстратную (представлена нормативно-правовым регулированием), организационную (деятельность компетентных государственных органов), функциональную (контрольная функция в транспортной сфере), субстанциальная (перечень национальных интересов);

— существует в ходе исполнительной, распорядительной, хозяйственной деятельности субъектов, которые осуществляют ее повседневно;

— имеет способность к адаптации, согласно происходящим изменениям, которые могут касаться воздействий внутреннего и внешнего характера.

Одним из составляющих безопасности и успешного развития любого государства является состояние транспортной инфраструктуры и ее безопасности для общества.

Стоит отметить, что транспортная сеть развивается практически во всех городах нашего государства. Проведя комплексный анализ, выделим следующие направления развития транспортной инфраструктуры:

— внедрение в жизнь общества и государства в целом новых видов транспорта, которые не использовались ранее, в том числе и с использованием современных информационных технологий;

— изменение режимов работы уже существующих видов транспорта в целях предоставления гражданам новых транспортных услуг;

— развитие не только пассажирского транспорта, но и личного на основе изменений, происходящих в государстве [2, с. 10].

Отметим тот факт, что от функционирования транспортной системы также зависит жизнедеятельность общества и государства, а именно доставки и получения необходимых товаров и услуг. Так, в связи с происходящими событиями в Казахстане в январе 2022 года, некоторые транспортные компании приостановили перевозку грузов. Данные меры были предприняты из-за возросших беспорядков, которые несут за собой определенные риски [3, с. 15].

В связи с развитием транспортной инфраструктуры, появлением новых транспортных средств, а также совершенствованием старых, органы, обеспечивающие транспортную безопасность, сталкиваются с рядом проблем правового регулирования.

Теоретические основы. Методы

Прежде чем рассматривать вышеуказанные проблемы, считаем целесообразным раскрыть понятие и сущность транспортной безопасности.

Определение «транспортной безопасности» закреплено в Федеральном законе от 9 февраля 2007 г. № 16 «О транспортной безопасности»[1] и представляет собой «состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства».

Анализируя мнения ученых по поводу трактовки понятия «транспортная безопасность», мы приходим к выводу о том, что его можно охарактеризовать в различных смыслах.

Ю. Ф. Голиусов относит транспортную безопасность к составляющим национальной безопасности, Д. В. Карасев считает транспортную безопасность экономической составляющей. Ю. В. Степаненко совместно с работами Л. А. Басырова обозначают транспортную безопасность юридической категорией. Таким образом, мы наблюдаем разногласия в определении сущности транспортной безопасности [4, с. 15].

[1] О транспортной безопасности : Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2022).

Для субъектов, обеспечивающих транспортную безопасность, в первую очередь, важно состояние правового регулирования их деятельности, а именно четкое распределение прав и обязанностей. Важно отметить, что законодательная база также определяет следующие аспекты деятельности субъектов транспортной безопасности:

— направления деятельности;
— формы и методы деятельности;
— цели деятельности;
— задачи деятельности;
— функции деятельности;
— процедуры и алгоритмы.

На сегодняшний день система нормативных правовых актов, регулирующих деятельность по обеспечению транспортной безопасности достаточно обширна. Для того, что разобраться в этой системе более подробно, нами предлагается изучение законодательства в аспекте его функционального назначения.

Базовым нормативным актом является Конституция Российской Федерации, а именно ст. 71[1], которая закрепляет то, что в ведении Российской Федерации находится федеральный транспорт, пути сообщения, а также оборона и безопасность.

Важно отметить тот факт, что в Российской Федерации действует перечень нормативных правовых актов, которые направлены на регулирование и устранение конкретных угроз безопасности.

Правовые акты, непосредственно регулирующие деятельность субъектов, обеспечивающих безопасность на объектах транспорта: Федеральный закон Российской Федерации от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», а также указы Президента РФ и постановления Правительства РФ.

Обеспечение транспортной безопасности также регулируется ведомственными нормативными правовыми актами. К их числу относится законодательство федеральной службы безопасности, Войск национальной гвардии, таможенных органов, министерства транспорта и др.

На наш взгляд, ключевым субъектом обеспечения транспортной безопасности являются органы внутренних дел на транспорте МВД России, которые наделены рядом полномочий в данной области.

Результаты исследования

В целях решения данных проблем считаем целесообразным переработать и уточнить некоторые положения для наиболее точного понимания.

Перечень проблемных вопросов можно также выделить в Федеральном законе «О транспортной безопасности».

1. На наш взгляд неполно раскрыто содержание термина «транспортная безопасность». Считаем целесообразным раскрыть какие именно меры должны применяться для осуществления транспортной безопасности.

2. Понятие «подразделения транспортной безопасности» не совсем понятно. Возникает вопрос о каких юридических лицах идет речь.

3. Существуют противоречия не только внутри закона, но и между отдельными нормами законодательства. Так, в ст. 12.2 Федерального закона «О транспортной безопасности» указано, что на субъектов транспортной инфраструктуры (юридические лица, индивидуальные предприниматели и физические лица) и перевозчиков (юридические лица или индивидуальные предприниматели) возложена организация досмотра, наблюдения и собеседования в целях обеспечения транспортной безопасности. Проблема заключается в том, что отсутствует порядок проведения указанных мероприятий, а также вид проводимого досмотра. Если в данном случае речь идет об административном досмотре, регламентированном Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, то возникает существенное противоречие. Административный досмотр является мерой административного принуждения и проводится в целях пресечения административного правонарушения и установления личности, а лицами его проведения не являются субъекты транспортной инфраструктуры и перевозчики.

Предлагаем следующее решение выявленных проблем нормативно-правового регулирования:

1. В целях наиболее полного и широкого для правоприменителя понимания термина «транспортная безопасность», считаем целесообразным расширить его трактовку «состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства, посредством организации и осуществления субъектами транспортной безопасности комплекса специальных мер информационного, технического, охранного характера в области обеспечения общественного порядка и безопасности на различных видах и объектах транспорта».

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Понятие «подразделения транспортной безопасности» конкретизировать посредством расширения и закрепления в нем системы субъектов, обеспечивающих транспортную безопасность: «осуществляющие защиту объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства и аккредитованные для этой цели в установленном порядке юридические лица, в обязательном порядке прошедшие аттестацию — подразделения ведомственной охраны федеральных органов исполнительной власти в области транспорта, ФГП «Ведомственная охрана железнодорожного транспорта Российской Федерации», ФГУП «Управление ведомственной охраны Министерства транспорта Российской Федерации, ФГУП «Охрана» Росгвардии, Главное управление на транспорте МВД России, Служба авиационной безопасности, подразделения транспортной безопасности, непосредственно обеспечивающие транспортную безопасность объектов транспортной инфраструктуры или транспортных средств «Росморпорт», подразделения транспортной безопасности, созданные в субъектах транспортной инфраструктуры.

3. Указать, какой именно вид досмотра проводится, и закрепить перечень субъектов, которые вправе его осуществлять. На наш взгляд, таковым является досмотр физических лиц, транспортных средств, грузов, багажа, почтовых отправлений, ручной клади, личных вещей и другим материальных объектов. Субъекты, которые вправе его осуществлять:

— работники, обеспечивающие транспортную безопасность на объекте транспортной инфраструктуры или транспортного средства;

— работники транспортной инфраструктуры, включенные в состав быстрого реагирования;

— работники, осуществляющие наблюдение в целях обеспечения транспортной безопасности;

— работники, управляющие транспортными средствами в целях обеспечения безопасности [5, с. 121].

На наш взгляд, еще одной из приоритетных задач является разработка и реализация мер, направленных на обеспечение безопасности граждан от противоправных посягательств со стороны преступных элементов. В этой связи необходимо исполнение следующих положений:

1) формирование, принятие и реализация системы регламентов, нацеленных на обеспечение транспортной безопасности, ссылающихся на международную практику в данной области;

2) создание базы, где будут зафиксированы транспортные средства;

3) контроль за наличием лицензий, выданных для осуществления перевозок детей, транспортировки опасных грузов и др.;

4) разработка нормативной базы, направленной на регулирование порядка владения транспортными средствами, занимающихся перевозкой пассажиров, а также грузов;

5) дальнейшая разработка и использование информационных технологий в рамках обеспечения транспортной безопасности.

Для решения доктринальных проблем, решением которых занимается государство и ученые, на наш взгляд, необходимо прийти к установлению общности законодательства со смежными международными правовыми актами [6, с. 12]. Сделать это предлагается путем имплементации норм международного права в законодательство Российской Федерации.

Задачей государства должно стать разъяснение существующих мер и норм в области транспортной безопасности, а также их необходимости в процессе обеспечения транспортной безопасности. Далее необходимо оперативное реагирование на возникающие проблемы, в том числе и на проблемы финансового обеспечения. Для осуществления указанных нами проблем предлагается следующий алгоритм для субъектов транспортной безопасности:

1. Определение целей нормативной правовой базы, а также выявление ее ценностей и пользы для деятельности, связанной с обеспечением транспортной безопасности.

2. Определение субъектов транспортной безопасности.

3. Определение возможности конфликта интересов между субъектами в процессе обеспечения транспортной безопасности.

4. Изучение законодательства на предмет выявления пробелов и коллизий.

5. Определение проблемного правового поля.

6. Поиск наиболее рациональных способов и методологических приемов для решения обнаруженных проблем.

7. Применение способов и методологических приемов.

8. Принятие в результате нормативного правового акта.

Субъекты обеспечения транспортной безопасности постоянно сталкиваются с рядом проблем, связанных с нарушением транспортной

безопасности, что подтверждается имеющейся судебной практикой.

Например, Железнодорожным судом г. Хабаровска было установлено, что юридическое лицо ОАО «Российские железные дороги» повторно не исполнило требования по обеспечению транспортной безопасности, а именно не образовало в соответствии с особыми задачами и привлекло в соответствии с Планом обеспечения транспортной безопасности подразделения транспортной безопасности для защиты объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства, включая группы быстрого реагирования специально оснащенные, мобильные, круглосуточно выполняющие свои задачи по реагированию на подготовку совершения или совершения актов незаконного вмешательства в зоне транспортной безопасности и на критических элементах, а также на нарушения внутриобъектового и пропускного режимов группы из числа сотрудников подразделений транспортной безопасности; не реализовало план обеспечения транспортной безопасности в течение шести месяцев с момента утверждения результатов оценки уязвимости; не обеспечило видеонаблюдение за действиями сил транспортной безопасности на контрольно-пропускных пунктах; не оснастило объект транспортной инфраструктуры инженерно-техническими системами обеспечения транспортной безопасности; не обеспечило электронное документирование проходов персонала и посетителей в зону транспортной безопасности; не организовало пропускной и внутриобъектовый режим на объект транспортной инфраструктуры, а именно железнодорожный вокзал ст. Хабаровск-1.

Далее, Мещанским районным судом г. Москвы в отношении юридического лица государственным транспортным инспектором — государственным инспектором отдела НОТБ УГАН НОТБ ПФО Ространснадзора составлен протокол об административном правонарушении по ч. 3 ст. 11.15.1 КоАП РФ, за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности либо неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности, совершенные по неосторожности, если эти действия (бездействия) не содержат уголовно наказуемого деяния, совершенного умышленно.

Отметим, что судами различных инстанций рассматривается широкий перечень дел отношении нарушений требований нормативных правовых актов в сфере обеспечения транспортной безопасности. Наиболее часто встречающимися нарушениями являются:

— не разрабатывается номенклатура (перечень) должностей, связанных с обеспечением транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры или транспортных средств;

— не проводится категорирование объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств;

— не проводится и не утверждается оценка уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств;

— не разрабатываются и не утверждаются планы обеспечения транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств;

— не разрабатываются приказы о назначении должностных лиц, ответственных за обеспечение транспортной безопасности;

— должностные инструкции, определяющие функциональные обязанности не отражают требований нормативных документов по транспортной безопасности;

— не отрабатываются планы взаимодействия с территориальными подразделениями МВД, ФСБ, МЧС России, с органами государственной власти и местного самоуправления;

— не разрабатывается документация о внутриобъектовом и пропускном режимах.

Обсуждение и заключение

Современный мир оснащен различными информационными технологиями, которые зачастую также могут быть подвергнуты угрозам со стороны преступников. Так, новой формой безопасности является кибербезопасность, для которой особенно уязвима транспортная инфраструктура [7, с. 14].

Рост использования информационных технологий открыл новые формы угроз, характеризующиеся тем, что к системам контроля и управления можно получить удаленный доступ. Преступники создают сложные взаимосвязанные корпоративные информационные сети, которые легко взламываются и выходят из строя, что несет за собой тяжкие последствия.

Например, в 2017 году вредоносное программное обеспечение было отправлено со взломанных серверов украинской компании-разработчика, которое впоследствии было использовано крупнейшими мировыми транспортными компаниями, в результате чего сумма ущерба составила примерно десять миллионов долларов.

Подводя итог, следует сказать, что пристальное внимание со стороны ученых

к обеспечению транспортной безопасности [8, с. 10] определяется следующими основными аспектами:

— террористические угрозы;

— износ современного транспорта;

— значительный ущерб обществу и государству в результате происходящих аварий на объектах транспортной инфраструктуры.

Таким образом, обеспечение транспортной безопасности должно включать:

1) обеспечение безопасности личности, общества, государства;

2) постоянное сохранение безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах;

3) постоянный мониторинг, оценка уязвимости транспортного комплекса;

4) проведение превентивных адекватных мер с учетом внутренних и внешних угроз и вызовов.

Список источников

1. Transportation Research Board. Critical Issues in Transportation, Washington, DC: The National Academies, 2006.

2. Pyrialakou V. D., Gkartzonikas C., Gatlin J. D., Gkritza K. Perceptions of safety on a shared road: Driving, cycling, or walking near an autonomous vehicle // Journal of Safety Research. 2020. Vol. 72. P 249–258. https://doi.org/10.1016/j.jsr.2019.12.017

3. Jiménez D., Fuente Y., Hernández-Galán J. Diversity of "Pedestrians on Wheels", New Challenges for Cities in 21st Century // Transforming our World Through Design, Diversity and Education : Proceedings of Universal Design and Higher Education in Transformation Congress 2018. Series: Studies in Health Technology and Informatics. 2018. Vol. 256. P. 357–366. https://doi.org/10.3233/978-1-61499-923-2-357

4. Николаева Н. В. Транспортная безопасность: проблема определения понятия и содержания // Международный правовой курьер. 2016. № 1 (13). С. 15–21.

5. Занина Т. М., Агаркова Н. А. Основные направления деятельности органов внутренних дел на транспорте в рамках реализации государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействия преступности» на объектах железнодорожной инфраструктуры // Вестник Пермского института ФСИН России. 2021. № 3 (42). С. 116–123.

6. Lee D., Hess D. J. Regulations for on-road testing of connected and automated vehicles: Assessing the potential for global safety harmonization // Transportation Research Part A: Policy and Practice. 2020. Vol. 136. P. 85–98. https://doi.org/10.1016/j.tra.2020.03.026

7. Зориков К. В. Подразделения транспортной безопасности. Через тернии к звездам? // Алгоритм безопасности. 2016. № 2. С. 60–61.

8. López-Lambas M. E., Alonso A. The driverless bus: An analysis of public perceptions and acceptability // Sustainability. 2019. Vol. 11. no. 18. Art. 4986. https://doi.org/10.3390/su11184986

ВКЛАД АВТОРОВ

Занина Т. М. — научное руководство, концепция исследования, итог выводов.

Федотова О. А. — участие в разработке проблем, итоговые выводы.

Анисимова Н. А. — анализ правовых актов, итоговые выводы.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Zanina T. M. — scientific guidance, research concept, conclusions summary.

Fedotova O. A. — Participation in the development of the problems, final conclusions.

Anisimova N. A. — analysis of legal acts, final conclusions.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 10.08.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 07.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 342.7

С. 53–59

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ПОЛЬЗОВАТЬСЯ УСЛУГАМИ ПЕРЕВОДЧИКА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Татьяна Павловна Пестова
Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия
pestovatp@susu.ru, https://orcid.org/0000-0002-4585-9324

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию одной из ключевых гарантий защиты прав участников производства по делам об административных правонарушениях как надлежащее обеспечение права пользоваться услугами переводчика. Цель исследования — изучение специфики применения отдельных средств механизма обеспечения права пользоваться услугами переводчика в производстве по делам об административных правонарушениях и разработка предложений по усовершенствованию норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), направленных на создание условий для эффективной реализации права пользоваться услугами переводчика. Методы исследования: системный, логический, формально-юридический. При исследовании проблемных аспектов механизма обеспечения права пользоваться услугами переводчика, выявлены вопросы, которые находятся за пределами правового установления. В связи с чем, автором вносятся предложения по внесению изменений и дополнений в ст. 25.10 КоАП РФ в части определения категорий переводчиков, их компетентности, разрешения вопроса инициативы привлечения в дело переводчика.

Ключевые слова: ходатайство о переводчике, компетентность переводчика, судебный переводчик, поиск переводчика

Для цитирования: Пестова Т. П. Обеспечение права пользоваться услугами переводчика в производстве по делам об административных правонарушениях // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 53–59.

Research article

ENSURING THE RIGHT TO USE THE SERVICES OF AN INTERPRETER IN PROCEEDINGS ON CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Tatyana P. Pestova
South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia
pestovatp@susu.ru, https://orcid.org/0000-0002-4585-9324

Abstract. This work is devoted to the study of one of the key guarantees for the protection of the rights of participants in proceedings in cases of administrative offenses as an appropriate guarantee of the right to use the services of an interpreter. The purpose of the study is to study the specifics of the use of certain means of the mechanism for ensuring the right to use the services of an interpreter in proceedings on administrative offenses and to develop proposals for improving the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation aimed at creating the necessary conditions for the effective implementation of the right to use the services of an interpreter. Research methods: systemic, logical, formal legal. When studying the problematic aspects of the mechanism for ensuring the right to use the services of an interpreter, issues that are outside the legal establishment were identified. In this connection, the author makes proposals for amendments and additions to Art. 25.10 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, in terms of determining the categories of translators, their competence, resolving the issue of the initiative to involve an interpreter in the case.

© Т. П. Пестова

Keywords: application for an interpreter, competence of an interpreter, court interpreter, search for an interpreter

For citation: Pestova TP. Ensuring the right to use the services of an interpreter in proceedings on cases of administrative offenses. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):53-59. (In Russ.)

Введение

Проблемы доступности государственного языка лицам, не владеющим или в недостаточной мере владеющим таким языком, вызывают сложности при коммуникации данной категории граждан с уполномоченными должностными лицами органов государственной власти и управления, а также при реализации прав, свобод, обязанностей в рамках тех или иных публичных правоотношений. Подобного рода проблемы свойственны и для производства по делам об административных правонарушениях.

В производстве по делам об административных правонарушениях доступность языка обеспечивается через установление в нормах КоАП РФ не только права выступать и давать объяснения, заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на родном для участника производства языке либо на другом свободно избранном им языке общения, но и права пользоваться услугами переводчика.

Закон устанавливает: требования, которым должно соответствовать лицо, привлекаемое в качестве переводчика; обязанности переводчика; правомочие суда, органа, должностного лица, в производстве которого находится дело об административном правонарушении (далее — субъект административной юрисдикции) о предупреждении переводчика об административной ответственности за выполнение заведомо неправильного перевода; основания привлечения переводчика к административной ответственности; основания для отвода и самоотвода переводчика. Но, за пределами правового установления в настоящее время остаются, например, такие вопросы, как: привлечение в производство по делу об административном правонарушении переводчика по инициативе субъекта административной юрисдикции; удостоверение в компетентности переводчика; поиск переводчика. Такие пробелы в нормах КоАП РФ отрицательно сказываются на качестве обеспечения права пользоваться услугами переводчика в рассматриваемом виде административно-юрисдикционного производства, а потому требуют разрешения путем усовершенствования положений ст. 25.10 КоАП РФ с целью создания необходимых условий для эффективной реализации права пользоваться услугами переводчика теми участниками производстве по делам об административных правонарушениях, которые не владеют или в недостаточной мере владеют таким языком.

Описание исследования

Обеспечение участия в производстве по делу об административном правонарушении переводчика является важнейшей гарантией защиты прав участников такого производства, в связи с чем несоблюдение такого права является существенным процессуальным нарушением[1].

Обеспечить реализацию рассматриваемой процессуальной гарантии призваны субъекты административной юрисдикции, причем, как отмечает О. Ю. Кузнецов, «фактически, переводчик должен вступить в процесс с момента определения процессуального статуса одного или нескольких его участников, не владеющих языком судопроизводства, в отношении которых он призван обеспечить лингвистическую поддержку» [1, с. 80].

На процессуальную роль переводчика назначает субъект административной юрисдикции посредством вынесения определения (если субъект административной юрисдикции — судья) или постановления (если субъект административной юрисдикции — орган, должностное лицо). Но, возникает вопрос о субъекте, который уполномочен инициировать привлечение для участия деле переводчика. Нормы КоАП РФ решение данного вопроса не урегулировали, что, по нашему мнению, является действительным пробелом, который отрицательно сказывается на реализации права пользоваться услугами переводчика с точки зрения его надлежащего обеспечения. На практике инициатива привлечь к участию в дело переводчика исходит либо от субъекта административной юрисдикции (идеальный вариант, по нашему мнению, с точки зрения надлежащего обеспечения права пользоваться услугами переводчика!), либо защитника, либо (и это самый

[1] Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 13.01.2020 по делу № 19-АД19-10 // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: vsrf.ru (дата обращения: 08.08.2022).

распространенный вариант), от лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Таким образом, участник производства по делу об административном правонарушении, который не обратился с ходатайством о привлечении к участию в деле переводчика, по сути, лишается права пользоваться его услугами. А для субъекта административной юрисдикции обязанность по обеспечению права пользоваться услугами переводчика возникает только в том случае, если он удовлетворяет соответствующее ходатайство. При этом, в удовлетворении ходатайства будет отказано, если субъект административной юрисдикции делает вывод о том, что участник производства владеет русским языком в достаточной степени для письменного и устного изложения, понимает суть происходящего. В качестве наглядного примера может послужить постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.12.2020 № 16-7953/2020.

Но, подобная практика, если и не нарушает право пользоваться услугами переводчика, то, как минимум, не способствует должному обеспечению субъектами административной юрисдикции реализации рассматриваемой процессуальной гарантии. Как справедливо отмечает Я. Б. Жолобов, «непредоставление переводчика подрывает не только судебное решение, но и авторитет Российской Федерации» [2, с. 32].

Полагаем, что в независимости от наличия или отсутствия ходатайства о переводчике, а равно как и при отказе от переводчика, если для субъекта административной юрисдикции очевидно, что тот или иной участник производства по делу об административном правонарушении не владеет, или в не достаточной мере владеет языком производства, то ему необходимо решать вопрос о привлечении в дело переводчика.

Эффективность решения задачи субъектами административной юрисдикции по должному обеспечению права пользоваться услугами переводчика, зависит также и от разрешения вопроса об удостоверении в компетентности переводчика.

КоАП РФ не урегулирован вопрос о правомочии субъекта административной юрисдикции удостоверяться в компетентности переводчика (заметим, что в отличии от КоАП РФ, например, УПК РФ напротив, закрепляет правомочие следователя удостоверяться в компетентности переводчика). Также нормами КоАП РФ не установлена такая категория как «компетентность переводчика».

По мнению З. М. Большаковой и Н. Н. Тулькибаевой «любая человеческая деятельность оценивается обществом. Здесь уже не важно, чем человек владеет (знаниями, умениями, навыками и пр.), важна эффективность деятельности. Такой мерой и выступает компетентность» [4, с. 14].

В ч. 1 ст. 25.10 КоАП РФ предусмотрены только отдельные элементы когнитивной составляющей компетентности переводчика (владение языками, навыками сурдоперевода). Вместе с тем, помимо когнитивной составляющей (знаний, умений, навыков, практического опыта и прочее) компетентность включает и иные составляющие: операционно-технологическую, мотивационную, этическую, социальную, поведенческую.

Кроме того, при изложении текста правовой нормы в ч. 1 ст. 25.10 КоАП РФ, на наш взгляд, допущены нарушения языковых правил юридический техники при использовании терминов «владение языком», «навык сурдоперевода», а также сочинительного союза «или» при перечислении элементов когнитивной составляющей компетентности переводчика. Дело в том, что навык сурдоперевода — это только часть такого когнитивного элемента компетентности, как владение языком. Владение языком в общей педагогике и лингвистике понимается как сформированность речевых умений (способность выполнять сознательную речевую деятельность, направленную на решение коммуникативных задач) и речевых навыков (операционный уровень речевой деятельности). Такие нарушения правил юридический техники могут привести к ошибочной интерпретации ч. 1 ст. 25.10 КоАП.

Придерживаясь позиции Н. Ю. Волосовой и Е. С. Шмелевой, которые считают, что «законодатель должен исходить не из свободного владения языком, знание которого необходимо для перевода, а из языковой компетентности переводчика» [3, с. 130], считаем, что в ч. 1 ст. 25.10 КоАП РФ необходимо указать на наличие именно компетентности переводчика как интегральной характеристики эффективности его деятельности при осуществлении перевода, исключив указание на владение языком или навык сурдоперевода.

Компетентность переводчика предлагается понимать, как качества переводчика, обеспечивающие эффективное выполнение деятельности по переводу языка производства по делу об административном правонарушении и языка, избранного участником производства по делу об административном правонарушении, не владеющего или

в недостаточной мере владеющего языком производства по делу об административном правонарушении.

Как уже было отмечено выше, законом не урегулирован вопрос о правомочии субъекта административной юрисдикции удостоверяться в компетентности переводчика. Но анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что, субъекты административной юрисдикции, разрешая вопрос о привлечении в дело переводчика, все-таки возлагают на себя бремя по удостоверению в компетентности переводчиков, как правило, путем оценки документов, подтверждающих профильное образование и квалификацию переводчика звучащего языка и (или) доверенности переводческих организаций, а при оценки компетентности переводчика жестового языка — документов о профильном образовании и квалификации, и (или) направления (удостоверения, рекомендации) Общероссийской общественной организации «Всероссийское общество глухих» (далее — ВОГ) или территориального органа социальной защиты населения.

По мнению О. Ю. Кузнецова «участие в деле переводчика должно быть документально подтверждено во всех его материалах, закрепляющих содержание и результаты процессуальных действий, осуществленных при его лингвистической поддержке» [1, с. 80]. В противном случае законность участия переводчика в производстве по делу об административном правонарушении может быть поставлена под сомнение, а вследствие этого — и исход всего дела. Но, такие правовые установления отсутствуют в КоАП РФ, чем и пользуются в правоприменительной деятельности те субъекты административной юрисдикции, которые отказывают в удовлетворении жалоб о некомпетентности переводчика (см., например, решение Курганского областного суда от 07.05.2018 по делу № 71-80/2018).

Но позволяет ли такой подход в урегулировании вопроса об удостоверении субъектом административной юрисдикции в компетентности переводчика, который используется на практике, обеспечить привлечение в дело именно компетентного переводчика? Возможно было бы дать утвердительный ответ на данный вопрос, если компетентность переводчика оценивается уполномоченными на то лицами (например, членами экзаменационных комиссий при проведении итоговой аттестации по результатам освоения соответствующих профильных программ СПО, ВО, ДПО), переводческими организациями, ВОГ, территориальными органами социальной защиты, с которыми переводчики состоят в трудовых или гражданско-правовых отношениях).

При оценки компетентности переводчиков, в том числе их когнитивных, аффективных, волевых качеств, уполномоченные на то субъекты руководствуются, в том числе ФГОС ВО по направлениям подготовки 44.03.03, 44.04.03, 45.03.02, ФГОС СПО по специальности 39.02.02, ГОСТ Р 57636-2017, Единым квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и прочее.

При этом, требования к образованию и обучению, а также опыту практической работы переводчиков установлены в настоящее время профессиональными стандартами:

1) Профессиональным стандартом «Тифлосурдопереводчик» (утвержден Приказом Минтруда России от 17.10.2016 № 575н), который, в том числе, устанавливает требования к образованию и обучению, а также опыту практической работы тифлосурдопереводчика, при реализации обобщенной трудовой функции «Деятельность по организации коммуникации в социуме граждан с одновременными нарушениями зрения и слуха»;

2) Профессиональным стандартом «Специалист в области перевода» (утвержден Приказом Минтруда России от 18.03.2021 № 134н), который, в том числе, устанавливает требования к образованию и обучению, а также опыту практической работы специалистов в области перевода при реализации обобщенной трудовой функции «Профессионально ориентированный перевод»;

3) Профессиональным стандартом «Переводчик русского жестового языка» (утвержден Приказом Минтруда России № 13н от 14.01.2022 № 13н), который, в том числе, устанавливает требования к образованию и обучению, а также опыту практической работы переводчиков русского жестового языка при реализации обобщенной трудовой функции «Профессионально ориентированный перевод русского жестового языка». Согласно подразделу 3.2 ПС «Переводчик русского жестового языка» к переводу в судебных процессах, при проведении дознавательных и следственных мероприятий, при совершении нотариальных действий, в учреждениях пенитенциарной системы допускаются переводчики русского жестового языка I или II категории, а также переводчиками-субтитровщиками русского жестового языка.

Согласно ст. 195.3 ТК РФ профессиональные стандарты обязательны для применения работодателями. При условии, что

переводческие организации или ВОГ, с которыми переводчики, как работники данных организаций, состоят в трудовых отношениях, должным образом реализуют возложенную на них ст. 195.3 ТК РФ обязанность, то по запросу субъектов административной юрисдикции для участия в производстве по делу об административном правонарушении будут направлены те переводчики, которые соответствуют указанным выше требованиям, предъявляемым к образованию и обучению, а также опыту практической работы переводчика.

Но, тем не менее, даже принятие указанных выше профстандартов не решило проблему специализации переводчиков в области судебного перевода (исключение — Профессиональным стандартом «Переводчик русского жестового языка»). Также остается не урегулированной проблема удостоверения в компетентности переводчиков, у которых отсутствуют соответствующее профильное образование и (или) опыт практической работы в качестве переводчика.

По мнению сторонников введения специального института судебных переводчиков (например, Е. М. Александровой, А. А. Ларина, Л. Б. Обидиной, В. В. Сдобникова, И. В. Щербининой и др.) проблему удостоверения в компетентности переводчика, возможно было бы урегулировать Положением о судебном переводчике, который был разработан Союзом переводчиков России. Но, несмотря на всю злободневность проблемы легализации деятельности судебных переводчиков, данное Положение не утверждено.

Полагаем, что правовое установление порядка удостоверения в компетентности переводчика, как необходимой составляющей механизма обеспечения права на услуги переводчика, должно стать следствием создания института аттестованных переводчиков, специализирующихся в области судебного перевода, т. е. судебных переводчиков. Ответственным ведомством, уполномоченным проводить аттестацию и осуществлять контроль за деятельностью судебных переводчиков, могло бы выступить Министерство юстиции Российской Федерации.

В случае создания в России института судебных переводчиков, считаем, что КоАП РФ должен предусматривать первоочередность привлечения к исполнению перевода именно судебных переводчиков. Но, в тоже время КоАП РФ не должен исключать возможность привлечения к исполнению перевода и иных переводчиков, в том числе переводчиков имеющих профильное образование и опыт работы в качестве переводчика, а также иных лиц, не имеющих профильного образования, но способных эффективно осуществлять деятельность по переводу языка производства по делу об административном правонарушении и языка, который выбрал участник производства, не владеющий (в недостаточной мере владеющий) языком производства. Лингвистическая поддержка со стороны указанной категории переводчиков должна быть исключением из правила, продиктованным невозможностью привлечь для участия в деле судебного переводчика. Данное предложение автора основано на опыте США, где доступность языка для участников судебного процесса обеспечивается участием в деле переводчиков, которые законодательно делятся на следующие категории: сертифицированные, профессионально квалифицированные переводчики и переводчики, владеющие языком [5, с. 118].

Российская действительность такова, что в нашем государстве «практически не возможно прогнозировать потребность в судебных переводчиках тех или иных языков, а следовательно, и осуществлять их централизованную подготовку» [5, с. 117]. В связи с данным обстоятельством, так или иначе, но на практике может возникнуть проблема отсутствия или нехватки судебных переводчиков, в том числе, для участия в производстве по делу об административном правонарушении, конституционном, уголовном, административном судопроизводствах. Поэтому, мы и считаем, что закон должен предусмотреть возможность участия в деле об административном правонарушении и «иных переводчиков», чем судебные переводчики, но, повторимся, только как исключение из правила. В этом случае, удостоверяться в компетентности переводчика должен будет субъект административной юрисдикции, используя, например формальные критерии оценки компетентности переводчика, которые предлагает применять О. Ю. Кузнецов в уголовном судопроизводстве [1].

Еще один из злободневных вопросов обеспечения права пользоваться услугами переводчика, который не урегулирован на уровне нормотворчества — это поиск переводчика. На практике используются следующие варианты поиска переводчика:

1) лицо, которое заявило ходатайство о переводчике, предлагает собственного кандидата в переводчики (как правило, это родственники, друзья, а также переводчики, услугами которого ранее пользовалось данное лицо и т. д.);

2) субъект административной юрисдикции обращается в переводческую организацию, национальные диаспоры, или, когда необходим переводчик жестового языка — в ВОГ, используя, как правило, личные или профессиональные связи.

Но, при осуществлении поиска переводчика необходимо решить следующие задачи:

— во-первых, оперативность поиска;

— во-вторых, привлечение в дело компетентного переводчика.

Эффективное решение перечисленных задач может осложняться разными факторами. Например, участник производства по делу владеет редким для нашего государства языком звучащим или иным чем русский жестовым языком. Или, возникли проблемы перевода, например, с цыганского языка, которые могут быть вызваны неграмотностью цыган, лингвистическим многообразием цыганской речи и пр.

В подобных ситуациях задачу по оперативному поиску переводчика, возможно было бы решить путем создания единой информационной базы, в которой бы содержались сведения о переводчиках, соответствующих требованиям, установленным как минимум профстандартами «Специалист в области перевода», «Переводчик русского жестового языка», «Тифлосурдопереводчик». Следует заметить, что авторы проекта Положения о судебном переводчике и сторонники легализации деятельности судебного переводчика предлагают создание такой единой информационной базы в России как Реестр судебных переводчиков.

Заключение

Таким образом, надлежащее обеспечение права пользоваться услугами переводчика в производстве по делам об административных правонарушениях прежде всего зависит от качества правовых установлений. Но, в результате исследовании проблемных аспектов механизма обеспечения права пользоваться услугами переводчика, установлено, что нормы действующего КоАП РФ не урегулировали вопросы привлечения в производство по делу переводчика по инициативе субъекта административной юрисдикции, удостоверения в компетентности переводчика, поиска переводчика, что негативно сказывается на качестве обеспечения права пользоваться услугами переводчика. В связи с чем, систематизируя представленные в данном исследовании предложения по устранению выявленных пробелов в вопросах правового регулирования обеспечения права пользоваться услугами переводчика в производстве по делам об административных правонарушениях, предлагаем следующую редакцию ч. 1 ст. 25.10 КоАП РФ и дополнений ч. 1.1 и 1.2 указанной статьи:

«1. В качестве переводчика может быть привлечено обладающее статусом судебного переводчика не заинтересованное в исходе дела совершеннолетнее лицо, компетентность которого позволяет осуществить деятельность по переводу языка производства по делу об административном правонарушении и языка, избранного участником производства, не владеющим или в недостаточной мере владеющим языком производства. При отсутствии возможности привлечения для участия в деле судебного переводчика, в качестве переводчика может быть привлечено иное лицо, продемонстрировавшие суду, органу, должностному лицу компетентность переводчика.

1.1. В целях обеспечения учета переводчиков, соответствующих требованиям к образованию и обучению, а также опыту практической работы переводчиков, установленных профессиональными стандартами, формируется Единый государственный реестр переводчиков, ведение которого осуществляется уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

1.2. Суд, орган, должностное лицо привлекают к участию в производстве по делу об административном правонарушении переводчика по ходатайству участника производства, а при отсутствии ходатайства — по своей инициативе, если будет установлено, что участник производства не владеет, или в не достаточной мере владеет языком производства по делу об административном правонарушении».

Полагаем, что представленные предложения актуальны в том случае, если в Российской Федерации все-таки будет разрешен вопрос о легализации деятельности судебных переводчиков.

Список источников

1. Кузнецов О. Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве : монография. Москва : Изд-во МПИ ФСБ России, 2006. 256 с.

2. Жолобов Я. Б. Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: проблемы и пути их решения // Судья. 2015. № 6. С. 31–36.

3. Волосова Н. Ю., Шмелева Е. С. О проблеме определения компетенции переводчика в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). С. 128–134.
4. Большакова З. М., Тулькибаева Н. Н. Компетенции и компетентность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. № 24. С. 13–19.
5. Винников А. В. Судебный и полицейский перевод: уроки мировой практики // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 2 (11). С. 114–123.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ
Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 09.08.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 21.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 34.023

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Татьяна Владимировна Пикина[1], Олег Александрович Пучков[2]
[1]Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия;
Владимирский юридический институт федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Россия
t.v.pikina@mail.ru
[2]Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
argun061@gmail.com

Аннотация. Статья содержит исследование актуальной теоретической проблемы ограничения правового статуса. Авторы исходят из того, что эта проблема в реальной юридической практике решается законодателем без применения какой либо системы рациональных, теоретически выверенных правил, норм и принципов осуществления ограничения правового статуса. В силу этого актуальной теоретической задачей становится выработка теоретических основ практики применения ограничений правового статуса, для чего вначале авторы рассматривают общее понятие правового статуса, имеющиеся подходы в по этому вопросу в теоретико-правовой науке, а затем, формулируют общие доктринальные представления о сущности правовых ограничений правового статуса, формируют научные представления об их разновидностях и практических подходах законодателя в этом направлении. В исследовании авторы исходят из того, что состав (множество) субъектов права не совпадает с количеством носителей правового статуса, что приводит к выводу о том, что правосубъектность (лица, органа) может иметь место, но правовой статус (а также его ограничения) при этом отсутствовать.

Авторы исследования пришли к выводу, что правовые ограничения суть характеристика действующего (позитивного) права, подразумевающая осуществленное в результате юридической процедуры изъятие одного или нескольких правомочий, (а также юридических обязанностей) из общего, специального или индивидуального правового статуса субъекта права.

Ключевые слова: субъект права, правосубъектность, правовой статус, правовое положение, правовые ограничения

Для цитирования: Пикина Т. В., Пучков О. А. Ограничения правового статуса: теоретические подходы и объяснительные концепции // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 60–69.

© Т. В. Пикина, О. А. Пучков

Research article

LIMITATIONS OF LEGAL STATUS: THEORETICAL APPROACHES AND EXPLANATORY CONCEPTS

Tatyana V. Pikina[1], Oleg A. Puchkov[2]

[1]Ural State Law University V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia;
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia
t.v.pikina@mail.ru

[2]Ural State Law University V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia
argun061@gmail.com

Abstract. The article contains a study of the actual theoretical problem of limiting the legal status. The authors proceed from the fact that this problem in real legal practice is solved by the legislator without the use of any system of rational, theoretically verified rules, norms and principles for the implementation of the restriction of legal status. Because of this, the development of theoretical foundations for the practice of applying restrictions on the legal status becomes an urgent theoretical task, for which the authors first consider the general concept of legal status, the existing approaches to this issue in theoretical and legal science, and then formulate general doctrinal ideas about the essence of legal restrictions legal status, form scientific ideas about their varieties and practical approaches of the legislator in this direction. In the study, the authors proceed from the fact that the composition (set) of subjects of law does not coincide with the number of holders of legal status, which leads to the conclusion that legal personality (of a person, body) can take place, but the legal status (as well as its limitations) this to be absent.

The authors of the study came to the conclusion that legal restrictions are a characteristic of the current (positive) law, implying the withdrawal of one or more powers (as well as legal obligations) from the general, special or individual legal status of the subject of law as a result of a legal procedure.

Keywords: subject of law, legal personality, legal status, legal status, legal restrictions

For citation: Pikina TV, Puchkov OA. Limitations of legal status: theoretical approaches and explanatory concepts. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):60-69. (In Russ.)

Введение

Важность проблемы теоретического осмысления ограничения правового статуса объясняется необходимостью заполнить существующие доктринальные пробелы в теории данного вопроса. Для современного правоведения (учитывая его ориентацию на познание права в его позитивных формах) наблюдается дефицит исследовательского материала относительно правового статуса и его ограничения, приходится признать известную логическую несогласованность и противоречивость подходов законодателя. Все отмеченное выше приводит к выводу о том, что проблематика ограничения правового статуса в отечественной правовой науке остается *неразработанной*.

На сегодняшний день теория права видит свою основную задачу в разработке частной теории правового статуса, оставляя при этом за рамками своего внимания более частные вопросы. С практической точки зрения ограничение правового статуса субъектов права осуществляется во всех отраслях права, однако при этом имеются известные расхождения в подходах к механизму его воплощения. Поэтому в рамках настоящей статьи цель исследования состоит в выяснении понимания правового статуса в трактовке общей теории права, а также разработке доктринальных подходов к проблеме ограничений правового статуса.

Понятие «правовой статус» оправданно считать одним из наиболее востребованных в современном позитивном праве и юридической теории. Вместе с тем, вопрос о сущности социально-правового феномена, обозначаемого данным термином, а также о содержании теоретического понятия, отражающего этот феномен в юридическом мышлении, по-прежнему остается дискуссионным. Отсюда, в теории государства и права наблюдается отсутствие единообразных представлений о носителе правового статуса, о возможности его разноплановых *изменений* (в том числе ограничения) и, кроме того, о соотношении правового статуса и правового положения,

правового состояния, правового режима и правосубъектности (право- и дееспособности).

Методы познания

Среди многочисленных путей (методов) теоретического познания правового статуса и его правовых ограничений авторы считают целесообразным применение метода теоретического знания как такой функциональной структуры, которая развертывается за счет формулировки совокупности общих понятий, принципов и гипотез, составляющих (в конечном счете) теоретическую основу юридической науки вообще, а также за счет метода абстракции объектов, объединяемых в соответствующую теоретическую схему становится возможной разработка подходов к концепции ограничений правового статуса.

Основная часть

О трактовке понятия «правовой статус» в теории права и законодательной практике. Выяснение происхождения языковой конструкции «правовой статус» дает основание для вывода, что еще в середине XX в. отечественное правоведение этого понятия не знало. Так, «Словарь русского языка» (издание 1953 г., сост. С. И. Ожегов) не содержит даже исходное понятие «статус», что дает нам основание полагать датой «рождения» этого термина в отечественной юриспруденции вторую половину XX столетия. Например, «Советский энциклопедический словарь» (издание 1979 г.) уже содержит следующее определение: «статус (от лат. *status* — положение, состояние), правовое положение (совокупность прав и обязанностей) гражданина или юридического лица» [1, с. 1279].

Специализированное издание — Юридическая энциклопедия (издание 2007 г., ред. М. Ю. Тихомиров) демонстрирует более детальный подход. В книге сформулирована общая дефиниция понятия «статус» (под которым понимается «правовое положение гражданина, юридического лица, государства, отдельной территории, характеризующееся совокупностью предусмотренных законодательством прав и обязанностей, а также льгот и преимуществ» [2, с. 818], а кроме этого раскрывается видовое понятие «правовой статус личности», под которым понимается, в частности, «комплекс социально-экономических, политических, культурных и др. гражданских прав и свобод, а также обязанностей граждан». Далее авторы разграничивают общий, специальный (родовой) и индивидуальный правовой статус.

Однако если в конце XX века понятие «правовой статус» в основном использовался как термин юридической доктрины, то с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. (с дополнениями 2020 г.), в тексте Основного закона этот термин используется в 10 случаях (ст. 64, 66, 70, 71, 83, 106, 137 Конституции РФ), что может рассматриваться как легальное признание законодателем важной инструментальной роли этого понятия в современной правовой мысли. Необходимо отметить, что отечественный законодатель подготовил почву для инкорпорации понятия в «правовую ткань» современной конституции. База эта выражалась в том, что в течение 1990-х — начале 2000-х годов активно принималось федеральное законодательство, в котором широко применялся термин «правовой статус» или термин «правовое положение», формулировались развернутые дефиниции. Это, в частности, такие федеральные законы, как «О статусе судей в Российской Федерации» (1992), «О статусе военнослужащих» (1998), «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (2002 г.), закон «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 22.12.2020) и др. Таким образом, можно заключить, что понятие «правовой статус» в своем развитии совершило «дрейф» от инструмента науки, инструмента познания, а только затем было включено в качестве законодательного понятия.

В чем же заключаются юридические особенности, признаки и черты правового статуса — феномена современной правовой системы, без которого немыслимо функционирование его основных компонентов? Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Начнем с анализа возможных носителей (субъектов) правового статуса. К таковым, в соответствии с научной доктриной и практикой законотворчества, относятся: 1) граждане, 2) лица без гражданства, 3) иностранцы [3, с. 71], 4) семья; 5) трудовой коллектив; 6) юридические лица, 7) субъекты современных федераций, 8) нации и народности, 9) государство в целом. В силу современных тенденций развития цифрового права и тенденций судебной практики, в науке дискутируется вопрос о признании субъектами права (а значит — носителями правового статуса) цифрового образа личности [4, с. 57–60], а также искусственного интеллекта. В литературе встречаются также мнения о признании носителем правового статуса эмбриона человека [5, с. 18].

Из приведенного перечня носителей правового статуса может быть несколько выводов, имеющих значение для последующего доктринального анализа ограничений правового статуса.

Во-первых, *состав (множество) субъектов права не совпадает с количеством носителей правового статуса*. Индивид может быть субъектом права, но может не быть обладателем того или иного правового статуса. И наоборот: обладатель того или иного правового статуса может не быть субъектом права, т. е. лицом, в соответствии со своей волей и сознанием наделенным правами и обязанностями.

Во-вторых, *правосубъектность (лица, органа) может иметь место, но правовой статус при этом отсутствовать*.

В-третьих, следует различать понятия *«правовой стандарт прав и обязанностей»* [6, с. 113] и *понятие «правовой статус физического или юридического лица»*. Если первый — это общепризнанный международным и национальным правом минимально допустимый и возможный набор (множество) правомочий и долженствований физического (юридического) лица, то правовой статус — это реальный, фактически принадлежащий субъекту права набор субъективных прав и юридических обязанностей.

Еще один важный момент характеристики правового статуса, понимание которого позволит нам в дальнейшем различать *ограничение* правового статуса от близкого, но не тождественного понятия — *правовой уязвимости отдельных лиц или групп*. В этом отношении важно понимать, что правовая уязвимость — это такие субъекты права, которые «в силу различных обстоятельств могут быть подвержены негативной дискриминации или права которых нуждаются в дополнительном поощрении» [7, с. 10]. Другими словами, уязвимый статус — это закрепленная в правовых актах характеристика социальных, экономических и пр. *рисков*, в которых находятся лица, индивиды, население в целом.

Ограничение же правового статуса — это характеристика действующего (позитивного) права, подразумевающая осуществленное в результате юридической процедуры изъятие одного или нескольких правомочий, (а также юридических обязанностей) из общего, специального или индивидуального правового статуса субъекта права.

Важным для характеристики правового статуса является мысль Н. И. Матузова о том, что «правовой статус — это комплексная категория, отражающая взаимоотношения личности и общества, гражданина и государства, индивида и коллектива. Поэтому важно, чтобы человек правильно представлял свое положение, свои права и обязанности» [8, с. 228].

Приведем определение правового статуса личности, которое, с нашей точки зрения, позволяет раскрыть специфику его возможных и действительных правовых ограничений.

Правовой статус личности — это установленная государством и закрепленная в нормативно-правовых и правоприменительных актах совокупность субъективных прав и юридических обязанностей личности, мера (границы) которых определяется установленными органами государства правовыми ограничениями или юридической ответственностью.

Впервые в юридической науке категория «правовой статус» получила предметную разработку в работе Г. Еллинека (*G. Jellinek*) «*System der subjektiven öffentlichen Rechte*» [9]. В интерпретации Еллинека, основанной на синтезе предшествующих ему философских представлений (центральное место в которых, помимо самого по себе учения о статусе, занимает учение о свободе), правовой статус есть инвариантный формам активности субъекта набор присущих ему прав и обязанностей. Ученый, при этом, выделял несколько видов правового статуса.

Так, *status subiectionis* определялся им как исходная предпосылка, отражающая саму возможность приобретения прав и обязанностей, и характеризующая правовой статус как *tabula rasa* (по аналогии с римским *homo sacer* — человеком «вне права» [9]).

Строго говоря, пишет Еллинек, *status subiectionis* нельзя считать правовым статусом в полном смысле, поскольку в соответствующем статусе субъект еще не имеет каких-либо прав и обязанностей, но, в то же время, имеет своего рода «право на права» [9, с. 80].

Другим видом правового статуса, в концепции Г. Еллинека, является *status negativus*, в основе которого лежит идея негативной свободы («свободы от»): этот статус отражает систему прав и обязанностей, адресуемых субъекту позитивным правом с целью защиты его субъективного права (к примеру, право подвластного субъекта публичного правоотношения на неисполнение незаконного административного акта и одновременно обязанность такового совершить предусмотренные законом процессуальные действия в контексте реализации данного права) [9, с. 89–108].

Третий вид правового статуса — *status positivus* — предполагает наличие у субъекта — гражданина или подданного — системы обеспеченных государством гражданских прав и обязанностей, а также юридических

гарантий; эта разновидность правового статуса базируется на идее позитивной свободы (свободы действия по своему усмотрению) и вбирает в себя систему прав и обязанностей субъекта частного права [9, с. 109–129].

Последний вид правового статуса, выделяемый Еллинеком (st*atus activus*), отражает права и обязанности, имеющие публично-правовую (политико-правовую) природу и придаваемые субъекту как участнику отношений властеотношений [9, с. 129].

Предложенная Г. Еллинеком концепция правового статуса получила широкое распространение в западноевропейской юридической доктрине: по замечанию современного автора Г. Киршхофа (*G. Kirchhof*), учение Еллинека о правовом статусе фактически стало парадигмальным для правоведения [11, с. 32]. Впоследствии данная концепция получила развитие в теоретико-правовых исследованиях. Например, в 1971 г. П. Хеберле (*P. Häberle*) дополняет учение Еллинека категорией *status activus processualis*, понимая под ним правовой статус субъекта, приобретаемый им в качестве участника процессуально-процедурных правоотношений [12, с. 43]. Позднее В. Брюггер (*W. Brugger*) осуществляет ревизию теории Г. Еллинека, избирая в качестве методологического основания модели взаимоотношений между государством и гражданином (*Staat-Bürger-Verhältnis*); В. Брюггер вводит дополнительные универсализации правового статуса (помимо предложенных Еллинеком), такие как *status culturalis*, отражающий систему общих прав и обязанностей субъекта в сфере культуры, *status Europaeus* (права и обязанности субъекта, возникающие в контексте его правовой связи с европейскими сообществами) и *status universalis* (права и обязанности субъекта как дестинатора в международном праве) [13, с. 238–239].

Таким образом, европейский подход к пониманию правового статуса имеет как сходства, так и различия с отечественным. Схожим элементом в обеих доктринах выступает исходное понимание правового статуса как взаимосвязанной системы прав и обязанностей субъекта. В свою очередь, основаниями различения данных подходов выступают следующие:

— в *отечественной модели* основанием дифференциации правового статуса выступает системно-структурная дифференциация уровней правового регулирования, на основании которой выделяются, соответственно, общий (конституционный), родовой (статус субъекта отраслевого правоотношения) и индивидуальный (статус субъекта *конкретного* правоотношения); в *европейской модели* таким основанием выступает идея о видах свободы (у Еллинека) и о типах правовых связей между гражданином и государством (у современных ученых);

— в отечественной модели учение об элементном составе правового статуса развивается в русле двух подходов («широкого» и «узкого»); в европейской модели соответствующие представления организованы сообразно «узкому» подходу;

— в *отечественной модели* понятийно-терминологические основания теории правового статуса являются неопределенными (в контексте соотношения правового статуса и, к примеру, правового положения, правового состояния), в *европейской модели* — устоявшимися.

Основываясь на анализе приведенных представлений, уместно сформулировать следующее определение правового статуса. *Под правовым статусом следует понимать организованную в соответствии с уровнями правового регулирования систему субъективных прав и юридических обязанностей, обусловливающих формы правовой деятельности субъекта и устанавливающих границы его допустимого социально-правового поведения*.

Ограничение правового статуса: исходные положения. В теории права ограничение правового статуса принято рассматривать как частный случай правового ограничения [14, с. 18]; последнее, при этом, обычно рассматривается как правовой фактор (обязывание, запрет), направленный на превенцию противоправного поведения, а также как сужение объема прав субъекта [15, с. 234]. При этом основная функция правового ограничения, выделяемая в литературе, заключается в воспрепятствовании реализации интереса одного субъекта и в релевантном ему создании возможности такой реализации для другого субъекта [16, с. 240].

Рассматривая феномен ограничения правового статуса в предложенной логике, можно прийти к выводу, что таковое имеет своим основанием имевшее место ранее, наличное или потенциальное правотивоправное (либо противное охраняемым законом интересам другого лица) поведение субъекта. В частности, именно такой подход прослеживается в исследованиях, посвященных ограничению правового статуса осужденных к лишению свободы [17, с. 75], дисквалифицированных лиц [18, с. 109] и т. п.

Изложенный выше подход является неоправданно узким, в том смысле, что связывает ограничение правового статуса лишь

с фактом совершения (либо с риском совершения) противоправного деяния. В то же время представляется, что ограничение правового статуса возможно и по другому основанию (например, для сохранения правового *status quo* для целей реализации функций правового регулирования в конкретной сфере общественных отношений).

В качестве примера обратимся к институту арбитражного управления в конкурсном праве России. Известно, что в конкурсном праве одной из ключевых фигур выступает арбитражный (финансовый, конкурсный и т. д.) управляющий, задача которого состоит в надлежащей реализации процедур несостоятельности и обеспечении баланса интересов должника, конкурсных кредиторов и общества в целом. При этом, своеобразие правового статуса арбитражного управляющего заключается в том, что он может одновременно выступать в качестве самостоятельного субъекта (индивидуального предпринимателя, выполняющего функции арбитражного управления с целью извлечения прибыли), лица, реализующего публично-правовые полномочия (надзорные и управленческие) в отношении должника, а также (в процедурах внешнего управления и конкурсного производства) единоличного исполнительного органа юридического лица, формирующим или восполняющим его правосубъектность [19, с. 10]. Наибольший интерес здесь представляет именно последний аспект, характеризующий правовой статус арбитражного управляющего, поскольку в этом контексте актуализируется вопрос о границах его правового статуса в качестве управляющего в деле о банкротстве, с одной стороны, и в качестве руководителя несостоятельной организации, с другой.

На этот счет отечественной юриспруденцией (как современной, так и дореволюционной) выработано множество концепций правового статуса арбитражного управляющего, действующего в качестве руководителя организации-должника, в частности:

— теория представительства, согласно которой, становясь руководителем несостоятельной организации, арбитражный управляющий не приобретает релевантный правовой статус, но действует лишь как ее представитель [20, с. 37; 24];

— трудовая теория, в соответствии с которой в этом случае арбитражный управляющий приобретает статус работника организации [21, с. 27];

— публичная теория, исходящая из того, что в силу публичного характера арбитражного управления, арбитражного управляющего, приобретшего статус руководителя банкрота, следует считать публичным должностным лицом, а его правовой статус — неизменным [22; 25].

Вместе с тем, законодательство о несостоятельности (в частности, статья 99 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[1]) позволяет судить о том, что, даже приобретая статус единоличного исполнительного органа организации-должника, арбитражный управляющий не становится фигурой, «замещающей» должника в конкурсном процессе, и сохраняет присущие ему права и обязанности; руководство несостоятельным должником выступает, в этом смысле, лишь правовым инструментом, необходимым для реализации функций арбитражного управления, что позволяет судить о том, что, даже становясь руководителем организации-банкрота, арбитражный управляющий не приобретает релевантный правовой статус в смысле п. 1 ст. 53 Гражданского кодекса РФ[2] (далее — ГК РФ). В этом смысле, оправданно считать, что арбитражный управляющий приобретает только *функцию руководства несостоятельной организацией*, но не становится всецело ее единоличным исполнительным органом (хотя бы потому, что в этом случае имело бы место совпадение должника и управляющего — как качественно разных фигур как в материально-правовом, так и в процессуальном смыслах — в одном лице).

Возможно ли описать данную ситуацию как ограничение правового статуса арбитражного управляющего? По нашему мнению, оснований считать иначе нет, поскольку всякое ограничение есть *определение границ*, применительно к праву — границ возможного поведения, и в приведенном случае таковое, несомненно, присутствует. Между тем, такое ограничение не имеет своим основанием риск или наличие какого-либо противоправного поведения: таковым являются исключительно цели нормального функционирования арбитражного управления. Иначе говоря, оправданно утверждать, что ограничение правового статуса не всегда означает уменьшение объема прав и обязанностей; в ряде случаев (в том числе и в приведенном) таковое, напротив,

[1] О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.06.2022).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 16.06.2022).

предполагает его увеличение, но в такой мере, которая не позволит исходному правового статусу «трансформироваться» в иной. В свете сказанного важно отметить, что права и обязанности, будучи структурными элементами правового статуса, образуют таковой лишь тогда, когда их объем и содержание носят *комплексный характер*. В иных случаях, когда правовой статус субъекта дополняется *частью* прав и обязанностей, присущих правовому статусу другого субъекта, допустимо говорить лишь об *ограничении правового статуса*, выражающемся в частичном увеличении объема права и обязанностей субъекта.

Таким образом, можно сделать вывод, что ограничение правового статуса оправданно понимать как *всякое определение юридических «границ» поведения субъекта*. В этом смысле, подобное определение, предполагающее уменьшение объема прав и обязанностей субъекта, допустимо обозначить как *«позитивное ограничение правового статуса».*

В качестве примера обратимся к арбитражному делу № А32-2554/2016. Согласно материалам дела, арбитражным управляющим были несвоевременно опубликованы в Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц (далее — ЕФРСФДЮЛ) сведения о введении в отношении должника процедуры наблюдения, подлежащие обязательному опубликованию в соответствии с п. «н» ч. 7 ст. 7.1 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»[1]. На данном основании территориальным управлением Росреестра был составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном частью 3 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[2], а впоследствии — предъявлено в арбитражный суд заявление о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности. Решением арбитражного суда первой инстанции[3], оставленном без изменения Пятнадцатым арбитражным апелляционным судом[4] и Арбитражным судом Северо-Кавказского округа[5], заявление было удовлетворено.

Впоследствии, обжалуя состоявшиеся по делу судебные акты в Верховный Суд, арбитражный управляющий выдвинул довод о том, что его деяние подлежит переквалификации с ч. 3 ст. 14.13 (неправомерные действия при банкротстве) на ч. 7 ст. 14.25 КоАП РФ (непредставление или представление недостоверных сведений о юридическом лице или об индивидуальном предпринимателе в ЕФРСФДЮЛ). Однако Верховный Суд не поддержал соответствующую позицию, отметив, что арбитражный управляющий в деле о банкротстве имеет особый публично-правовой статус, который, помимо прочего, предполагает наличие обязанности нести неблагоприятные последствия своего неправомерного поведения. В этом смысле Верховный Суд отметил, что нормы ч. 7 ст. 14.25 и ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ соотносятся между собой как общая и специальная соответственно. Верховный суд счел, что переквалификация содеянного означала бы возможность заявителя избежать ответственности, являющейся (в форме релевантной обязанности) неотъемлемым элементом его специального правового статуса. На данном основании, отмечая специфику правового статуса арбитражного управляющего, Верховный Суд пришел к выводу, что данный участник дела о банкротстве несёт административную ответственность *только* по ч. 3 и 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ[6]. Впоследствии к правовой позиции, сформулированной Верховным Судом в данном деле, неоднократно обращались нижестоящие арбитражные суды[7]. Изложенное позволяет судить о том, что в рассматриваемом деле также имело место ограничение

---

[1] О государственной регистрации недвижимости ; Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[3] Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 16 марта 2016 г. по делу № А32-2554/2016 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.06.2022).

[4] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 апреля 2016 г. № 15АП-5655/2016 по делу № А32-2554/2016 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.06.2022).

[5] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 6 июля 2016 г. № Ф08-4352/2016 по делу № А32-2554/2016 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.06.2022).

[6] Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2016 г. № 308-АД16-13393 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.06.2022).

[7] См., например: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25 апреля 2017 г. № Ф03-1215/17 по делу № А04-3520/2016 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.06.2022) ; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16 декабря 2020 г. № Ф08-9882/2020 по делу № А32-16838/2020 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.06.2022).

правового статуса, но существо такого ограничения состояло не в уменьшении или увеличении объема прав и обязанностей субъекта, а в сохранении его в очерченных законом «границах».

Наши научные положения о позитивных правовых ограничениях находят себе доктринальную опору в теории позитивной юридической ответственности. Сторонники этой научной концепции (например, П. Е. Недбайло, С. Н. Кожевников, Т. Н. Радько и др.) полагают, что пора отказаться от монизма в понимании видов юридической ответственности, при которой существует только один вид ответственности в праве — ретроспективная юридическая ответственность, понимаемое как явление, наступающее за действия (бездействия), совершенные в прошлом. В частности, согласно позиции Т. Н. Радько, позитивная юридическая ответственность — это «необходимость совершать определенные действия, а не только кара; возможность действовать в определенном направлении; активна позитивная обязанность; долг, вытекающий из правового предписания и т. п.» [23]. Автор справедливо полагает, что позитивная юридическая ответственность, наряду с позитивным ограничением права составляют важные элементы правового статуса личности, должностного лица, иных субъектов права. Действительно, при установлении правового статуса названных субъектов законодатель *предвидит* кто должен нести ответственность за действия определенных юридически значимых действий и *устанавливает* соответствующие этому правовые ограничения позитивного характера. Так, в п. 3 ст. 3 федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» установлено, что «судья не вправе… публично выражать свое отношение к политическим партиям и иным общественным объединениям[1]. Как можно убедиться, это положение устанавливает ограничения на предстоящую деятельность судьи, что соответствует нашему утверждению о позитивных правовых ограничениях.

Наконец, третьим видом ограничений правового статуса, на наш взгляд, являются «*негативные ограничения*», представляющие собой уменьшение объема прав и обязанностей субъекта и обусловленные его имевшим место ранее, наличным или потенциальным противоправным поведением. Примером здесь могут служить запрет лицам, имеющих непогашенную или неснятую судимость, занимать определенные должности, ограничения административно- и уголовно-процессуального характера, обусловленные текущим неправомерным поведением и т. п.

Выводы

Сформулируем основные выводы.

1. Ограничение правового статуса в качестве теоретического понятия не следует рассматривать в качестве видового по отношению к общему понятию о правовых ограничениях. С учетом изложенного, полагаем возможным определить ограничение правового статуса как *целенаправленный комплекс правовых средств, направленных на установление (определение) объема прав и обязанностей субъекта*. В их числе — *позитивные ограничения* (связанные с увеличением объема прав и обязанностей), инвариантные ограничения (направленные на сохранение юридического status quo субъекта) и негативные ограничения (представляющие собой уменьшение объема прав и обязанностей субъекта, либо лишение (постоянное или временное) возможности реализации субъективного права).

2. Несмотря на активное использование терминов «правовой статус» и «ограничение правового статуса», теория государства и права на данный момент не выработала единообразного подхода к определению *теоретических понятий*, обозначаемых данными терминами, а равно — к выявлению социально-правовой сущности релевантных феноменов. Анализируя исследования правового статуса в советской и современной юриспруденции, допустимо сделать вывод, что научно-метафорический характер данного термина, введенного И. А. Ильиным, не был учтен юристами при разработке соответствующего понятия; вследствие этого основные акценты современных юридических исследований находятся в области объема данного понятия, но не его содержания.

3. Опыт юридической компаративистики показал, что отечественное понимание правового статуса (в его сравнении с европейским подходом) обнаруживает как сходства, так и различия. Схожим элементом в обеих доктринах выступает исходное понимание правового статуса как взаимосвязанной системы прав и обязанностей субъекта. В свою очередь, основаниями различения данных подходов выступают следующие:

— в *отечественной модели* основанием дифференциации правового статуса выступает системно-структурная дифференциация

[1] О статусе судей в Российской Федерации : Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 05.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.06.2022).

уровней правового регулирования, на основании которой выделяются, соответственно, общий (конституционный), родовой (статус субъекта отраслевого правоотношения) и индивидуальный (статус субъекта *конкретного* правоотношения); в *европейской модели* таким основанием выступает идея о видах свободы (у Еллинека) и о типах правовых связей между гражданином и государством (у современных ученых);

— в отечественной модели учение об элементном составе правового статуса развивается в русле двух подходов («широкого» и «узкого»); в европейской модели соответствующие представления организованы сообразно «узкому» подходу;

— в *отечественной модели* понятийно-терминологические основания теории правового статуса являются неопределенными (в контексте соотношения правового статуса и, к примеру, правового положения, правового состояния), в *европейской модели* — устоявшимися.

4. На основании критического анализа представлений о правовом статусе, выработанных теоретической наукой о государстве и праве, сформулировано понятие ограничений правового статуса как организованной в соответствии с уровнями правового регулирования системы субъективных прав и юридических обязанностей, обусловливающих формы правовой деятельности субъекта и устанавливающих *границы его допустимого* социально-правового поведения.

5. Теоретические представления об ограничении правового статуса организованы, главным образом, на идее о том, что оно выступает частным случаем правового ограничения и связывается лишь с фактом совершения (либо с риском совершения) противоправного деяния. Правовые ограничения при этом рассматриваются исключительно как меры негативного характера, представляющие собой либо непосредственное «аннулирование» прав и обязанностей, либо запрет на реализацию субъективного права. Критика такого подхода по философско-методологическим основаниям позволила сформулировать следующее определение ограничения правового статуса: это целенаправленный комплекс правовых средств, направленных на установление (определение) объема прав и обязанностей субъекта.

6. Правовые средства, образующие структуру ограничения правового статуса, подразделяются на позитивные ограничения (связанные с увеличением объема прав и обязанностей и позитивной юридической ответственностью), инвариантные ограничения (направленные на сохранение юридического status quo субъекта) и негативные ограничения (представляющие собой уменьшение объема прав и обязанностей субъекта, либо лишение (постоянное или временное) возможности реализации субъективного права).

Список источников

1. Советский энциклопедический словарь. Москва : Сов. энциклопедия. 1979. 1600 с.
2. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва, 2007. 972 с.
3. Васильева Т. А. Эволюция конституционно-правового статуса иностранцев в странах западной демократии // Государство и право. 2009. № 3. С. 63–71.
4. Пучков В. О. Цивилистическая доктрина цифровой эпохи : методологические, теоретические и прикладные проблемы. Москва : Проспект, 2020. 272 с.
5. Крылатова И. Ю. Право ребенка на жизнь как элемент основ конституционного строя // Российское право. Образование, практика, наука. 2017. № 4. С. 13–21.
6. Голубок С. А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту // Правоведение. 2007. № 1. С. 112–124.
7. Несмеянова С. Э., Калинина Е. Г. Концепция уязвимости отдельных групп лиц: международный и национальный опыт // Российское право. Образование, практика, наука. 2017. № 4. С. 7–12.
8. Матузов Н. И. Право и личность. Общая теория права : курс лекций / под ред. В. К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. 544 с.
9. Ellinek G. System der subjektiven öffentlichen Rechte. Freiburg im Breisgau, 1892.
10. Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Antisemitismus, Imperialismus, totale Herrschaft. München, 2001.
11. Kirchhof G. Der rechtliche Schutz vor Feinstaub — subjektive öffentliche Rechte zu Lasten Vierter? Der Wechsel vom Emissions- zum Immissionsprinzip im Luftqualitätsrecht und die Folgen für das subjektive öffentliche Recht und die Verhältnismäßigkeitsprüfung // Archiv des öffentlichen Rechts. 2010. Vol. 135. No. 1. P. 32.
12. Häberle P. Grundrechte im Leistungsstaat // Vereinigung der Deutschen Staatsrechtslehrer. 1972. Bd. 30. P. 43 ff.

13. Brugger W. Zum Verhältnis von Menschenbild und Menschenrechten // «Vom Rechte, das mit uns geboren ist»: Aktuelle Probleme des Naturrechts. Freiburg im Breisgau, 2007. P. 238–239.

14. Умарова А. А. Институт правовых ограничений: общетеоретическое исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Грозный, 2018.

15. Маковецкая М. Г. Понятие правовых ограничений прав и свобод человека // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С 233–237.

16. Малько А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 238–248.

17. Бочкарев В. В. Уголовно-исполнительные средства реализации частно-предупредительной функции наказания в виде лишения свободы : дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2017.

18. Ефимов А. В. Признаки, основания и гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2018.

19. Тай Ю. В. Правовые проблемы арбитражного управления : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2005.

20. Гессен Я. М. Устав торговый с разъяснениями. Санкт-Петербург, 1910.

21. Скаредов Г. И. Правовая сущность арбитражных управляющих // Предпринимательское право. 2007. № 4. С. 27–31.

22. Богданов Е. В. Правовое положение арбитражного (судебного) управляющего // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 8. С. 74–80.

23. Радько Т. Н. Основные подходы к понятию юридической ответственности в современной юридической науке // Проблемы юридической ответственности. Москва : МИЭП, 2006. С. 7–14.

24. Говоруха М. А., Егоров А. В., Телюкина М. В. Полномочия конкурсного управляющего и теоретические проблемы определения его статуса // Юридический мир. 1999. № 1-2. С. 32–38.

25. Гальперин С. И. Права и обязанности присяжного попечителя по делу о торговой несостоятельности. Екатеринославль, 1898.

ВКЛАД АВТОРОВ
Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS
Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ
Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 23.08.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 07.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 351/354+342.98
С. 70–76

УЧЕТ СЛУЖЕБНОГО ВРЕМЕНИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Андрей Павлович Зыков
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия
Zykov65@yndex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8504-8692

Аннотация. Автором проведен комплексный анализ норм трудового, административного и служебного права в части учета служебного времени и времени отдыха сотрудников органов внутренних дел и возникающие проблемы при их применении. Дана классификация видов служебного времени в зависимости от продолжительности: нормальное, сокращенное и неполное. В служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел выделяют несколько правовых режимов: служебного времени, служебной недели, выходных дней, служебного дня. По мнению автора, организация работы по учету в органах внутренних дел служебного времени и времени отдыха складывается из трех этапов: предварительного, основного и заключительного, каждый их которых осуществляется уполномоченными сотрудниками. Автором выделены основные гарантии сотрудников органов внутренних дел при привлечении к службе сверх установленной нормальной продолжительности служебного времени, а также в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни.

В заключении исследования сделаны предложения по совершенствованию служебного законодательства по приведению в соответствие с трудовым законодательством и более детальной регламентации порядка привлечения сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных обязанностей сверх установленной для них нормальной продолжительности служебного времени и учету такого времени в целях недопущения нарушения их прав в части предоставления соответствующей компенсации.

Ключевые слова: время отдыха, ненормированный рабочий день, рабочее время, табель учета рабочего времени, учет рабочего времени

Для цитирования: Зыков А. П. Учет служебного времени в органах внутренних дел Российской Федерации: проблемы правоприменительной практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 70–76.

Research article

TRAINING TIME IN THE INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Andrey P. Zykov
Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Russian Ministry of Internal Affairs, Tyumen, Russia
Zykov65@yndex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8504-8692

Abstract. The author carried out a comprehensive analysis of the norms of labor, administrative and service law in terms of accounting for service time and rest time of employees of the internal affairs bodies and the problems that arise in their application. The classification of types of service

© А. П. Зыков

time depending on the duration is given: normal, reduced and incomplete. In the official activities of employees of the internal affairs bodies, several legal regimes are distinguished: working time, working week, days off, working day. According to the author, the organization of work on accounting in the internal affairs bodies of working time and rest time consists of three stages: preliminary, main and final, each of which is carried out by authorized employees. The author singled out the main guarantees for employees of the internal affairs bodies when they are called to service in excess of the established normal length of service time, as well as at night, on weekends and non-working holidays.

In conclusion of the study, proposals were made to improve service legislation to bring it into line with labor legislation and more detailed regulation of the procedure for attracting employees of internal affairs bodies to perform official duties in excess of the normal length of service time established for them and accounting for such time in order to prevent violation of their rights in part providing appropriate compensation.

Keywords: rest time, irregular working day, working time, time sheet, accounting of working time

For citation: Zykov AP. Training time in the internal affairs of the Russian Federation: problems of law enforcement. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):70-76. (In Russ.)

Введение

Актуальность исследования вопросов, связанных с обеспечением и соблюдением прав сотрудников органов внутренних дел как в части учета служебного времени, как и в целом социально-правовой защищенности сотрудников предопределена достаточно высокой степенью компенсационной гарантии государства за особые условия службы, запреты и ограничения, связанные с ее прохождением.

Определение порядка прохождения службы в органах внутренних дел (далее — ОВД), в том числе организации и учета служебного времени и времени отдыха сотрудников ОВД является одним из приоритетных направлений кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России). В связи с этим пристальное внимание уделяется соблюдению закона, прав участников служебно-трудовых отношений в ОВД, в том числе — в части организации, учета служебного времени и времени отдыха сотрудников ОВД.

Основные обязанности сотрудника полиции, носителем которых выступает любой сотрудник, независимо от занимаемой должности, изложены в ч. 2 ст. 27 Федерального закона от 7 февраля 2011 № 3-ФЗ «О полиции»[1] (далее — Закон о полиции) и вытекают из социального назначения полиции. Законодатель подразделяя обязанности сотрудника полиции на основные и специальных исходит из того что первые возлагаются независимо от замещаемой должности, места нахождения и времени суток, что предполагает готовность сотрудника не считаться с личным временем и своими личными интересами.

Деятельность каждого сотрудника ОВД, независимо от ее специфики, обусловленной выполняемыми функциями, связана исполнением служебных обязательств в течение определённого промежутка времени. При прохождении службы каждый сотрудник получает денежное довольствие. Что определяет значение исследования феномена служебного времени.

Сегодня факты нарушений учета служебного времени сотрудников выявляются в ходе ревизий хозяйственно-финансовой деятельности территориальных органов МВД России практически повсеместно [1, с. 43]. Отмечают факты нарушения своих прав в этой части и непосредственно сами сотрудники ОВД при проведении социологических опросов [2, с. 25].

Необходимость изучения ряда теоретических и правоприменительных вопросов учета служебного времени, а именно его нормативно-правового регулирования и разрешения имеющихся правовых коллизий действующего трудового и служебного законодательства, а также проблемы соотношения служебного времени сотрудников ОВД и правил внутреннего служебного распорядка диктуется, прежде всего, правоприменительной практикой, которая нуждается в толковании правовых норм, регламентирующих указанные вопросы. Теоретические исследования данных проблем дают возможность своевременно выявлять проблемные вопросы и разрабатывать предложения и рекомендации с целью их разрешения.

В то же время, если в целом теоретические основы государственной службы в органах внутренних дел исследовались многими

[1] О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

авторами (Ю. Е. Аврутин, В. Н. Бойко, В. Я. Кикоть, В. П. Сальников, П. П. Сергун, Ю. П. Соловей, В. Д. Сорокин и др.), то вопросы учета служебного времени и времени отдыха сотрудников ОВД практически не выступали темой самостоятельного исследования. В отдельных трудах авторы рассматривали понятие служебное время сотрудников ОВД, его режимы и виды (Р. Х. Галиуллина, Р. Ф. Хакимуллина, Н. Ю. Комлев, Р. Н. Кузнецов, Л. А. Поползухина).

Описание исследования

Право гражданина на отдых установлено в Конституции Российской Федерации[1] и Декларацией прав и свобод человека и гражданина[2]. В частности, работнику гарантируется определенная продолжительность рабочего времени, отдых в выходные и праздничные дни, а также в рамках ежегодного оплачиваемого отпуска (ч. 5 ст. 37 Конституции РФ).

Регулирование службы сотрудников системы МВД России согласно Закону о полиции осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, регламентирующим вопросы прохождения службы в органах внутренних дел, с учетом Закона о полиции (ч. 1 ст. 34). Причем действие трудового законодательства Российской Федерации распространяется на сотрудников полиции в части, не урегулированной законодательством Российской Федерации, регламентирующим вопросы прохождения службы в органах внутренних дел, и Законом о полиции (ч. 2 ст. 34).

Служба в ОВД — федеральная государственная служба, представляющая собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в ОВД, а также на должностях, не являющихся должностями в ОВД, в случаях и на условиях, которые предусмотрены Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и снесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3] (далее — Закон о службе в ОВД), другими федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации.

Порядок прохождения службы в ОВД конкретизируются подзаконными нормативными актами, принятыми в целях реализации Закона о службе в ОВД.

В частности, приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации»[4] (далее — Приказ МВД России № 50, Порядок прохождения службы) раскрываются особенности учета служебного времени и времени отдыха сотрудников.

Нормативное правовое регулирование вопросов прохождения службы в органах внутренних дел в период начального этапа реформирования МВД России, создало определенную законодательную базу, которая позволила повысить уровень социальной защищенности сотрудников ОВД.

Так, служебное время и время отдыха сотрудника органов внутренних дел регламентируется главой 8 Закона о службе в ОВД.

Служебным считается время, в течение которого сотрудник ОВД в соответствии с правилами внутреннего служебного распорядка соответствующего территориального органа внутренних дел (подразделения), должностным регламентом (должностной инструкцией) и условиями контракта должен выполнять свои служебные обязанности (ст. 53 Закона о службе в ОВД). Иные периоды времени, которые в соответствии с федеральными законами и нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел относятся к служебному времени.

Понятие служебного времени, определяемое указанной статьей, представляется в качестве временного периода, в течение которого каждый сотрудник ОВД должен исполнять свои непосредственные обязанности. При этом обязанности сотрудника, в отличие от порядка, установленного трудовым законодательством, закрепляются не в трудовом

---

[1] Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. № 1-ФКЗ (ред. от 14 марта 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек. ; Собрание законодательства РФ. 2020. № 11 Ст. 1416.

[2] Декларация прав и свобод человека и гражданина : принята Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1861.

[3] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011.№ 49 (ч.1) Ст. 7020. (далее — Закон о службе в ОВД)

[4] Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201803230012 (дата обращения: 05.08.2022).

договоре, а в контракте, составление которого, в свою очередь, осуществляется на основании законодательства.

Период служебного времени определяется продолжительностью исполнения служебной деятельности. Законом о службе в ОВД предусмотрены следующие виды продолжительности служебного времени: нормальная, сокращенная и неполная [3, с. 30–31].

Режим служебного (рабочего) времени сотрудника органов внутренних дел должен быть предусмотрен правилами внутреннего служебного распорядка с ответствующего территориального ОВД, которые установлены Порядком прохождения службы (глава XIII).

В случае возникновения необходимости, Порядком прохождения службы предусмотрена возможность привлечения сотрудника ОВД к выполнению служебных обязанностей сверх установленной нормальной продолжительности служебного времени, а также в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни. Исключением является служебное время сотрудников ОВД, осуществляющих деятельность во вредных условиях. Продолжительность служебного времени составляет 36 часов, в некоторых случаях 30 часов в неделю (Приказ МВД России № 50, Приложение № 45). Должности сотрудников, которые осуществляют свою деятельность при таких условиях, указаны в специализированном перечне, утвержденном вышеуказанным приказом МВД России.

Служебное время включает и ненормированный служебный период времени. Как Трудовой кодекс РФ, так и Закон о службе в ОВД, предусматривают два способа привлечения сотрудников к выполнению обязанностей вне рабочего дня — ненормированный рабочий (служебный) день и сверхурочное рабочее (служебное) время [4, с. 77].

Вопрос продолжительности периода служебного времени включает и продолжительность служебной недели. По общему правилу для сотрудников ОВД предусмотрена пятидневная служебная неделя. Исключение в виде шестидневной служебной недели предусмотрено для обучающихся в образовательных организациях системы МВД России. По отношению к отдаленным районам может предусматриваться иная служебная неделя.

При этом общее количество рабочего времени остается одинаковым, что затрудняет учет служебного времени при ненормированном служебном дне, поскольку в частности привлечение в субботу за рамками режима служебного времени при шестидневной рабочей неделе следует считать сверхурочной работой или привлечение при ненормированном рабочем дне.

Трудовой кодекс РФ определяет ненормированный рабочий день как «режим, при котором работники могут привлекаться к выполнению своих трудовых функций при необходимости, эпизодически, за пределами установленной для них продолжительности рабочего времени» (ст. 101 ТК РФ). Положения о ненормированном служебном дне в Законе о службе в ОВД не отличаются от общих положений установленных Федеральным законом от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[1], что обусловлено, в том числе, и наличием специального дополнительного отпуска за ненормированный служебный день[2].

Порядок прохождения службы дублирует положения трудового законодательства и определяет, что компенсация не предоставляется, если сотрудники привлекаются к выполнению поставленных задач сверх установленной нормальной продолжительности служебного времени в условиях ненормированного служебного времени. В то же время следует учитывать, что в настоящее время нагрузка отдельных сотрудников ОВД существенно возросла в связи с проведенной реформой МВД России, в рамках которой была сокращена численность личного состава ОВД, а также имеющегося некомплекта штатной численности, прежде всего, строевых подразделений, участвующих в охране общественного порядка (ППС, ДПС, УУП)[3]. К концу учетного года возникает ситуация, когда выполненный объем времени сверх установленной

---

[1] О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

[2] О дополнительном отпуске за ненормированный служебный день сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации : Приказ МВД России от 14 декабря 2016 г. № 842 [утратил силу] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201701110009 (дата обращения: 05.08.2022).

[3] Министр внутренних дел В. В. Колокольцев отметил, что «поставленные перед нами задачи решались в условиях возросших нагрузок, связанных в том числе со значительным некомплектом: сегодня он составляет порядка 70 тысяч человек» (Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации // Официальный сайт МВД РФ. URL: https://мвд.рф/news/item/23305248/ (дата обращения: 05.08.2022).

продолжительности значительно превышает количество дней, предусмотренных в качестве компенсации.

При этом как справедливо указывают Р. Х. Галиуллина и Р. Ф. Хакимуллина такое привлечение должно быть эпизодически, а не систематически, иначе такое привлечение следует признавать сверхурочной работой [5, с. 15]. Как справедливо отмечают Р. Н. Кузнецов, Л. А. Поползухина, нельзя мотивировать постоянную переработку сотрудников ОВД режимом ненормированного служебного дня [6, с. 49]. Такое привлечение обоснованно рассматривается злоупотреблением со стороны руководителей [7, с. 18].

По роду своей деятельности многие сотрудники могут направляться в служебные командировки. Командировка предусматривает продолжительность служебного времени и выплаты, которые предоставляются на основании отчетности перед вышестоящим руководством.

Если сотрудник ОВД является родителем или опекуном инвалида, то на основании законодательства такому сотруднику предоставляются дополнительные выходные дни, которые составляют 4 дня в месяц. Выходные дни может использовать один из родителей либо разделять их между собой (ч. 12 ст. 53 Закона о службе в ОВД).

Таким образом, на основании законодательства и подзаконных нормативных правовых актов выделяются несколько правовых режимов: служебного времени, служебной недели, выходных дней, служебного дня, которые в свою очередь определяют в целом режим служебной деятельности сотрудников ОВД.

Правила внутреннего служебного распорядка должны учитывать особенности деятельности территориальных ОВД при графике сменности для определённой категории сотрудников. В случае если сотрудник ОВД осуществляет служебную деятельность на основании установленного графика, который утвержден приказом руководителя. На основании соответствующего приказа сотрудника можно привлечь на службу в дневное время и ночное время. При этом часовой режим не подвергается изменению. Если служебное время распределено по сменам, на основании графика, то выходные дни предоставляются на основании графика.

Следует предоставлять оплачиваемые дни отдыха для тех сотрудников, которые являются донорами крови. Донорами должны представляться подтверждающие документы о донорстве. Документы являются прямым основанием для предоставления дополнительных выходных дней.

Если сотрудником осуществляется служебная деятельность в предоставленный выходной день, то необходимо производить оплату в определенном денежном размере. Компенсация может быть согласована со стороны руководства и сотрудника или предоставляться на основании законодательства. На основании законодательства оплата предусматривается денежными средствами в двойном размере.

Выходные дни посредством календарного исчисления представлены в ст. 112 ТК РФ и признаны нерабочими днями. Запрет выхода на работу в выходные и праздничные дни предусмотрен ст. 113 ТК РФ.

К одной из основных гарантий сотрудников ОВД привлечения к службе в выходные дни следует отнести наличие требования письменного соглашения с их стороны и наступление особых случаев, которыми признаются следующие:

— предотвращение чрезвычайной ситуации (аварии, природные катаклизмы, катастрофы и иных ситуации, в которых может наступить существенный ущерб);

— предотвращение происшествий, связанных с несчастными случаями, уничтожением или порчей имущества;

— выполнение незапланированных работ, которые требуют немедленного исполнения и способствуют стабилизированной деятельности в последующем периоде времени [8, с. 112].

Для организации учета в органах внутренних дел служебного времени и времени отдыха определен учетный период, который составляет один календарный год с учетом Производственного календаря, утверждаемого на каждый год.

Одной из гарантий соблюдения режима службы и отдыха выступает табель учёта служебного времени, который составляется в целях учёта продолжительности выполнения сотрудниками ОВД служебных обязанностей сверх установленной нормальной продолжительности служебного времени, а также в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни. Такая продолжительность складывается из времени выполнения сотрудником служебных обязанностей сверх установленной нормальной продолжительности ежедневной службы либо нормальной продолжительности служебного времени за учетный период [9, с. 80].

Табели ведутся ежемесячно и открываются за 2–3 дня до начала учетного периода

на основании табелей за прошлый год. Дополнительные формы учета служебного времени могут быть предусмотрены решением соответствующего руководителя, имеющего право назначения сотрудников на должности, но в любом случае они являются дополнительными и не могут заменять ведение табелей.

Организация работы по учету в органах внутренних дел Российской Федерации служебного времени и времени отдыха складывается из следующих этапов:

1) предварительный — на данном этапе создаются правовые основы организации указанного учета: издается приказ руководителя (начальника) органа, организации, подразделения МВД России об определении сотрудников, ответственных за ведение табеля учёта служебного времени. По решению руководителя допускается установление дополнительных форм учёта продолжительности служебного времени;

2) основной — уполномоченными сотрудниками организуется непосредственный учет, который осуществляется прежде всего посредством ведения табеля учёта служебного времени;

3) заключительный — предоставление компенсации сотруднику, привлечённому к выполнению служебных обязанностей сверх установленной нормальной продолжительности служебного времени.

Заключение и выводы

Подводя итог проведенного исследования необходимо сделать следующие выводы и предложения:

При учете служебного времени сотрудникам, ответственным за ведение табеля учёта служебного времени необходимо:

1) учитывать, что ежегодно утверждается производственный календарь на 5-дневную и 6-дневную рабочую неделю, которым необходимо руководствоваться при ведении табеля;

2) четко разграничивать понятия ненормированный служебный день и выполнение сотрудниками служебных обязанностей сверх установленной нормальной продолжительности служебного времени. В первом случае привлекаются эпизодически по решению непосредственного руководителя, при этом такой режим службы не носит систематический характер. Во втором случае сотрудники привлекаются на основании правового акта соответствующего руководителя;

3) при определении длительности компенсации в рабочие дни за привлечение к службе сверх установленной нормальной продолжительности служебного времени, а также в ночное время следует исходить из пропорциональности такой продолжительности времени дополнительного отдыха, поскольку оно не может быть меньше продолжительности выполнения служебных обязанностей сверх установленной. Привлечение сотрудника во вне служебное время (выходной или нерабочий праздничный день) при любой продолжительности должна компенсироваться дополнительным днем (днями) отдыха. Если продолжительность службы в указанные дни будет сверх нормально установленного служебного времени, то компенсация должна исчисляться с учетом пропорционально затраченного времени. Так, например, если сотрудник привлекается свыше 8 часов нормальной продолжительности служебного дня, то пропорционально затраченному времени;

4) учитывать, что предоставление компенсации должно осуществляться в отчетный период, поскольку на следующий год не переносится.

В части совершенствования организации учета служебного времени в ОВД полагаем необходимым конкретизировать нормы Порядка в части:

— определения понятия «ненормированный служебный день»;

— алгоритмизации порядка привлечения сотрудников ОВД к выполнению служебных обязанностей сверх установленной для них нормальной продолжительности служебного времени;

— установления предела продолжительности ненормированного служебного дня;

— отграничения в его от привлечения сверх установленной продолжительности служебного времени;

— определения порядка предоставления дополнительных дней отдыха и/или дополнительного времени отдыха за привлечение к выполнению служебных обязанностей в выходные и праздничные дни, в том числе при привлечении сверх продолжительного служебного времени, установленного для службы в соответствии с утверждаемым регламентом.

Список источников

1. Ахметшин Р. А. Особенности учета служебного времени сотрудников органов внутренних дел при выполнении ими служебных обязанностей сверх установленной законодательством продолжительности

служебного времени, в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 5. С. 41–48.

2. Богадуров Р. Н., Афанесян К. К. Правовые средства защиты трудовых прав сотрудников полиции, при выполнения служебных обязанностей сверх установленной продолжительности еженедельного служебного времени // Актуальные проблемы экономики, социологии и права. 2018. № 3. С. 23–26.

3. Шелепова М. А., Подберезная Т. П. Проблемы учета служебного времени в органах внутренних дел // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 4 (27). С. 30–36.

4. Шелепова М. А. Соотношение понятий ненормированного служебного дня и выполнения обязанностей сверх установленной продолжительности служебного времени сотрудников органов внутренних дел // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2020. № 4 (53). С. 75–81.

5. Галиуллина Р. Х., Хакимуллина Р. Ф. Ненормированный режим служебного времени и сверхурочная работа в системе органов внутренних дел // Регулирование гражданско-правовых, финансовых и трудовых отношений : материалы межвузовского круглого стола. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2017. С. 13–18.

6. Кузнецов Р. Н., Поползухина Л. А. Актуальные вопросы правосубъектности должностных лиц органов внутренних дел при исполнении должностных обязанностей: на примере служебного (рабочего) времени // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 46–50.

7. Сувернева А. И. Особенности ненормированного рабочего дня // Отдел кадров коммерческой организации. 2017. № 1. С. 11–19.

8. Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ (постатейный). Москва : Деловой двор, 2016. 228 с.

9. Галиуллина Р. Х., Комлев Н. Ю. Служебное время сотрудников органов внутренних дел: правовое регулирование, вопросы правоприменения и судебной практики // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (55). С. 78–82.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ
Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 11.08.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 10.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 343.2

С. 77–82

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ САНКЦИИ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ НАКАЗУЕМОСТИ И ИНСТРУМЕНТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Руслан Валериевич Закомолдин[1], Владимир Кузьмич Дуюнов[2]
[1,2]Институт права, Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия
[1]rus.zackomoldin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8829-0211
[2]dvk159@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1078-0170

Аннотация. Уголовно-правовая наказуемость имеет две формы выражения — диспозитивную (предусмотренность поведения в качестве преступления в уголовном законе) и санкционную (установленность угрожающего наказания). При этом уголовное наказание и санкция соотносятся как содержание и форма, как средство и мера. В этой связи основное внимание уделяется анализу непосредственно уголовно-правовых санкций в контексте и в рамках уголовно-правовой наказуемости. При этом неверно понимать под санкцией лишь часть статьи Особенной части УК, определяющую вид и размер наказания за преступление. Санкция и наказание взаимосвязаны и взаимообусловлены, но не тождественны. Понятие «уголовно-правовые санкции» объединяет санкции уголовно-правовых норм и санкции статей Особенной части уголовного закона, они имеют ряд принципиальных различий, и первые шире по содержанию вторых. Исходя из этого формулируется авторское «дуалистическое» определение понятия «уголовно-правовая санкция». При этом указывается на необходимость согласованности уголовно-правовых санкций и разумного ограничения судейское усмотрение при их применении, что положительно отразиться на качестве и эффективности уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, уголовно-правовая наказуемость, пенализация, меры уголовно-правового воздействия, уголовное наказание, уголовно-правовые нормы, уголовно-правовые санкции

Финансирование: статья выполнена в рамках гранта Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ), проект № 20-011-00141А «Уголовно-правовое воздействие как реакция государства на преступления и преступность и его роль в обеспечении национальной безопасности России».

Для цитирования: Закомолдин Р. В., Дуюнов В. К. Уголовно-правовые санкции как форма выражения наказуемости и инструмент уголовно-правового воздействия // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 77–82.

Research article

CRIMINAL SANCTIONS AS A FORM OF EXPRESSION OF PUNISHMENT AND A TOOL OF CRIMINAL LEGAL IMPACT

Ruslan V. Zakomoldin[1], Vladimir K. Duyunov[2]
[1,2]Institute of Law, Togliatti State University, Togliatti, Russia
[1]rus.zackomoldin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8829-0211
[2]dvk159@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1078-0170

Abstract. Criminal law punishability has two forms of expression — dispositive (the provision of behavior as a crime in the criminal law) and sanctions (the establishment of a threatening punishment). At the same time, criminal punishment and sanction are correlated as content and

© Р. В. Закомолдин, В. К. Дуюнов

form, as a means and measure. In this regard, the main attention is paid to the analysis of directly criminal sanctions in the context and within thof criminal law punishability. At the same time, it is wrong to understand under the sanction only a part of the article of the Special Part of the Criminal Code, which determines the type and amount of punishment for a crime. Sanction and punishment are interrelated and interdependent, but not identical. The concept of «criminal legal sanctions» combines the sanctions of criminal law norms and the sanctions of the articles of the Special Part of the Criminal Law, they have a number of fundamental differences, and the former are wider in content than the latter. Proceeding from this, the author's «dualistic» definition of the concept of «criminal legal sanction» is formulated. At the same time, the need for consistency of criminal law sanctions and reasonable limitation of judicial discretion in their application is indicated, which will positively affect the quality and effectiveness of criminal law influence.

Keywords: criminal law influence, criminal law punishability, penalization, measures of criminal law influence, criminal punishment, criminal law norms, criminal law sanctions

Funding: This article was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project № 20-011-00141A "Criminal Justice Impact as the State Response to Crime and Crime and its Role in Ensuring Russia's National Security".

For citation: Zakomoldin RV, Duyunov VK. Criminal sanctions as a form of expression of punishment and a tool of criminal legal impact. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):77-82. (In Russ.)

Введение

Наказуемость — явление сложное и многозначное, имеющее моральное, этическое, социальное и правовое содержание. В самом широком смысле, это, своего рода, социально-правовой феномен. В уголовном праве наказуемость имеет широкое и узкое значение. В широком смысле, наказуемость представляет из себя неотъемлемое свойство (следствие) противоправности, то есть запрещенности преступного поведения как такового. В узком смысле, данная категория означает определенную реакцию государства на соответствующее преступное поведение [9]. В свою очередь, из этого вытекает феноменальность и многоаспектность самого наказания [19]. Таким образом, уголовно-правовая наказуемость имеет две формы выражения — диспозитивную (предусмотренность преступления в уголовном законе) и санкционную (установленность угрожающего наказания) [5; 20].

Применительно к наказуемости уголовное наказание и санкция соотносятся как содержание и форма, как средство и мера [10; 16]. С помощью санкций законодатель отмеряет от в целом предусмотренного уголовного наказания ту его разновидность, срок и размер, которые соответствуют определенному преступлению. Санкция выражает государственно-властную реакцию на преступление, его оценку, которая обеспечивает как предупреждение (через гипотетическое закрепление наказания в санкции), так и противодействие (через фактическое применение судом предусмотренного в санкции наказания) [14].

Таким образом, предметом нашего исследования являются уголовно-правовые санкции как формальное выражение наказуемости в широком ее понимании.

Цель исследования — провести всесторонний анализ уголовно-правовых санкций в контексте уголовно-правовой наказуемости и уголовно-правового воздействия.

Результаты и их обсуждение

Прежде всего, в уголовно-правовой теории, как и в правоприменительной практике, отмечается принципиальное несовпадение категорий «уголовное наказание», «наказание, предусмотренное уголовным законом» и «наказание, назначенное по приговору суда» [5; 14]. Первая имеет доктринальный фундаментальный характер. Вторая имеет нормативный конструктивный характер и выражается посредством санкций уголовно-правовых норм. Третья же имеет прикладной характер и реализуется в правоприменении. Безусловно, указанные категории тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, что закономерно, поскольку система уголовных наказаний, будучи сложноорганизованной и целостной, не ограничивается лишь положениями ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), а регламентируется всем комплексом уголовно-правовых норм и положений о наказании, который включает как сами виды уголовного наказания, общие и специальные правила его назначения, так и санкции статей Особенной части УК РФ [10; 12]. Именно целостность системы предполагает, что все ее элементы тесно взаимосвязаны

и взаимообусловлены, и изменение одного неизбежно и закономерно вызывает изменение всех остальных [15]. Соответственно, невозможно эффективное функционирование лишь одного элемента системы в отрыве от других, поскольку в таком случае невозможно достижение целей, стоящих перед всей системой [2]. Непосредственно санкции фиксируют качественно-количественную меру реакции государства на преступление, поэтому их уместно и логично причислять к системе наказания. Как справедливо отмечает Л. Р. Валеева, их реальная роль в уголовном праве «реализуется только в связи с назначением уголовного наказания. Соответственно, санкции выступают в этой системе как мерило меры» [3].

Индивидуализация наказания изначально направлена на установление меры государственной реакции на преступление в санкциях, а затем — в назначении наказания в каждом отдельном случае в процессе применения соответствующей нормы и ее санкции. В связи с этим, как верно указывает О. С. Гузеева, «необходимо четко различать, с одной стороны, наказание как элемент санкции, подкрепляющей тот или иной правовой запрет, и наказание как реальную меру государственного воздействия, назначенную по приговору суда, или иными словами — различать установление уголовного наказания и применение уголовного наказания» [6, с. 312].

В контексте нашего исследования нам следует также разграничить понятия «наказуемость» и «пенализация». Полагаем, что они соотносятся как целое и часть. Пенализация есть процесс установления наказуемости преступного деяния, выражаемый через санкции статей. Пенализация не включает применение наказания. В процессе применения наказания правильнее говорить не о пенализации, а об индивидуализации наказания как самостоятельного этапа в рамках более широкой категории — наказуемости [14].

В общем виде реакция государства на преступление предполагает негативную, но справедливую и неотвратимую оценку деяния и совершившего его лица. Эффективность наказания как меры воздействия определяется его выражением в уголовно-правовых санкциях. Поэтому эффективность системы мер уголовно-правового воздействия напрямую зависит от степени полноценного их отражения в уголовно-правовых санкциях. Более того, от этого зависит эффективность реализации уголовно-правового воздействия в целом, его целей и принципов.

Сложилось восприятие санкции, как «части статьи Особенной части уголовного закона, закрепляющей вид и размер наказания за определенное преступление» [21, с. 28]. То есть санкция воспринимается лишь как «санкция-наказание», что неверно, поскольку система санкций и система наказания — явления, безусловно, взаимосвязанные, но отнюдь не тождественные [16]. Справедливо замечание Е. С. Шубы, что нельзя отождествлять категории «санкция» и «наказание», поскольку «они определяют различные правовые явления» [22, с. 23]. Наказание вытекает из наказуемости и является лишь одной из мер уголовно-правового воздействия, а санкция вытекает из уголовно-правового воздействия в целом и, соответственно, не выражается только наказанием.

Не следует смешивать санкцию уголовно-правовой нормы и санкцию статьи уголовного закона, поскольку вторая является формой выражения первой [11; 13]. Первая — структурный элемент нормы, определяющий меру воздействия за преступление, а вторая — часть статьи Особенной части уголовного закона, определяющая вид и размер наказания за предусмотренное этой статьей преступление. При этом первая, в отличие от второй, присутствует всегда ввиду того, что нормативным положениям необходимо государственное обеспечение. «Не может быть правовой нормы, не обеспеченной санкцией — реакцией государства в форме осуждения, порицания, принуждения. Поэтому санкция всегда неизменно сопровождает диспозицию правовой нормы, обеспечивая ее исполнение принудительной силой государства» [11, с. 260]. Технически возможно некое «рассредоточение» санкции по разным статьям одного или нескольких законов, когда она приобретает «ссылочный» или «бланкетный» характер, из-за чего складывается обманчивое ощущение ее отсутствия [23]. Статьи закона, в тексте которых не предусмотрены санкции, фактически обеспечиваются соответствующими санкциями норм, где они присутствуют «незримо» и обеспечивают государственное принуждение при их применении.

Санкция уголовно-правовой нормы — обязательный элемент ее логической структуры, наряду с гипотезой и диспозицией, санкция же статьи — необязательный элемент статьи уголовного закона. Санкция уголовно-правовой нормы предполагает весь спектр мер уголовно-правового воздействия, которые предусмотрены уголовным законом наряду с наказанием и могут применяться в ответ на преступление. Эти меры являются атрибутивными признаками всех уголовно-правовых норм, одни из них могут быть непосредственно

выражены в положениях Общей части УК РФ, другие — в статьях Особенной части УК РФ, третьи лишь подразумеваться.

То есть санкции норм, в отличие от санкций статей, включают не только меры наказания, но и иные меры уголовно-правового воздействия, которые могут быть назначены и часто фактически назначаются взамен уголовного наказания, а иногда даже реально конкурируют с ним. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2016 году всего было осуждено 741 329 чел., в т. ч. условно — 199 045 чел. (26,8 %), освобождены от наказания — 16 860 чел. (2,3 %); в 2017 г.: всего — 697 054, из них условно — 189 935 (27,2 %), освобождены — 7378 (1 %); в 2018 г.: всего — 658 291, из них условно — 182 095 (27,7 %), освобождены — 6388 (1 %); в 2019 г.: всего — 598 214, из них условно — 169 487 (28,3 %), освобождены — 6795 (1,1 %)[1].

Как пишет К. Ж. Балтабаев, при такой трактовке «к уголовно-правовым санкциям относится весь арсенал мер уголовно-правового характера» [1].

При назначении уголовного наказания суд, прежде всего, руководствуется соответствующей совокупностью гипотезы, диспозиции и санкции статьи Особенной части УК РФ, а также должен учитывать иные положения уголовного закона. Поэтому положение ч. 1 ст. 60 УК РФ означает возможность избрания в отношении виновного при наличии соответствующих законных оснований любых наиболее целесообразных мер уголовно-правового воздействия, предусмотренных как в Особенной, так и в Общей части УК РФ.

Санкции норм по своему объему и содержанию более «насыщенны», чем санкции статей, но они недооценены. Считается, что именно санкция статьи, обусловленная характером и степенью общественной опасности преступлений, отражает своим содержанием и степенью строгости характер и степень опасности преступлений, поэтому именно по ее характеру и размеру судят об их опасности. Санкция нормы таким свойством не обладает, поскольку не имеет столь же четкого и однозначного формализованного выражения и привязки к конкретным видам преступлений, но именно она предоставляет значительно более широкие возможности дифференциации уголовно-правового воздействия и должна выступать мерилом опасности преступления и основой его оценки.

Санкция нормы (фактически) и санкция статьи (формально) выражают потенциальную меру наказуемости, т. е. меру государственного осуждения и порицания.

Налицо сложившийся дуализм природы и содержания уголовно-правовых санкций, которые нельзя игнорировать.

Таким образом, уголовно-правовые санкции являются формальным выражением наказуемости в широком ее понимании, а их правовое регулирование обеспечивается как нормами Особенной части (включая положения примечаний), так и положениями Общей части УК РФ.

По общему мнению, наказание должно быть законным, обоснованным и справедливым. В связи с этим уголовно-правовые санкции должны являться инструментом реализации принципов законности и справедливости, как при нормативной регламентации наказания, так и при его практическом применении. Таким образом, справедливость и законность как требования и качества касаются как построения и нормативного закрепления санкций, так и их применения [4; 8]. При этом не вызывает сомнений, что законодательная регламентация санкций является первичной, а применение — вторичным, однако они абсолютно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Посредством уголовно-правовых санкций законодатель определяет пределы реакции государства на преступление. Через санкции законодатель формализует наказуемость преступного поведения, а суд, в свою очередь, индивидуализирует эти положения к каждому конкретному случаю совершения преступления конкретным лицом [8]. Соответственно, именно санкции олицетворяют ту угрозу, о которой идет речь в ст. 14 УК РФ.

Преступления по своей природе, сути, субъектам, степени опасности и иным критериям являются разными, что, безусловно, должно быть отражено в уголовно-правовых санкциях при определении пределов уголовно-правового воздействия (мер, видов, сроков, размеров, условий, круга лиц и пр.) [17]. Только в таком случае реакция государства в целом и отдельные применяемые им меры воздействия будут соответствовать принципам справедливости и законности. Как верно замечает Э. В. Густова, уголовно-правовые санкции

[1] Ведомственное статистическое наблюдение Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Форма № 10.1. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2016, 2017, 2018, 2019 гг. // Судебный департамент при ВС РФ : [сайт]. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 04.04.2022). Мы сознательно не приводим данные за 2020–2021 гг., так как полагаем, что статистика в этот период была искажена пандемией коронавируса, в связи с чем она требует отдельного анализа.

играют значительную роль в формировании авторитета уголовного закона и правосудия, поскольку имеет важное значение как качество формирования санкций законодателем, так и качество их применения судом [7]. При этом важно, чтобы санкции были согласованы друг с другом внутри уголовного закона, а судейское усмотрение при их применении имело разумные пределы, поскольку, формулируя санкции, законодатель тем самым определяет, прежде всего, пределы полномочий правоприменителя, а, в конечном итоге, пределы уголовно-правового воздействия на преступления и совершивших их лиц [18].

Выводы

Таким образом, *уголовно-правовые санкции — это, с одной стороны, санкции уголовно-правовых норм как необходимая их часть (элемент), содержащая указания о мерах уголовно-правового воздействия, которые в соответствии с законом могут быть применены в отношении лица, виновного в совершении преступления, предусмотренного диспозицией нормы, с другой стороны, санкции статей уголовного закона как часть статей Особенной части Уголовного кодекса, содержащая наказание за предусмотренное данной статьей преступление.*

Заключение

В заключение отметим, что уголовно-правовые санкции являются формальным выражением наказуемости в широком ее понимании, инструментом уголовно-правового воздействия, а их правовое регулирование обеспечивается как нормами Особенной части УК (включая положения примечаний), так и положениями Общей части УК РФ.

Санкция выражает государственно-властную реакцию на преступление, его оценку, которая обеспечивает как предупреждение (через гипотетическое закрепление меры наказания в санкции), так и противодействие (через фактическое применение судом предусмотренного в санкции наказания). Посредством уголовно-правовых санкций законодатель определяет пределы реакции государства на преступление и преступность. Через санкции законодатель формализует наказуемость преступного поведения, а суд, в свою очередь, индивидуализирует эти положения к каждому конкретному случаю совершения преступления конкретным лицом.

Уголовно-правовые санкции имеют значение для авторитета уголовного закона и правосудия, поскольку имеет важное значение как качество формирования санкций законодателем, так и качество их применения судом. Построение и нормативное закрепление санкций, равно как и их применение должны соответствовать качествам законности, обоснованности и справедливости, поскольку именно санкции являются инструментом реализации данных принципов и требований. При этом также важно, чтобы санкции были криминологически обоснованы и согласованы друг с другом, а судейское усмотрение при их применении имело разумные пределы, поскольку расширение дискреции в данной сфере снижает авторитет закона. Формулируя санкции, законодатель тем самым определяет, прежде всего, пределы полномочий правоприменителя, а в конечном итоге пределы уголовно-правового воздействия на преступления и преступность, а также на соответствующих субъектов. Поэтому эффективность уголовного наказания и всей системы мер уголовно-правового воздействия напрямую зависит от степени полноценного их отражения в уголовно-правовых санкциях. Более того, от этого зависит эффективность реализации уголовно-правового воздействия в целом, его целей и принципов.

Список источников

1. Балтабаев К. Ж. Проблемы совершенствования уголовно-правовых санкций // Penal Reform International : [сайт]. — URL: https://www.penalreform.org (дата обращения: 04.06.2022 г.).

2. Валеева Л. Р. Специальные правила назначения наказания, детализирующие и конкретизирующие критерии назначения наказания как элемент системы специальных правил назначения наказания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 4 (108). С. 210–211.

3. Валеева Л. Р. Структура специальных правил назначения наказания как целостной системы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 151–152.

4. Глазков В. А. Применение справедливого наказания как цель и принцип уголовно-правового воздействия // Государственно-правовые исследования. 2018. № 1. С. 46–49.

5. Гузеева О. С. Противоправность преступления как его предусмотренность уголовным законом // Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная

ответственность в системе мер обеспечения национальной безопасности : сб. матер. круглого стола (Тольятти, 24 ноября 2020 г.) / редкол.: В. К. Дуюнов, Р. В. Закомолдин. Самара : САМАРАМА, 2020. С. 93–97.

6. Гузеева О. С. Санкция уголовно-правовой нормы и ограничения прав лица, совершившего преступление // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : матер. XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Москва : РГ-Пресс, 2021. С. 311–314.

7. Густова Э. В. Проблемы построения и согласованности санкций в Уголовном кодексе Российской Федерации // Противодействие современной преступности: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов : Изд. СГЮА, 2014. С. 238–241.

8. Густова Э. В. Реализация принципа справедливости в содержании уголовно-правовых санкций // Актуальные вопросы права и отраслевых наук. 2017. № 1 (3). С. 18–23.

9. Дуюнов В. К. Наказуемость как правовое явление и феномен уголовного права // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения : материалы XIII Российского конгресса уголовного права (Москва, 26–27 мая 2022 г.). Москва : Юрлитинформ, 2022. С. 445–448.

10. Дуюнов В. К. О толковании некоторых уголовно-правовых понятий // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2 (2). С. 67–68.

11. Дуюнов В. К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. Москва : Научная книга, 2003. 520 с.

12. Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. Определенность уголовно-правовой терминологии // Государственно-правовые исследования. 2021. Вып. 4. С. 116–119.

13. Дуюнов В. К., Хлебушкин А. Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика : монография. 6-е изд. Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2021. 429 с.

14. Закомолдин Р. В. О соотношении категорий «пенализация» и «наказуемость» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : матер. XIX Междунар. науч.-практ. конф. Москва : Блок-Принт, 2022. С. 63–66.

15. Исследования по общей теории систем : сб. переводов / общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. Москва : Прогресс, 1969. 518 с.

16. Кабанова Л. Н. К вопросу о соотношении понятий «санкция» и «наказание» // Государственно-правовые исследования 2018. Вып. 1. С. 167–171.

17. Казимов З. И. Уголовно-правовые санкции за преступления, совершаемые отдельными категориями лиц // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 213–220.

18. Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. Санкт-Петербург : Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 344 с.

19. Минязева Т. Ф. Феномен «наказание» — и межотраслевой, и многоаспектный // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения : сб. ст. Москва : Юрлитинформ, 2022. С. 459–463.

20. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. В 2 частях. Часть 1. Москва : Юрайт, 2019. 414 с.

21. Чечель Г. И. Уголовно-правовые санкции и некоторые особенности их применения // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 25–31.

22. Шуба Е. С. Понятие и виды санкций в уголовном праве Российской Федерации // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 23–25.

23. Энциклопедия уголовного права. В 35 томах. Том. 2. Уголовный закон. Санкт-Петербург : Издание проф. Малинина, 2009. 878 с.

ВКЛАД АВТОРОВ
Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS
Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ
Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 28.06.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 20.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 343.3/.7

С. 83–87

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ В СТ. 207.1 И СТ. 207.2 УК РФ

Виктория Романовна Набиуллина
Государственный аграрный университет Северного Зауралья, Тюмень, Россия
vitatoriya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1491-6127

Аннотация. На основе анализа научных источников и составов преступлений, предусмотренных в ст. 207.1 и ст. 207.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), в статье рассматриваются различные варианты совершенствования уголовно-правовых норм о публичном распространении заведомо ложной общественно значимой информации. В частности, в целях решения вопроса межотраслевой конкуренции анализируемых уголовно-правовых норм и административно-правовых норм (ч. 9 и ч. 10 ст. 13.15 КоАП РФ) в статье исследуются предлагаемые в научной литературе изменения в законодательные нормы: декриминализация правовых норм, принятие новой статьи Уголовного кодекса Российской Федерации. В качестве направления совершенствования исследуемых уголовно-правовых норм в научной литературе предлагается введение административной преюдиции, в связи с чем в статье исследуется соотношение объективных сторон составов анализируемых преступлений и административного правонарушения, предусмотренного в ч. 9 и ч. 10 ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). Кроме того, рассматриваются варианты поправок в ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ, способствующих разграничению рассматриваемых составов преступлений и правонарушений. Методологию исследования составляют метод сравнительного анализа, системный метод научного познания. В заключении предлагается классификация направлений совершенствования правовых норм; авторская редакция уголовно-правовой нормы о публичном распространении заведомо ложной общественно значимой информации.

Ключевые слова: заведомо ложная общественно значимая информация, ложная информация, совершенствование уголовно-правовых норм, административная преюдиция

Для цитирования: Набиуллина В. Р. Совершенствование уголовно-правовых норм, предусмотренных в ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 83–87.

Research article

IMPROVEMENT OF THE CRIMINAL LAW NORMS PROVIDED FOR IN ARTICLES 207.1 AND 207.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Victoria R. Nabiullina
Northern Trans-Ural State Agricultural University, Tyumen, Russia
vitatoriya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1491-6127

Abstract. Based on the analysis of scientific sources and elements of the crimes provided for in Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, the article discusses various options for improving the criminal law on the public dissemination of deliberately false socially significant information. In particular, in order to solve the issue of intersectoral competition of the analyzed criminal law norms and administrative legal norms (Parts 9 and 10 of Article 13.15 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation), the article examines the amendments to legislative

© В. Р. Набиуллина

norms proposed in the scientific literature: decriminalization of legal norms, adoption new article of the Criminal Code of the Russian Federation. As a direction for improving the studied criminal law norms in the scientific literature, the introduction of administrative prejudice is proposed, in connection with which the article examines the ratio of the objective aspects of the compositions of the analyzed crimes and the administrative offense provided for in Parts 9 and 10 of Article 13.15 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. In addition, options for amendments to Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, contributing to the distinction between the considered compositions of crimes and offenses. The research methodology is the method of comparative analysis, the systematic method of scientific knowledge. In conclusion, a classification of directions for improving legal norms is proposed; the author's edition of the criminal law norm on the public dissemination of deliberately false socially significant information.

Keywords: knowingly false information of public significance, false information, improvement of criminal law norms, administrative prejudice

For citation: Nabiullina VR. Improvement of the criminal law norms provided for in articles 207.1 and 207.2 of the criminal code of the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):83-87. (In Russ.)

Введение

Принятие законодателем в 2020 году ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ, регламентирующих ответственность за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, привело к необходимости их разграничения с ч. 9 и ч. 10 ст. 13.15 КоАП РФ. В связи с тем, что вид информации, составляющий объективную сторону указанных составов преступлений и правонарушений схожий, в целях устранения возможных противоречий в правоприменительной практике в науке предлагается ввести административную преюдицию в ст. 207.1 УК РФ. Вследствие того, что предмет преступления, указанный в ст. 207.2 УК РФ включает предмет преступного деяния, указанный в ст. 207.1 УК РФ, в научной литературе предлагается объединить статьи в одну уголовно-правовую норму. Изложенное свидетельствует о потребности и перспективности совершенствования исследуемых уголовно-правовых норм.

Описание исследования

В научной литературе отмечается необходимость совершенствования законодательных норм, регламентирующих ответственность за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации. Указанная потребность обусловлена несовершенством юридико-технического оформления анализируемых уголовно-правовых норм и смежных административно-правовых норм (чч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ), что ставит вопрос о конкуренции названных норм. В связи с тем, что в научных источниках представлено множество вариантов поправок в исследуемые правовые нормы, автором статьи они классифицированы по следующим направлениям: декриминализация правовых норм, введение административной преюдиции, внесение поправок в ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ, принятие новой статьи УК РФ.

Так, в качестве решения вопроса конкуренции уголовно-правовой нормы и административно-правовой нормы предлагается декриминализировать исследуемые смежные составы административных правонарушений [1, с. 57]. Вместе с тем, учитывая специфику совершаемых деяний, степень общественной опасности которых различается в силу особенностей объективной стороны, и политику гуманизации уголовного законодательства, представляется целесообразным оставить составы административных правонарушений.

В соответствии с противоположной точкой зрения, исходя из принципов экономии уголовной репрессии, справедливости и гуманизма в науке предлагается декриминализировать деяние, описываемое в ст. 207.1 УК РФ, при этом сохранить ст. 13.15 КоАП РФ [2, с. 50]. Ввиду аргументированности такая точка зрения заслуживает внимания, однако, в связи с распространенностью случаев совершения подобных деяний и значимостью для общества распространяемой информации, представляется необходимым соответствующее правовое регулирование, в частности, уголовно-правовое. В литературе предлагается распространение заведомо ложной информации об эпидемии коронавируса полностью передать в сферу административного регулирования [3, с. 817], что не представляется оправданным по причине необходимости выделения указанного вида информации из предметов преступлений, предусмотренных в ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ.

В силу затруднительности установления причинно-следственной связи между деянием и последствиями, предусмотренными в ст. 207.2 УК РФ, и, как следствие, отсутствием судебной практики, возникает вопрос о необходимости существования указанной статьи УК РФ. Представляется сложным доказать факт наступления последствий, например, в виде смерти человека, именно от определенной заведомо ложной общественно значимой информации, распространенной публично. В связи с этим полагаем необходимым исключить из ст. 207.2 УК РФ такие последствия, как неосторожное причинение вреда здоровью и смерти человека. В науке предлагается исключить ст. 207.2 УК РФ ввиду незначительных различий со ст. 207.1 УК РФ в характере и общественной опасности деяний, при этом ст. 207.1 УК РФ изложить в новой редакции [4, с. 121–122].

Во избежание возникновения противоречий в правоприменительной практике в науке предлагается привлекать к уголовной ответственности по ст. 207.1 УК РФ, после привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ [5, с. 138–139; 1, с. 57; 6, с. 108]. Однако, указанные составы преступления и правонарушения отличаются по объекту и объективной стороне, поэтому необходимо их привести в соответствие друг другу. Кроме того, взаимосвязь ст. 207.2 УК РФ и ч. 10 ст. 13.15 КоАП РФ также вызывает вопросы в науке, в части соотнесения с последствиями (помимо причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека) [7, с. 78]. Учитывая изложенное, в целях введения административной преюдиции в исследуемые составы преступлений представляется необходимым административные составы правонарушений (ч. 9 и ч. 10 ст. 13.15 КоАП РФ) переместить в главу 20 КоАП РФ, в которой объектами правонарушений выделяются общественный порядок и общественная безопасность; способ совершения административных правонарушений изменить на публичный; формальный и материальные составы преступлений, указанные в ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ, объединить в одну уголовно-правовую норму (например, ст. 207.2 УК РФ), добавив условие о привлечении к ответственности лиц, подвергнутых наказанию за аналогичное административное правонарушение. При этом в новой редакции статьи УК РФ оставить в качестве предмета преступления заведомо ложную общественно значимую информацию. В ч. 11 ст. 13.15 КоАП РФ исключить ссылку на ч. 10 ст. 13.15 КоАП РФ. Внесение подобных изменений в исследуемые правовые нормы может способствовать реализации принципа единообразия правоприменительной практики.

В качестве другого варианта решения вопроса конкуренции рассматриваемых правовых норм в науке предлагается объединить обе исследуемые статьи УК РФ в одну, установив в первой части ответственность при условии привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние, во второй части предусмотреть ответственность при наличии квалифицирующих признаков преступления, к которым отнести содержание информации, предусмотренное примечанием к ст. 207.1 УК РФ [8, с. 235–236]. Также исследователи предлагают установить четкие критерии признака публичности в исследуемых уголовно-правовых нормах [9, с. 163], дополнить ч. 2 ст. 207.1 УК РФ признаком «совершенное из хулиганских побуждений» [5, с. 138–139].

Значительные изменения в законодательстве предлагаются В. В. Сверчковым, который предлагает в главу 28 УК РФ включить новую норму ст. 272.1 об ответственности за диффамацию, в соответствии с которой «Нарушение информационной безопасности общества вследствие распространения в критической социальной среде заведомо ложной или искаженной общественно значимой информации, а равно не соответствующей действительности порочащей информации о физическом или юридическом лице, социальной группе, государстве — наказывается…» [10, с. 41–43].

По мнению В. В. Сверчкова содержание новой статьи УК РФ исключает действие чч. 9, 10, 11 ст. 13.15, чч. 3, 4, 5 ст. 20.1 КоАП РФ для частных и должностных лиц, а также необходимо признать утратившими силу ст. 207.1, ст. 207.2 УК РФ. Учитывая особенности объекта посягательств, объективной стороны состава преступления в предлагаемой правовой норме, полагаем корректным помещение ее в главу 24 УК РФ. Объектом компьютерных преступлений являются отношения в сфере обеспечения безопасности компьютерной информации, что не следует из диспозиции статьи о диффамации.

Заключение

Для решения вопроса конкуренции уголовно-правовых норм (ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ) и административно-правовых норм (чч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ) представленные в статье предложения исследователей можно классифицировать по следующим основаниям:

1. Декриминализация правовых норм:

— декриминализация ст. 207.1 УК РФ, что позволит избежать конкуренции с административно-правовыми нормами;

— декриминализация ч.ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ, следовательно, исследуемые деяния будут квалифицироваться только преступлениями;

— декриминализация ст. 207.2 УК РФ, в связи с отсутствием судебной практики в силу сложности установления причинно-следственной связи между деянием и последствиями;

2. Введение административной преюдиции в рассматриваемые уголовно-правовые нормы, которое возможно при условии уточнения законодателем объективных признаков составов преступлений, позволяющих однозначно разграничить их от смежных составов административных правонарушений;

3. Внесение поправок в ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ с целью совершенствования их юридико-технического оформления:

— объединение формального и материальных составов преступлений в одну уголовно-правовую норму;

— изложение в новой редакции или введение новых квалифицирующих признаков;

— уточнение законодателем субъективных и объективных признаков составов преступлений, позволяющих однозначно разграничить их от составов административных правонарушений (чч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ);

4. Принятие новой статьи УК РФ.

Изложенные направления совершенствования исследуемых законодательных норм свидетельствуют об их несовершенстве и необходимости корректировки. На основе проведенного анализа предлагается объединить ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ в одну уголовно-правовую норму, представив в следующей редакции:

«Статья 207.2. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации

1. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, — наказывается…

2. То же деяние, повлекшее создание помех функционированию объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, — наказывается…

3. Повторное совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей, — наказывается…»

Список источников

1. Шутова А. А., Хисамова З. И., Ефремова М. А., Никифорова А. А. Пандемия и самоизоляция: криминальные угрозы и правовые последствия : монография. Москва : Проспект, 2021. 112 с.

2. Романова Н. Л., Дашиева А. Д. Проблемы разграничения административных правонарушений и преступлений, актуальных для режима повышенной готовности // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4 (95). С. 47–51.

3. Лубкин Е. В. Особенности юридической ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об эпидемии коронавирусной инфекции (COVID-19) // Современные подходы к обеспечению и реализации прав человека: теоретические и отраслевые аспекты : сб. материалов Ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 813–820.

4. Бархатова Е. Н. Новеллы в УК РФ в связи с COVID-19: уголовно-правовой анализ // Право в условиях чрезвычайной ситуации: пределы и возможности : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 2020. С. 120–122.

5. Пережогина Г. В., Шапель А. И. Некоторые вопросы уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 3. С. 135–139.

6. Истомина А. С., Рахматулин З. Р. Проблемы толкования способов публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2-2 (65). С. 106–109.

7. Тонких К. Г. Проблемы разграничения публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации в рамках уголовной и административной ответственности //

Проблемы и перспективы в международном трансфере инновационных технологий : сб. статей по итогам Международной научно-практической конференции (Воронеж, 24 сентября 2021 г.). Стерлитамак : АМИ, 2021. С. 77-79.

8. Чеснокова Е. А., Акулин И. М. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере противодействия публичному распространению заведомо ложной информации: анализ новелл российского законодательства // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов VIII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2020. С. 228–236.

9. Сафонов В. Н., Дондукова Л. А. Новеллы уголовного и административного законодательства, связанные с пандемией коронавирусной инфекции: проблемные вопросы межотраслевой конкуренции // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 2. С. 159–164.

10. Сверчков В. В. Уголовная ответственность за диффамацию: идея модернизации российского законодательства // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 41–43.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ
Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 14.09.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 20.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 343.2/7

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЯНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ПРОЦЕССЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ АВТОНОМНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ*

Нина Анатольевна Семерьянова[1], Салимгареева Альбина Рифовна[2]
[1,2]Южно-Уральский государственный университет (НИУ), филиал, Нижневартовск, Россия
[1]nina_777s@mail.ru, http://orcid.org/0000-0001-5428-8714
[2]alabina81@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0436-9556

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы связана с привлечением к уголовной ответственности лиц, совершивших правонарушения в отношении личности, общества и государства в процессе эксплуатации автономного транспортного средства, а также с обеспечением информационной и дорожной безопасности в условиях глобальной цифровизации российской экономики. Цель исследования заключается в анализе, систематизации и решении проблем, сложившихся в уголовном праве при привлечении к ответственности лиц, совершивших правонарушение в процессе эксплуатации автономных транспортных средств и квалификации таких деяний.

Ведущим подходом исследования стали такие научные методы как диалектика, анализ, синтез, дедукция, документальный, сравнительно-правовой, формально-юридический, а также метод моделирования.

Ключевые слова: автономное транспортное средство, беспилотное транспортное средство, эксплуатация, безопасность дорожного движения, субъекты уголовной ответственности, цифровизация

Для цитирования: Семерьянова Н. А., Салимгареева А. Р. Проблемы привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших противоправные деяния в отношении личности, общества и государства в процессе эксплуатации автономных транспортных средств // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 88–94.

* Термин «автономные транспортные средства» употребляется в статье как синоним «высокоавтоматизированное транспортное средство» и «беспилотное транспортное средство» (прим. авторов).

© Н. А. Семерьянова, А. Р. Салимгареева

Research article

PROBLEMS OF BRINGING TO CRIMINAL RESPONSIBILITY OF PERSONS WHO HAVE COMPLIED ILLEGAL ACTS IN RESPECT OF THE INDIVIDUAL, SOCIETY AND THE STATE IN THE PROCESS OF OPERATING AUTONOMOUS VEHICLES

Nina A. Semeryanova[1], Albina R. Salimgareeva[2]
[1,2]Nizhnevartovsk branch of the South Ural State University (NRU), Nizhnevartovsk, Russia
[1]nina_777s@mail.ru, http://orcid.org/0000-0001-5428-8714
[2]alabina81@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0436-9556

Abstract. The relevance of the problem under study is related to the prosecution of persons who have committed offenses against the individual, society and the state in the process of operating an autonomous vehicle, as well as ensuring information and road safety in the context of the global digitalization of the Russian economy. The purpose of the study is to analyze, systematize and solve the problems that have developed in criminal law when bringing to justice persons who have committed an offense in the process of operating autonomous vehicles and qualifying such acts.

The leading research approach was such scientific methods as dialectics, analysis, synthesis, deduction, documentary, comparative legal, formal legal, as well as the method of modeling.

Keywords: autonomous vehicle, unmanned vehicle, exploitation, road safety, subjects of criminal responsibility, digitalization

For citation: Semeryanova NA, Salimgareeva AR. Problems of bringing to criminal responsibility of persons who have complied illegal acts in respect of the individual, society and the state in the process of operating autonomous vehicles. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):88-94. (In Russ.)

Введение

В настоящее время Российская Федерация переживает расцвет цифровых отношений, в том числе и в транспортной отрасли. Обеспечить эффективным правовым регулированием новые отношения задача не из легких. Транспортная отрасль является не только особой сферой экономики, играющей важную роль в развитии государства, но и сферой обеспечения безопасности дорожного движения.

Глобальные перемены в организации и осуществлении перевозок грузов, пассажиров и багажа, связанные с внедрением в транспортный оборот цифровых технологий, кардинально меняют социально-экономические отношения в России.

Описание исследования

По данным Министерства транспорта РФ принятая стратегия цифровой трансформации включает шесть ключевых инициатив: «Беспилотники для пассажиров и грузов», «Зеленый цифровой коридор пассажира», «Бесшовная грузовая логистика», «Цифровое управление транспортной системой Российской Федерации», «Цифровизация для транспортной безопасности», «Цифровые двойники объектов транспортной инфраструктуры». Устанавливается приоритет использования отечественного программного обеспечения, внедрение технологий искусственного интеллекта в массовое производство. К 2030 году запланировано использование беспилотников на всех видах транспорта. Перевозку по маршруту Азия — Европа — Россия обеспечит как отечественный, так и иностранный автономный транспорт. Пассажиры, согласно данной стратегии, будут переведены на цифровые профили с биометрическими данными[1].

С декабря 2018 г. по март 2022 г. на территориях г. Москвы и Республики Татарстан проводился эксперимент по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах высокоавтоматизированных транспортных средств (постановление Правительства РФ от 26.11.2018 № 1415 в ред. от 22.02.2020 г. «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах

[1] Минтранс России разработал отраслевую Стратегию цифровой трансформации // Министерство транспорта Российской Федерации : [сайт]. URL: https://mintrans.gov.ru/press-center/news/9985 (дата обращения: 03.06.2022).

общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств»[1] (далее — постановление № 1415).

Интеллектуальные технологии, используемые в транспортной сфере, открывают нам совершенно иной масштаб видения данной сферы услуг — это умные машины, свободно взаимодействующие между собой и с окружающим миром, их особое место в системе настоящей — будущей цифровой транспортной экономики очевидно. Самоуправляемые транспортные средства становятся реальностью, а их экспериментальная эксплуатация идет стремительными темпами по всему миру.

Однако помимо положительного экономического эффекта, применение автономных транспортных средств, влечет за собой и ряд серьезных проблем, таких как: обеспечение информационной безопасности, в том числе персональных данных; обеспечение безопасности дорожного движения; этика взаимодействия; обеспечение надзора в сфере транспорта; проблемы интеллектуальной собственности и пр.

Не менее важным, особенно при массовом использовании автономных транспортных средств, является обеспечение этих отношений эффективным правовым регулированием. Постановление № 1415 закрепляет понятийный аппарат, функции участников, обязанность по страхованию рисков ответственности по деликтным обязательствам. Однако данное постановление распространяется лишь на участников эксперимента и носит временный характер (ч. 2 постановления).

Законодательные пробелы приводят к нарушению прав и законных интересов граждан не только участников транспортных отношений, но и иных лиц.

Очевидно, что на нынешнем этапе создания нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок функционирования автономных транспортных средств, а также основания и условия ответственности за нарушение этого порядка, можно говорить лишь о разработке некоего алгоритма, позволяющего сконструировать цепь последовательных действий, направленных на построение в конечном счете замкнутого контура необходимой нормативно-правовой системы [1, с. 23].

Россия является участницей Венской Конвенция о дорожном движении. Согласно ч. 1 ст. 8 Конвенции, каждое транспортное средство или состав транспортных средств, которые находятся в движении, должны иметь водителя, а согласно ч. 1 ст. 13 водитель транспортного средства должен при любых обстоятельствах сохранять контроль над своим транспортным средством. Это значит, что в настоящее время положения Конвенции не могут быть применимы к отношениям с участием высокоавтоматизированных транспортных средств [2, с. 44].

Российская Федерация выступила с законодательной инициативой о включении в Конвенцию категорию «автоматизированная система вождения», под которой понимаются функции, необходимые при передвижении: контроль за дорогой, управление автомобилем, планирование и сигнализация о маневрах[2]. В июне 2021 г. Министерством транспорта РФ был представлен законопроект «О высокоавтоматизированных транспортных средствах»[3], закрепляющий правила их эксплуатации. Предположительно, закон вступит в силу с 1 марта 2025 года.

Высокоавтоматизированные транспортные средства нуждаются в высокоскоростном обслуживании мобильными сетям, посредством которых обеспечивается обмен информацией между автономным транспортом и с объектами дорожной инфраструктуры, то есть эти системы не являются закрытыми. Такая открытость делает их уязвимыми для кибератак, взлома и перехвата контроля управления.

Современное уголовное законодательство не содержит составы преступлений, которые отвечали бы признакам противоправных деяний, совершенных посредством искусственного интеллекта. На основании ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), пробелы не могут быть преодолены за счет применения закона по аналогии. Отчасти уголовный закон, конечно, может охватить даже новые общественно опасные явления, так как сконструирован не казуально, однако развитие умных технологий влечет

[1] О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств : постановление Правительства РФ от 26.11.2018 № 1415 (в ред. от 22.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 07.06.2022).

[2] TAdviser : [портал выбора технологий и поставщиков]. URL: https://www.tadviser.ru/ (дата обращения 11.06.2022).

[3] О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : проект Федерального закона (текст по состоянию на 10.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: // http://www.consultant.ru/ (дата обращения 11.06.2022).

возникновение таких общественно опасных деяний, признаки которых не смогут охватываться существующими статьями уголовного закона. Именно поэтому необходимо закрепление запрещающих норм противоправного использования технологий искусственного интеллекта или посягательства на них дифференцированно для каждого института уголовной ответственности.

К наиболее распространенным правонарушениям, связанным с применением высокоавтоматизированных транспортных средств можно отнести несанкционированный доступ к информации и нарушения правил безопасности дорожного движения.

I. Обеспечение информационной безопасности при использовании автоматизированных транспортных средств

Положения о защите информации закреплены в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022)[1]. Так, в п. 1 ст. 4 устанавливает, что законодательство РФ об информации, информационных технологиях и о защите информации основывается на Конституции РФ, международных договорах РФ и состоит из настоящего Федерального закона и других регулирующих отношения по использованию информации федеральных законов. Ст. 16 устанавливает следующий правовой режим защиты информации: обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации; соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа; реализацию права на доступ к информации. Государственное регулирование отношений в сфере защиты информации осуществляется путем установления требований о защите информации, а также ответственности за нарушение законодательства РФ об информации, информационных технологиях и о защите информации.

Обладатель информации, оператор информационной системы в случаях, установленных законодательством РФ, обязан обеспечить: предотвращение несанкционированного доступа к информации и (или) передачи ее лицам, не имеющим права на доступ к информации; своевременное обнаружение фактов несанкционированного доступа к информации; предупреждение возможности неблагоприятных последствий нарушения порядка доступа к информации; недопущение воздействия на технические средства обработки информации, в результате которого нарушается их функционирование; возможность незамедлительного восстановления информации, модифицированной или уничтоженной вследствие несанкционированного доступа к ней; постоянный контроль за обеспечением уровня защищенности информации; нахождение на территории Российской Федерации баз данных информации, с использованием которых осуществляются сбор, запись, систематизация, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение персональных данных граждан РФ (п. 4 ст. 16 закона № 149).

На основании ст. 11 Федерального закона «О транспортной безопасности» от 09.02.2007 № 16-ФЗ (в ред. 14.03.2022 г.)[2], субъекты транспортной инфраструктуры и перевозчики, федеральные органы исполнительной власти, иностранные государства и организации в рамках международного сотрудничества по вопросам обеспечения транспортной безопасности, обязаны обеспечить передачу данных в автоматизированные централизованные базы персональных данных о пассажирах и персонале транспортных средств. Проверка соблюдения порядка передачи сведений, осуществляется уполномоченным федеральным органом исполнительной власти при осуществлении им государственного контроля (надзора) в области транспортной безопасности (ст. 11 закона № 16).

Развивается в этом направлении и региональное законодательство. Так, например, действующая на территории Ханты-Мансийского автономного округа-Югры государственная программа «Цифровое развитие Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», в качестве основных направлений определяет: развитие информационного общества; обеспечение условий безопасности информации в информационных системах в органах государственной власти автономного округа для обеспечения системы эффективного управления, повышения уровня безопасности

[1] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 14.07.2022).

[2] О транспортной безопасности : Федеральный закон от 09.02.2007 г. № 16-ФЗ (в ред. 14.03.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL:// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения 14.06.2022).

населения и среды обитания на основе внедрения современных информационно-коммуникационных технологий[1].

Все созданные правовые условия должны соответствовать ст. 23 Конституции РФ, соблюдению прав человека на неприкосновенность частной жизни.

Таким образом, обязанность по обеспечению информационной безопасности законодательно установлена, однако, на практике обеспечить такую защиту, достаточно проблематично. Кроме того, специальные нормы, непосредственно регулирующие защиту информации при использовании автоматизированных транспортных средств, отсутствуют, что усложняет охрану таких общественных отношений.

II. Обеспечение безопасности дорожного движения при использовании автоматизированных транспортных средств

Анализ действующих законодательных актов позволяет говорить о недостаточной регламентации отношений по эксплуатации автономных транспортных средств на дорогах общего пользования. Случаи совершения общественно опасных деяний, связанных с эксплуатацией высокоавтоматизированных транспортных средств хоть и являются на сегодняшний день редкостью, но все-таки наблюдаются. Например, такой случай зафиксирован в 2019 году, когда произошло столкновение беспилотного транспортного средства и автомобиля. Известен также смертельный случай, когда автономным транспортным средством был сбит пешеход во время пересечения им автострады в месте для этого не предназначенном. В марте 2021 года беспилотное транспортное средство пересекло двойную сплошную линию и выехало на встречную полосу, где врезалось в такси. Становится очевидным, что с внедрением и повсеместным использованием такого рода транспорта подобные случаи могут участиться.

Глава 27 УК РФ устанавливает ответственность за преступления в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта. По нормам данной главы возможна квалификация значительного числа деяний, сопряженных с применением технологий искусственного интеллекта на транспорте. Однако, как представляется, в отдельных случаях возможны проблемы при квалификации и установлении ответственности за действия и возможный вред, причиненный с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств, оснащенных искусственным интеллектом, поскольку некоторые общественно опасные деяния могут оказаться за пределами правового регулирования, о чем уже говорилось выше.

Поэтому в первую очередь, необходимо определиться с видовым составом субъектов, деятельность которых, способна стать основанием для привлечения их к уголовной ответственности.

а) легитимные субъекты.

В качестве легитимного субъекта можно признать производителя программного обеспечения, в том случае если причиной нарушения автономным транспортным средством правил дорожного движения, повлекшего причинение тяжкого вреда здоровью или смерти человеку, послужило недоброкачественное программное обеспечение. Однако, квалификация по ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» видится невозможной в силу того, что производитель не находился за управлением транспортного средства. Юридическая оценка совершенного деяния может быть осуществлена по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, как выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, если они повлекли по неосторожности причинение смерти человеку.

По мнению З. И. Хисамовой и И. Р. Бегишева, в сложившейся ситуации также может возникнуть сложность в определении в качестве субъекта правонарушения производителя программного обеспечения и владельца автономного транспортного средства. Для преодоления противоречия в правоприменении авторами предлагается установление системы стандартизации и сертификации деятельности по созданию и введению в эксплуатацию автономного транспортного средства [3, с. 569].

Вторым субъектом можно признать пользователя автономного транспортного средства, например, это может быть водитель или

[1] О государственной программе ХМАО-Югры «Цифровое развитие ХМАО-Югры» : постановление Правительства ХМАО-Югры от 31 октября 2021 г. № 484-п // Департамент информационных технологий и цифрового развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры : [сайт]. URL: https://depit.admhmao.ru/programmy/gosudarstvennaya-programma-tsifrovoe-razvitie-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry/postanovlenie-pravitelstva-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-ot-31-10-2021-g-484-p-o-gosud/ (дата обращения 14.06.2022).

оператор (лицо, которое имеет дистанционный доступ к системе автопилота и имеет возможность ее отключить либо включить или иным образом удаленно повлиять на работу беспилотного автомобиля) [4, с. 472].

Однако в случае, когда автономное транспортное средство нанесло вред охраняемым общественным отношениям при отсутствии нарушений условий эксплуатации, пользователь не может быть привлечен к ответственности. Поскольку имеется невиновное причинение вреда — состав преступления в действиях или бездействии лица не усматривается [4, с. 473]. Ситуация может быть квалифицирована по ст. 268 УК РФ, то есть как нарушение пассажиром, пешеходом или другим участником движения правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее тяжкий вред здоровью человека или смерть.

Как верно отмечает М. М. Лапунин, не имеет четкого решения ни в нашей стране, ни за рубежом проблема распределения ответственности при аварии с участием беспилотного автомобиля между пользователем устройства, владельцем такового (при их несовпадении), изготовителем автомобиля и разработчиком программного обеспечения» [5, с. 159].

б) нелегитимный субъект.

И, наконец, в качестве субъектов ответственности могут выступать иные лица. Применение технологий искусственного интеллекта на транспорте создает угрозу противоправного вмешательства в его функционирование посторонних лиц (перепрограммирование или заражение вирусом уже существующей продукции). И даже повышенные меры по обеспечению информационной безопасности не означают полной гарантии от взлома. Научные исследования в сфере информационной безопасности показали, что цифровая транспортная инфраструктура достаточно восприимчива для взлома и иных преступных манипуляций, что означает высокую вероятность их использования в качестве оружия преступления. Названные противоправные действия охватываются УК РФ, в частности главой 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». В ряде случаев, возможна квалификация по нескольким статьям разных разделов уголовного закона РФ — если имела место совокупность преступлений (в зависимости от содержания цифровой информации). В качестве объекта преступного посягательства могут выступать практически любые общественные отношения. Например, действия лица, осуществившего с целью убийства взлом беспилотного транспортного средства, повлекший превышение скорости, столкновение и смерть пассажира. Здесь следует квалифицировать по ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации» и ст. 105 УК РФ «Убийство».

Полагаем, соответствующие юридические оценки противоправных деяний,

Таблица 1

Субъекты ответственности за противоправные деяния в отношении личности, общества и государства в процессе эксплуатации автономных транспортных средств

Субъекты ответственности	
Легитимные субъекты	**Нелегитимные субъекты**
Производитель программного обеспечения: ст. 264 УК РФ не применяется. Деяние квалифицируется по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ	Иные лица: глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». В зависимости от содержания цифровой информации возможна квалификация по нескольким статьям разных разделов УК РФ. Ст. 272, 273 УК РФ
Пользователь высокоавтоматизированного транспортного средства: ст. 264 УК РФ (при наличии соответствующих последствий) или 268 УК РФ (если лицо не будет отнесено к категории водителя или оператора).	
При отсутствии состава преступления вред возмещается в соответствии с гражданским законодательством ст. 1064 ГК РФ, ст. 1079 ГК РФ	

совершенных в процессе эксплуатации автономных транспортных средств, в ближайшем будущем обретут востребованность. В этой связи уголовное законодательство нуждается в четкой регламентации норм об ответственности за правонарушения, связанные с использованием искусственного интеллекта в транспортных правоотношениях. Научно-технический прогресс в России идет быстрыми темпами, вместе с учеными развиваются навыки преступных элементов, которые достаточно быстро подстраиваются под действующий гражданский оборот. В частности, они могут не только посягать на цифровые технологии в транспортной сфере, но самостоятельно создавать интеллектуальные системы, способствующие совершению преступлений.

Заключение

Таким образом, квалификация преступных деяний посредством ст. 273 УК РФ не может охватить все виды совершаемых действий посредством вредоносных компьютерных программ, поскольку используемые преступниками алгоритмы искусственного интеллекта не всегда отвечают признакам программ, способных причинить вред и используемых в преступных целях. В этой связи, видится целесообразным закрепление в уголовном законе такого квалифицирующего признака как совершение деяния инновационным и высокотехнологичным способом.

При отсутствии состава преступления, вред возмещается в соответствии с гражданским законодательством ст. 1064 ГК РФ, ст. 1079 ГК РФ (см. табл.1).

Список источников

1. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex russica (Русский закон). 2019. № 2. С. 9–28. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.147.2.009-028
2. Мартынов А. В. Перспективы установления административной ответственности в сфере эксплуатации беспилотных автомобилей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 11. С. 42–55.
3. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты. // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 564–574. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.107.10.172-189
4. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10, вып.3. С. 461–474.
5. Лапунин М. М. Уголовно-правовое воздействие в сфере эксплуатации техники на основе искусственного интеллекта // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения) : сб. статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции (Саратов 29–30 марта 2018 г.). Саратов : Саратов. госуд. юрид. акад., 2018. С. 155–162.

ВКЛАД АВТОРОВ

Семерьянова Н. А.: научное руководство, существенный вклад в концепцию статьи написание текста рукописи, критический пересмотр содержания статьи, интерпретация результатов работы.

Салимгареева А. Р.: существенный вклад в концепцию статьи, написание текста рукописи, получение данных для анализа, анализ полученных данных.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Nina A. Semeryanova: scientific guidance, significant contribution to the concept of the article writing the manuscript text, critical revision of the article content, interpretation of the results of the work.

Albina R. Salimgareeva: substantial contribution to the concept of the article, writing the text of the manuscript, obtaining data for analysis, analysis of the obtained data.

All authors have read and approved the final version of the manuscript.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.07.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 20.07.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 343.9

С. 95–101

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Андрей Владимирович Майоров[1], **Денис Юрьевич Гончаров**[2]
[1,2]Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
[1]ab_majorov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8629-9837
[2]denis667777@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3347-2533

Аннотация. В статье поднимается вопрос о современной роли методологии в уголовно-правовых науках при проведении исследований. Раскрывается сущность методологии в уголовно-правовых науках и ее значение. В сложившейся в настоящее время ситуации укрупнения научных специальностей в целом, и, в частности, появления научной специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки, особую актуальность обретает формирование и (или) пересмотр методологического инструментария входящих в названный блок отраслей.

Методологические основы уголовно-правовых наук должны быть связаны с возможностью и познавательной перспективностью сочетания отраслевых и межотраслевых методов и подходов к познанию предметов разных отраслей, входящих в укрупненный блок.

Ключевые слова: уголовно-правовые науки, уголовно-правовые исследования, методология, методы познания, методы исследования, правовая методология, методологический инструментарий

Для цитирования: МайоровА. В., ГончаровД. Ю. Методологический инструментарий уголовно-правовых исследований // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 95–101.

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке Фонда перспективных научных исследований Челябинского государственного университета в рамках научного исследования по теме «Проблемы методологии современных уголовно-правовых исследований», 2022 г.

Research article

METHODOLOGICAL TOOLS OF CRIMINAL LAW RESEARCH

Andrey V. Mayorov[1], Denis Yu. Goncharov[2]
[1,2]Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
[1]ab_majorov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8629-9837
[2]denis667777@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3347-2533

Abstract. The article raises the question of the modern role of methodology in the criminal law sciences in conducting research. The essence of methodology in criminal law sciences and its importance is disclosed. In the current situation of consolidation of scientific specialties in general, and in particular the appearance of scientific specialty 5.1.4 Criminal law sciences, the formation and (or) revision of methodological tools of branches included in the named block has acquired special relevance.

Methodological foundations of criminal-legal sciences should be associated with the possibility and cognitive perspectives of combination of sectoral and inter-branch methods and approaches to cognition of subjects of different branches included in the enlarged block.

Keywords: criminal law sciences, criminal law research, methodology, methods of cognition, research methods, legal methodology, methodological tools

© А. В. Майоров, Д. Ю. Гончаров

For citation: Mayorov AV, Goncharov DYu. Methodological tools of criminal law research. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):95-101. (In Russ.)

Funding: The article was prepared with the support of the Fund of Advanced Scientific Research of Chelyabinsk State University as part of the scientific research on «Problems of methodology of modern criminal law research», 2022.

Введение

Уголовно-правовые науки в настоящее время, согласно номенклатуры научных специальностей представлены слиянием теорий уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, виктимологии, уголовного процесса, криминалистики, а также экспертной деятельностью, правозащитной деятельностью, правоохранительной деятельностью, оперативно-розыскной деятельностью и прокурорским надзором. Это и породило ряд вполне обоснованных вопросов, некоторые из которых представлены для обсуждения в настоящей статье. Какова же теперь должна стать методология уголовно-правовых наук?

Ведь ни одно из исследований не может обойтись без применения определенных методов, как общенаучных, так и специальных отраслевых методов познания. Исследовательская деятельность, как и любая иная деятельность, предполагает использование соответствующих средств и методов. При этом важным видится вопрос, насколько осознанно к этому подходят ученые? Проблема в том, что молодые ученые не всегда применяют те или иные, необходимые для целей их исследований, методы с пониманием их сущности и потенциала. Справедливо отмечает Т. В. Варчук, что «методология любого исследования… зависит от предмета и объекта, а также от задач, которые формулирует перед собой исследователь» [5, с. 43]. Таким образом, методологию необходимо рассматривать в диалектической взаимосвязи с ее предметом. При этом «нельзя отрицать существующую генетическую связь между науками уголовно-правового блока, проявляющуюся в рамках правоприменительной деятельности» [2, с. 113].

Описание исследования

Понятие «методология» образовано от понятия «метод» (греч. *methodos* — путь исследования или познания), который означает способ, прием исследования. Методология представляет собой набор способов и приемов наиболее эффективного изучения (познания) какого-либо предмета (явления, процесса), включая как общефилософские, так и общенаучные и частнонаучные методы познания [7, с. 22].

Методы познания принято классифицировать на несколько групп: а) философские методы, куда относятся историзм как метод научного познания, системный подход, диалектический метод и др.; б) общенаучные методы, включающие в себя анализ, синтез, индукцию, дедукцию, сравнение, классификацию и др.; в) специально-научные (конкретно-научные) методы, охватывающие формально-догматический (юридический), сравнительно-правовой, конкретно-социологический методы и др. Выполняя различные роли в познавательных процессах все методы взаимодействуют дополняя друг друга, входят в одну систему, образующую методологию юридической науки. Научное познание, в «отличие от обыденного познания, обладает рядом специфических черт, характеризующих уровни научного познания, критерии научности, стиль научного мышления, методы научного познания» [3, с. 35]. Так например, справедливо отмечает В. В. Хилюта: «суть методологии научного исследования состоит в совокупности верифицированных или проверенных в течение определенного времени теорий и конструкций, позволяющих на основе применения широкого круга общих и специальных методов познания и методик получить новое знание о некотором объекте или предмете, а также дополнить уже имеющееся знания и установить его системный характер, логичность, непротиворечивость и эвристичность» [13, с. 21–22].

Исходя из темы нашей статьи, актуальной проблемой видится научное обоснование методологии всей совокупности уголовно-правовых наук, указанных в паспорте научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки[1]. Это обусловлено и тем, что в современных исследованиях, а также в специальной научной литературе даже само понятие «методология уголовно-правовых наук» в настоящее время не сформировано и не введено в научный оборот. При этом в каждой уголовно-правовой отрасли существуют обоснованные

[1] Паспорт научной специальности 5.1.4. «Уголовно-правовые науки». URL: https://nppir.com/pasporta_vak/5.1.4._ugolovno-pravovye_nauki.pdf (дата обращения: 29.09.2022).

методики познания предмета соответствующей отрасли, а также и понятие методологии той или иной науки.

Так например, методологию уголовного права в доктрине определяют как систему принципов и способов организации, построения и осуществления теоретико-познавательной юридической деятельности в области исследования преступления и наказания. В. В. Хилюта указывает, что «методология уголовно-правовой науки представляет собой сложное и многоплановое образование, которым охватываются: проблемы структуры научного знания в уголовном праве и научных теорий (конструкций); законы возникновения, функционирования и изменения научных правовых теорий и доктрин в уголовном праве; понятийный каркас уголовного права; структура и операционный состав методов исследования, применяемых в уголовном праве; анализ языка уголовного права и т. д.» [13, с. 28].

В свою очередь, методологию уголовно-процессуальной науки А. Ю. Афанасьев определяет как «результат внутринаучной рефлексии, обращенной к организации собственной уголовно-процессуальной научно-исследовательской деятельности» [1, с. 260].

Методологию науки криминалистики Е. В. Смахтин предлагает понимать «как учение о криминалистическом методе, то есть системе принципов и методов познания материальных и идеальных следов в механизме преступной и криминалистической деятельности, выделяя в ходе теоретических и практических исследований сведения, относящиеся к предмету криминалистики» [12, с. 15].

В доктрине «под методом науки криминологии понимается совокупность приемов и средств, с помощью которых раскрываются закономерности, содержание и формы явлений, входящих в ее предмет» [4, с. 142; 8, с. 14].

Полагаем, что назревает необходимость формирования единого понятия методологии уголовно-правовых наук, которое можно представить, в обобщенном его понимании, как совокупность теоретических положений об исходных основаниях, принципах, формах, способах научно-познавательной деятельности, направленной на получение достоверного научного знания о закономерностях, содержании и форме явлений, входящих в предмет уголовно-правовых наук. Несомненно, такое понятие можно подвергнуть критике со стороны научного сообщества, но мы не претендуем на его главенство в современной уголовно-правовой доктрине, а лишь поднимаем для обсуждения проблему.

Для получения ответа на обозначенный в статье вопрос был проведен сравнительный анализ методологических основ отдельных наук уголовно-правового блока, и получены данные, которые позволяют раскрыть особенности методологического инструментария этих наук.

Рассматривая все уголовно-правовые науки, можно сказать, что, как правило, методология применяется на трех уровнях: общенаучные методы, частнонаучные методы и отраслевые (специальные) методы. Полагаем, что можно сформулировать на основе обобщения используемых методов общий методологический подход уголовно-правовых исследований.

I Общенаучные методы, применяемые в уголовно-правовых исследованиях

Диалектический (философский) метод позволяет открыть уголовно-правовые явления во всеобщей связи и развитии, исследуя причинную связь между наступившими последствиями и общественно опасным деянием. Применение диалектического метода при изучении социальных явлений способствует изучению их развития во взаимосвязи и взаимозависимости в конкретно-исторических условиях. Например, с использованием этого метода устанавливаются связь обстоятельств, способствующих совершению преступления, с предлагаемыми мерами по их устранению — налицо взаимообусловленность уголовно-правовых и криминологических данных с уголовно-процессуальными средствами воздействия на преступность.

Системный метод позволяет исследовать и изучать положения уголовного права во взаимодействии друг с другом, с положениями иных отраслей права и неотраслевых прикладных знаний, при этом учитывая их связь друг с другом и взаимное влияние. К примеру, признаки состава преступления необходимо (хотя бы предварительно) устанавливать для криминалистического версионного анализа при обнаружении трупа, проверяя предположения об убийстве и самоубийстве.

Историко-правовой метод помогает в уголовно-правовых исследованиях, при сравнении предшествующих теоретических воззрений, социальных закономерностей и ранее действовавших нормативных положений в различные периоды. Этот метод позволяет оценить проблему с позиций ретроспективы, выяснить разрешение аналогичных конкретных вопросов в прошлом, спрогнозировать будущее противодействие преступности. Исторический метод применим при исследовании

многих институтов и норм права. Он позволяет, в частности, выдвинуть гипотезу (нуждающуюся, разумеется, в тщательной статистической проверке) о том, что на смену периоду наращивания потенциала борьбы с экономической и коррупционной преступностью, сопровождавшийся расширением сферы уголовно-правовой охраны экономических отношений с середины 1990-х до 2010-х годов, приходит период активизации противодействия преступлениям против государственных интересов (от борьбы с внешним влиянием через нежелательные организации, до преследования за дискредитацию государственных, в частности, военных субъектов) в наблюдаемое сейчас время.

Вовремя обрисованные перспективы позволят своевременно предложить необходимые инструменты противодействия преступности, например, с помощью моделирования. Оно заключается в исследовании различных систем, путем построения моделей этих систем, и включает исследование модели как системы элементов (статических или динамических), мысленное или материальное создание структуры (образца), воспроизводящей наиболее типичные стороны, связи, функции предмета исследования (оригинала). В частности, построение модели с условным названием «преступность, связанная с мобилизацией граждан», потребует решения комплекса межотраслевых задач: от ресурсного обеспечения преследования за преступления, связанные с военной службой (с распределением задач по их выявлению, раскрытию и расследованию), до принятия решений, и, возможно, масштабных, связанных с нарушением правил несения военной службы.

II Частнонаучные методы, применяемые в уголовно-правовых исследованиях

Среди часнонаучных методов выделяют два вида, которые являются собственно юридическими: сравнительно-правовой и юридический (догматический) метод.

Сравнительно-правовой (компаративистский) метод позволяет соотнести институты и нормы различных этапов развития законодательства и отраслей права, а также сопоставить различные правовые системы государств. Этот метод применяется для сравнения отечественного уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иного законодательства, создающего правовые основы противодействия преступности, и соответствующего зарубежного законодательства с целью заимствования позитивного правового опыта. Сравнительный метод применяется и при изучении криминогенных ситуаций и характере действий оперативных подразделений по их нейтрализации, а также при изучении личностных характеристик подозреваемых (проверяемых) лиц и конфиденциальных сотрудников, участвующих в оперативно-розыскной деятельности.

Юридический (догматический) метод предоставляет возможность исследовать положения уголовного права благодаря их толкованию, формулированию положений уголовного закона, а также позволяет выявить имеющиеся противоречия и пробелы в уголовно-правовом регулировании. Этот метод применяется и в науке уголовного процесса, изучающий смысл и содержание уголовно-процессуального закона, раскрывающий его конкретные особенности для практического применения. Но этим применение формально-логического метода в науке уголовного процесса не ограничивается, т. к. он применяется при исследовании проблем правоприменения, доказывания, постановления приговора, проверки его законности и справедливости и т. д.

Социологический метод помогает рассмотреть вопросы уголовного права, учитывая при этом социальные явления, к примеру, при назначении наказания, декриминализации и криминализации преступления, его предупреждения. Среди социологических методов при изучении преступности используются различные виды опросов лиц, совершивших преступления, их родных и близких, населения (анкетирование, беседа, интервью), экспертная оценка для выявления мнения судей, сотрудников прокуратуры и правоохранительных органов о состоянии и противодействии преступности, анализ документов (документов первичной и вторичной статистики, уголовных дел, учетно-профилактических дел, дел оперативного учета и т. д.), наблюдение за преступной средой и деятельностью органов уголовной юстиции по противодействию преступности [11, с. 112].

Конкретно-социологический метод позволяет изучить широкий комплекс социальных отношений в области применения уголовно-процессуального права, дает возможность при проведении научного исследования выйти за рамки априорных положений, находить конкретные пути совершенствования законодательства об уголовном судопроизводстве, улучшения практической деятельности судов и органов расследования. Итоги конкретно-социологических исследований оказывают существенное влияние на формирование политики, которая во многом предопределяет возможность социального планирования,

прогнозирования, моделирования процессов развития.

Социальный эксперимент в праве качественно отличается от эксперимента в естественных науках, его применение в праве строго ограничено. Эксперименты в праве, в законотворчестве возможны только на основе нормативного решения. Криминологические эксперименты не требуют нормативного разрешения, но возможны лишь в позитивном плане (например, при разработке организационных мер предупреждения преступлений, при совершенствовании форм и методов правового воспитания и т. д.), т. е. когда они, позволяя получить необходимую информацию, которую нельзя добыть другими способами, не создают криминогенных условий и ситуаций. Как метод в уголовно-процессуальном праве — это научно поставленный опыт, с помощью которого определяются оптимальные формы организации уголовного судопроизводства, обусловленные потребностью общественного развития. Возможности применения социального эксперимента в уголовно-процессуальном праве многообразны (например, при определении оптимального состава суда первой инстанции, соотношения численности профессиональных судей, присяжных заседателей, целесообразности и эффективности принятия и применения отдельных уголовно-процессуальных актов, изменяющих и дополняющих действующее законодательство) [14]. Этот метод получил широкое распространение при внедрении в практику передового опыта использования оперативно-розыскных сил и средств. Кроме того, он является основным методом при разработке новых и совершенствовании уже существующих в практике организационных тактических форм и приемов борьбы с преступностью.

Статистический метод применяется в криминологии для характеристики количественно-качественных показателей преступности (состояния, структуры, динамики, вреда). При этом «специфика статистических методов состоит в ограниченной возможности получения с их помощью информации о преступности, поскольку уголовная статистика оперирует только данными о зарегистрированной преступности, отраженной в документах первичного учета» [11, с. 112]. Этот метод при исследовании проблем уголовно-процессуального права состоит в использовании приемов и методов науки статистики для выявления количественной стороны, а иногда и сущности явлений. Например, на основе статистического метода достигается более глубокое изучение эффективности применения уголовно-процессуальных норм в следственной и судебной практике. Без применения статистики невозможна оценка результатов деятельности органов расследования и судов. Однако статистические данные, особенно при проведении научных исследований, сами по себе недостаточны для всесторонне обоснованных выводов, они нуждаются в подтверждении дополнительной информацией. В теории оперативно-розыскной деятельности например, статистические измерения, выборки, сравнения и обобщения систематически используются для выявления тенденций и закономерностей в развитии оперативной обстановки и своевременного реагирования соответствующих оперативных подразделений, а также для разработки криминологического прогноза на определенный период времени.

Наблюдение как общенаучный метод означает целенаправленное, планомерное и относительно длительное отслеживание и восприятие какого-либо процесса, явления, предмета по его основополагающим типичным признакам, который получил широкое распространение в уголовно-правовых науках. Наблюдение в криминологии отличается от общесоциального лишь по содержанию. Это наблюдение за непосредственным исполнением норм права; за отношением населения к правоохранительным органам, к суду; за отношением государственных юридических учреждений к гражданам. Наблюдение в уголовно-исполнительной науке это непосредственное изучение условий, в которых воспитывались конкретные правонарушители, или условий их содержания в следственных изоляторах и иных местах лишения свободы, существенно дополняет абстрактную статистическую картину конкретными сведениями об изучаемом явлении и используется при качественном анализе статистических данных. С помощью наблюдения теория оперативно-розыскной деятельности получает научное объяснение и описание тех характерных признаков, которые определяют, например, уровень профессиональной готовности субъектов оперативно-розыскной деятельности к решению конкретных задач борьбы с преступностью, состояние оперативно-технических средств, оперативно-розыскных учетов и др.

Математический метод применяется при изучения преступности в криминологических исследованиях, однако широкого применения не получил. Практика показала, что его использование в отдельных исследованиях не дало каких-либо ощутимых результатов

для развития криминологии и практики противодействия преступности. Исследователи объясняют это тем, что преступность как любое социальное явление не может быть описана и объяснена вне системы моральных оценок и ценностей [11, с. 112].

В уголовно-правовых науках используются и иные часнонаучные методы.

III Отраслевые (специальные) методы, применяемые в уголовно-правовых исследованиях

Что же касается отраслевых (специальных) методов, то такие науки как криминология, виктимология, криминалистика, теория оперативно-розыскной деятельности обеспечивают адаптацию всей системы философского и общенаучных методов к решению задач относительно предметного уровня. Совокупность использования тех или иных методов в конкретной области знаний не редко получают специальные (отраслевые) названия, такие как криминалистический, криминологический, виктимологический метод и т. п.

Однако, большинство исследователей либо их не раскрывают, либо ограничиваются общенаучными и частнонаучными методами.

Интеграция методологии, общенаучных и частнонаучных методов познания, особенности их применения при исследовании конкретных уголовно-правовых проблем образуют методику уголовно-правового исследования.

Ведущими задачами методологии уголовно-правовых наук должны являться:

1) выделение принципов, подходов и способов добывания знаний о предмете исследования в реальной действительности, а также методов их преобразования и интерпретации;

2) исследование оснований, структуры, способов построения и развития теории;

3) формирование представлений о последовательности движения в процессе решения исследовательских задач, обоснование программ, логики, методов исследования и оценки качества исследовательской деятельности;

4) выявление условий эффективного взаимодействия науки и практики, основных принципов и способов использования полученных знаний для совершенствования практики противодействия преступности в современных условиях [9].

Основой разработки методологии уголовно-правовых наук должна стать концепция философов (например: П. В. Алексеева, А. В. Панина, Э. Г. Юдина и др.), выделяющих в структуре методологического знания четыре уровня методологического анализа:

— «философский уровень (высший уровень методологического анализа, состоящий из принципов познания и категориального строя науки в целом);

— общенаучный уровень (общенаучные концепции, методы, принципы, воздействующие на все или большую часть научных дисциплин);

— конкретно-научный уровень (совокупность методов, принципов исследования и процедур, применяемых в той или иной специальной научной дисциплине);

— методико-технологический уровень (методика и техника научного исследования, т. е. набор процедур, обеспечивающих получение эмпирического материала и его первичную обработку с целью включения в массив научного знания)» [3, с. 176].

Все изложенное подтверждает целесообразность использования в нашей работе четырех уровней анализа методологии уголовно-правовых наук: философского, общенаучного, конкретно-научного, методико-технологического. На наш взгляд, это позволит обосновать проблему формирования теоретико-методологического инструментария уголовно-правовых наук. Концептуализация современной методологии доказывает, что за ней закреплена функция определения стратегии научного познания. В связи с этим важнейшей составляющей уголовно-правовых наук являются выявление и анализ соответствующих теоретико-методологических подходов.

Список источников

1. Афанасьев А. Ю. Введение в методологию уголовно-процессуальной науки // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 3 (82). С. 255–261.

2. Афанасьев А. Ю. 5.1.4 — уголовно-правовые науки // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2 (129). С. 111–117.

3. Базелюк В. В. Конфликтологическая подготовка будущего учителя в педагогическом вузе (методология, теория, практика) : дис. … д-ра пед. наук. 13.00.08 / Владимир Васильевич Базелюк. Челябинск, 2005. 403 с.

4. Блувштейн Ю. Д., Добрынин А. В. Основания криминологии. Опыт логико-философского исследования. Минск : Университетское, 1990. 208 с.

5. Варчук Т. В. Виктимология : учеб. пособие / под ред. С. Я. Лебедева. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 263 с.
6. Климов И. А., Тузов Л. Л., Сазонова Н. И. Методология теории и практики оперативно-розыскной деятельности // Научный портал МВД России. 2009. № 1. С. 55–66.
7. Козаченко И. Я., Корсаков К. В. Криминология : учебник. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. 304 с.
8. Криминология : учеб. для вузов / под. ред. Д. В. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юстицинформ, 2011. 544 с.
9. Майоров А. В. Методологическое обоснование концептуальной модели виктимологического противодействия преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1 (39). С. 15–21.
10. Новикова Ю. В. Некоторые дискуссионные вопросы научного познания преступности (преступлений) с позиций криминологии, криминалистики, уголовного процесса, теории оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9. 2028–2035.
11. Прозументов Л. М., Шеслер А. В. Методы криминологического исследования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 108–116.
12. Смахтин Е. В. Некоторые аспекты методологии криминалистических научных исследований // Юристъ-Правоведъ. 2009. № 5. С. 14–17.
13. Хилюта В. В. Какой быть методологии уголовного права // Lex russica (Русский закон). 2016. № 12. С. 20–31. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.121.12.020-031
14. Шминке А. Д. Проблемы методологии исследования уголовного процесса // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 83–87.

ВКЛАД АВТОРОВ

Гончаров Д. Ю. — научное руководство, существенный вклад в концепцию статьи написание текста рукописи, критический пересмотр содержания статьи, интерпретация результатов работы.

Майоров А. В. — существенный вклад в концепцию статьи, написание текста рукописи, получение данных для анализа, анализ полученных данных.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Denis Yu. Goncharov — scientific guidance, significant contribution to the concept of the article writing the manuscript text, critical revision of the article content, interpretation of the results of the work.

Andrey V. Mayorov — substantial contribution to the concept of the article, writing the text of the manuscript, obtaining data for analysis, analysis of the obtained data.

All authors have read and approved the final version of the manuscript.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.09.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 30.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 343.2/.7

С. 102–108

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Михаил Владимирович Ульянов
Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры РФ, Москва, Россия
m.ulyanov2@yandex.ru, SPIN-код 3923-7825

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа особенностей превентивного воздействия норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ). С этой целью рассматриваются примеры из судебной практики, анализируются приговоры по уголовным делам о преступлениях рассматриваемого вида.

Преступления в сфере компьютерной информации могут иметь вспомогательный характер, создавая условия для совершения иных преступлений или иных правонарушений. Неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) и создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) чаще всего квалифицируются по ст. 272, 273 и ст. 138, 146, 159.6, 183 УК РФ.

По мнению автора, привлечение к ответственности, предусмотренной ст. 272–274.2 УК РФ, связано с предупреждением хищений, нарушений тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, нарушений авторских и смежных прав, иных правонарушений, в том числе непреступного характера, а также преступлений против общественной безопасности. Что позволяет говорить о том, что нормы об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации осуществляют двойную превенцию.

Ключевые слова: двойная превенция, преступность, информационно-телекоммуникационные сети, хищения, социальная инженерия, предупреждение преступности, компьютерная преступность

Для цитирования: Ульянов М. В. Преступления в сфере компьютерной информации: возможности уголовно-правового воздействия и предупреждения // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 102–108.

Research article

CRIMES IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION: POSSIBILITIES OF CRIMINAL LEGAL IMPACT AND PREVENTION

Mikhail V. Ulyanov
Research Institute of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, Moscow, Russia
m.ulyanov2@yandex.ru, SPIN-code 3923-7825

Abstract. The article attempts to analyze the features of the preventive impact of the norms providing for criminal liability for committing crimes in the field of computer information (Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation). For this purpose, examples from judicial practice are considered, sentences in criminal cases on crimes of the type in question are analyzed.

Crimes in the field of computer information may have an auxiliary character, creating conditions for the commission of other crimes or other offenses. Illegal access to computer information (Article 272

© М. В. Ульянов

of the Criminal Code of the Russian Federation) and the creation, use and distribution of malicious computer programs (Article 273 of the Criminal Code of the Russian Federation) are most often qualified under Articles 272, 273 and Articles 138, 146, 159.6, 183, 146 of the Criminal Code of the Russian Federation.

According to the author, the prosecution provided for in Articles 272-274.2 of the Criminal Code of the Russian Federation is connected with the prevention of theft, violations of the secrecy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraphic or other messages, violations of copyright and related rights, other offenses, including non-criminal nature, as well as crimes against public safety. Which suggests that the norms on responsibility for crimes in the field of computer information carry out double prevention.

Keywords: prevention, crime, information and telecommunication networks, theft, social engineering, crime prevention, computer crime

For citation: Ulyanov MV. Crimes in the sphere of computer information: possibilities of criminal legal impact and prevention. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):102-108. (In Russ.)

Введение

В июне 2022 г. представителем Сбербанка России было заявлено об обнаружении в г. Бердянске мошеннического колл-центра, располагавшего личными сведениями 20 млн граждан Российской Федерации[1]. Это не единственное сообщение подобного рода. Привычными стали сообщения об утечках данных клиентов провайдеров, пользователей сайтов интернет-магазинов, служб доставки, образовательных порталов, интернет-ресурсов федеральных органов исполнительной власти и т. д. Становясь достоянием общественности, такие факты не всегда получают надлежащую уголовно-правовую оценку. Все это ставит вопрос об эффективности уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации, предусмотренные гл. 28 УК РФ.

Описание исследования

Исследователи обращают внимание на «инструментальный» характер компьютерных преступлений, выступающих способом достижения иных преступных целей, что обусловливает во многих случаях их квалификацию по совокупности с другими составами преступлений [1, с. 55]. Например, осуществляя неправомерный доступ к компьютерной информации, лицо посягает на такие самостоятельные объекты уголовно-правовой охраны, как право граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений или порядок обращения со сведениями, составляющими коммерческую, налоговую или банковскую тайну.

М. Д. Фролов относит преступления в сфере компьютерной информации к преступлениям с двойной превенцией, обращая внимание на то, что они создают условия для компьютерного мошенничества [2, с. 170].

Такая позиция согласуется с определением уголовно-правовых норм с двойной превенцией как норм, выступающих в качестве условия, способствующего совершению другого преступного деяния [3, с. 170–171]. Согласно еще одному определению, данные нормы трактуются в качестве «системы норм с двойным превентивным эффектом, устанавливающей уголовно-правовой запрет на совершение общественно опасных деяний, которые могут обусловливать последующее совершение других преступлений» [4, с. 13].

В то же время отнесение компьютерных преступлений к нормам с двойной превенцией представляется в достаточной мере дискуссионным. Тем более, что, как указывает Н. И. Пикуров, значимость и реальное действие общей превенции еще никому не удалось обосновать с более-менее конкретными показателями [5, с. 102].

Особенность превентивного воздействия норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений в сфере компьютерной информации, состоит в их направленности не только на предупреждение иных преступлений, но также правонарушений непреступного характера. Например, конфиденциальная информация, полученная незаконно, может использоваться в рекламных целях колл-центрами различных организаций.

Касаясь особенностей превентивного воздействия, в первую очередь, следует говорить

[1] Сбербанк рассказал о раскрытой сети мошеннических колл-центров в Бердянске // RG.RU. URL: https://rg.ru/2022/06/03/sberbank-rasskazal-o-raskrytoj-seti-moshennicheskih-koll-centrov-v-berdianske.html?Msn=& (дата обращения: 07.09.2022).

о наличии взаимосвязи компьютерных преступлений и хищений с использованием информационно-коммуникационных технологий. На это в определенной степени указывает возрастающая динамика количественных показателей большинства преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, включая предусмотренные гл. 28 УК РФ, а также многие виды хищений, в период применения ограничительных мер в связи с коронавирусной инфекцией в 2020 г. и 2021 г.[1] В 2021 г. количество преступлений в сфере компьютерной преступности увеличилось более чем на 50 % (с 4498 до 6869), количество преступлений, предусмотренных ст. 159.6 УК РФ.

Между тем, в контексте взаимосвязи с хищениями речь следует вести не обо всех преступлениях, составляющих гл. 28 УК РФ. В данном случае следует учесть позицию криминологов, согласно которой информационная преступность слагается из двух подсистем: первая включает преступления, которые нарушают информационные правоотношения, вторая охватывает корыстные преступления, средством которых служат информационные системы [6, с. 98–99].

Анализ приговоров показывает, что на создание условий осуществления корыстных преступлений, прежде всего, направлены нормы, предусматривающие уголовную ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) и создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ).

Количество преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ, составляет основной сегмент в структуре преступлений в сфере компьютерной информации. В 2021 г. зарегистрировано 6392 таких преступлений (в 2019 г. –2420, в 2020 г. — 4105). Осуждено по ст. 272 УК РФ как основной статье квалификации в 2021 г. 133 лица (2019 г. — 85, 2020 г. — 84)[2].

Самой многочисленной группой осужденных являлись работники коммерческих организаций (в 2021 г. — 45 из 133). Речь идет о сотрудниках офисов продаж различных телефонных компаний, системных администраторах или сотрудниках магазинов, правомочных осуществлять подключение к операторам связи и др.

Во многих случаях полученная незаконным способом информация передается третьим лицам.

В качестве распространенной ситуации можно привести действия К., осужденного по ч. 3 ст. 272 УК РФ за совершение неправомерного доступа к компьютерной информации из корыстных побуждений. Работая в должности специалиста офиса продаж, А. осуществил около двухсот неправомерных копирований персональных данных клиентов ПАО «МТС» без регистрации сервисных запросов, которые передавал неустановленному лицу, используя мессенджер[3].

Персональные данные, полученные таким образом, могут быть использованы для совершения мошенничеств, в том числе путем распространенных сейчас методов социальной инженерии, а также иных противоправных деяний.

Во многих случаях деяния дополнительно квалифицируются судом по ст. 138 (Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений) УК РФ.

Так, в 2021 г. по ч. 1 ст. 138 и ч. 2 ст. 272 УК РФ осужден А., который являлся продавцом-консультантом на точке продаж оператора сотовой связи. А. откликнулся на объявление в телеграмм-канале, в котором предлагалось денежное вознаграждение в размере 1000 рублей за каждую отправленную детализацию и замененную сим-карту. Осуществляя замену номеров сим-карт, А. получил в качестве вознаграждения 40 000 рублей[4].

Наглядной демонстрацией вспомогательного характера этого посягательства служат факты, когда лицо, осуществившее неправомерный доступ к компьютерной информации, само совершает хищение.

По п. «б», «в» ч. 3 ст.159.6 (2 эпизода) и ч. 3 ст. 272 (2 эпизода) УК РФ была осуждена

---

[1] Форма государственного статистического наблюдения 4-ЕГС (494) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/forma_4-egs/ (дата обращения: 07.09.2022).

[2] О демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации : отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по форме 11.1 за 12 мес. 2021 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. — URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121 (дата обращения: 01.09.2022).

[3] Приговор Зеленоградского районного суда г. Москвы от 17.01.2022 по делу № 1-73/2022 // Архив Зеленоградского районного суда г. Москвы за 2022 г.

[4] Приговор Солнцевского районного суда г. Москвы от 16.06.2021 по делу № 1-339/2021 // Архив Солнцевского районного суда г. Москвы за 2021 г.

сотрудник ПАО «Вымпелком» Д., которая под своими учетными данными осуществила доступ в компьютерную программу, перевыпустила СИМ-карту, подделав заявление клиента, получив таким образом возможность пользоваться деньгами с лицевого счета[1].

Как указывают некоторые исследователи, раскрываемость преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ, остается невысокой [7, с. 134–137]. Анализ приговоров показывает, что выявление сотрудников коммерческих организаций во многом связано с активностью служб безопасности самих компаний. Приведенное является дополнительным подтверждением высокой латентности данных преступлений.

Так, по ч. 3 ст. 272 и ч. 3 ст. 183 УК РФ осужден У., являвшийся системным администратором департамента IT-сервисов ООО «Яндекс. Технологии». Последний разместил в телеграмм-канале объявление о возможности оказания за денежное вознаграждение услуг по предоставлению неправомерного доступа к электронным ящикам клиентов. Под видом «клиента» к У. обратился сотрудник службы безопасности компании с просьбой осуществить доступ к конкретному адресу электронной почты и произвести копирование информации[2].

Еще одна категория осужденных, на которую следует обратить внимание, — сотрудники правоохранительных органов, имеющие доступ базам данным, разработанным в интересах, прежде всего, оперативных подразделений. Сторонним лицам могут быть переданы имеющиеся сведения о судимостях, нахождении в розыске, зарегистрированных автомобилях, а также иная исчерпывающая конкретизированная информация. Среди осужденных сотрудники правоохранительных органов составляют меньшинство (в 2021 г. был осужден лишь 1 сотрудник). В то же время очевидно то, что совершаемые ими преступления, обладают повышенной степенью общественной опасности. Действия таких лиц квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 272 УК РФ и ст. 286 (Превышение должностных полномочий) УК РФ, либо в некоторых случаях ст. 290 (Получение взятки) УК РФ.

Например, по ч. 3 ст. 272 УК РФ и ст. 286 УК РФ осужден следователь следственного отдела ОМВД России С., который за денежное вознаграждение передавал информацию представителю детективного агентства из информационно-поисковой системы «Следопыт-М» и программно-технического комплекса «Розыск-Магистраль», предназначенного для выявления лиц, находящихся в розыске[3].

Еще одним преступлением, создающим условия для совершения хищений, является создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ).

В 2021 г. было зарегистрировано 317 данных преступлений (2019 г. — 455, 2020 г. — 371), осуждено лиц 77 (2019 г. — 76, 2020 г. — 45). По роду занятий (социальному положению) основная часть осужденных являлась трудоспособными лицами без постоянного источника дохода.

Как отмечают исследователи, использование вредоносных компьютерных программ нередко осуществляется для обеспечения неправомерного доступа к вычислительным ресурсам с целью извлечения материальной выгоды, например, для взлома программного обеспечения и его использования в личных целях или реализации, майнинга криптовалют [8, с. 106–125].

В качестве примера можно привести действия Б., осужденного в феврале 2022 г. по ч. 1 ст. 273 УК РФ. Б. скопировал с одного из сайтов компьютерную программу, с помощью которой создал вредоносные файлы, позволяющие получать несанкционированный доступ к логинам и паролям учетных записей, истории посещённых Интернет-страниц, файлам электронных криптокошельков чужого компьютера. Указанная информация передавалась на управляющий сервер по адресу «www.1237.zzz.com.ua». Данные файлы Б. разместил на канале «YouTube» во вкладке к описанию видео под видом читов для компьютерной игры[4].

Еще один пример наглядно показывает уровень раскрываемости организованных форм компьютерной преступности.

Так, в 2019 г. по ч. 3 ст. 272, ч. 2 ст. 273 и ч. 4 ст. 159.6 УК РФ осуждены Л. и Б., которые

[1] Приговор Октябрьского городского суда Республики Башкортостан от 29.07.2020 по делу № 03RS0014-01-2020-001990-69 // Архив Октябрьского городского суда Республики Башкортостан за 2020 г.

[2] Приговор Люблинского районного суда г. Москвы от 09.11.2021 по делу № 1-750-2021 // Архив Люблинского районного суда г. Москвы за 2021 г.

[3] Приговор Преображенского районного суда от 14.04.2022 по делу № 1-363/22 // Архив Преображенского районного суда г. Москвы за 2022 г.

[4] Приговор Прикубанского районного суда г. Краснодара от 21.02.2022 по делу № 1-494/2022 // Архив Прикубанского районного суда г. Краснодара от 2022 г.

в составе организованной группы получили неправомерный доступ к банкоматам одного из банков и возможность устанавливать на жесткие диски банкоматов файлы. После осуществления удаленного управление банкоматом участники организованной группы отправляли команды на выдачу денежных купюр в любом доступном объеме. В результате преступной деятельности с банкоматов было снято несколько миллионов рублей. Основная часть соучастников, в том числе организатор, не были установлены правоохранительными органами[1].

Проблемы невысокой раскрываемости подобных преступлений связана с целым рядом причин, в числе которых недостатки профессиональной подготовки сотрудников соответствующих ведомств, призванных бороться с киберпреступностью.

Трудоемкость расследования организованных форм преступлений в сфере компьютерной информации, в том числе необходимость проведения большого количества технических экспертиз, допросов экспертов в качестве свидетелей и др., обусловливает то, что за использование вредоносных программ в большинстве случаев к ответственности привлекаются лица за незаконное подключение к спутниковому телевидению, сети Интернет, «взлом» программного обеспечения.

Так, в июле 2020 г. был осужден Д. по ч. 2 ст. 272 УК РФ и ч. 2 ст. 273 УК РФ, который за 2000 руб. модифицировал ресивер, принадлежащий Я., что обеспечило декодирование защищенных спутниковых телеканалов «Триколор ТВ». Затем Д. продал лицу, действовавшему в рамках оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка», за 4500 руб. модифицированный ресивер с пультом дистанционного управления и смарт-картой Триколор ТВ[2].

В случаях, когда вредоносные программы используются для обеспечения доступа к программному обеспечению деяния дополнительно квалифицируются по ст. 146 (Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений) УК РФ по совокупности преступлений.

Следует отметить, что длительное время предметом данных посягательств зачастую становились продукты Microsoft. В настоящее время предметами данных преступлений выступает отечественное программное обеспечение. С учетом нынешнего санкционного давления на российскую экономику, уход ряда иностранных ИТ-компаний с рынка, а также принятия мер, направленных на обеспечение технологической независимости, данная тенденция скорее всего сохранится.

Так, сотрудниками внутренних дел был выявлен Т., который за денежное вознаграждение установил контрафактное программное обеспечение «КОМПАС-3D». При ее установке на компьютер Т. использовал вредоносную программу для нейтрализации средств защиты. Помимо этого, Т. инкриминировалось незаконное использование в целях сбыта программного обеспечения Microsoft, что было исключено судом из объема обвинения, поскольку подтверждения о причинении компании крупного размера ущерба не было представлено[3].

Количественные показатели иных преступлений, составляющих главу 28 УК РФ, значительно ниже по сравнению с показателями ст. 272 и 273 УК РФ.

В 2021 г. было зарегистрировано лишь 1 преступление, предусмотренное ст. 274 (Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей) УК РФ, лица не выявлялись и не осуждались в период 2019–2021 гг.

Не случайно редакция данной статьи активно дискутируется. Проблемы правоприменительной практики зачастую связывают с тем, что диспозиция ст. 274 УК РФ является бланкетной [9, с. 393, 394].

Диспозиция ст. 274.1 (Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации) УК РФ также подвергалась справедливой критики. Так, Л. Л. Кругликов, О. Г. Соловьев, С. Д. Бражник указывают на дискуссионные аспекты квалификации деяния, связанные, прежде всего, с недостатками законодательного формулирования объектов критической информационной инфраструктуры. Анализ показателей судебной статистики за период 2018 г. позволил авторам характеризовать данную норму в качестве «мертвой» [10, с. 49–52].

[1] Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 26.08.2019 по делу № 1-681/2019 // Архив Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 2019 г.

[2] Приговор Петушинского районного суда Владимирской области от 02.08.2020 по делу № 1-85/2020 // Архив Петушинского районного суда Владимирской области от 2020 г.

[3] Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 10.11.2021 по делу № 1-867/2021 // Архив Ленинского районного суда г. Кирова от 2021 г.

В настоящее время данные критерии во многом сохраняет свою актуальность. Правоприменительная практика по данной статье складывается при отсутствии четкого законодательного регулирования. В 2021 г. зарегистрировано 159 преступлений, предусмотренных ст. 274.1 УК РФ, осуждено 15 лиц (2019 г. — 4, 2020 г. — 8).

В качестве иллюстрации можно привести факт привлечения к уголовной ответственности по ст. 274.1 УК РФ А., который был оправдан. А. было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 273 УК РФ и ч. 4 ст. 274.1 УК РФ. А., являясь сотрудником государственного предприятия, созданного в целях обеспечения производства вооружения, активировал на служебном компьютере вредоносную программу для взлома операционной системы компании «Microsoft». После активации вредоносной программы с компьютера неконтролируемо были отправлены малые объемы данных в центр удаленного управления в иностранном сегменте сети Интернет. При этом ранее американские производители отказывались от сделок по продаже предприятию программного обеспечения, вынуждая данное предприятие использовать нелицензионное программное обеспечение[1]. По ч. 4 ст. 274.1 УК РФ А. был оправдан. Мотивируя свое решение, суд среди прочего указал на недоказанность факта передачи какой-либо информации из объектов критической информационной инфраструктуры иностранным спецслужбам.

Последняя на сегодняшний день ст. 274.2 УК РФ, включенная в гл. 28 УК РФ, была введена в июле 2022 г. Федеральным законом от 14.07.2022 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Новая статья предусматривает ответственность за нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования. Субъект преступления специальный — должностное лицо или индивидуальный предприниматель после его привлечения к административной ответственности по ч. 2 ст. 13.42 КоАП РФ или ч. 2 ст. 13.42.1 КоАП РФ.

Принятие подобных изменений говорит о том, что законодателем осознается, что в условиях нарастания угроз информационной безопасности нормы, закрепленные в гл. 28 УК РФ, нацелены на обеспечение уголовно-правовой охрану информационной среды, средств коммуникации и связи.

Заключение

Подытоживая изложенное следует отметить, что нормы об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации, осуществляя двойную превенцию, направлены не только на защиту компьютерной информации, но также на защиту собственности, интеллектуальной собственности, личных прав граждан, а также общественной безопасности.

Причем превентивный потенциал уголовно-правовых норм об ответственности за совершение неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) и создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) в больше степени нацелен на предупреждение хищений, нарушений тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, нарушений авторских и смежных прав, иных правонарушений, в том числе непреступного характера. В свою очередь нормы об ответственности за иные преступления в сфере компьютерной информации (ст. 274, 274.1 и 274.2 УК РФ), прежде всего, связаны с предупреждением преступлений против общественной безопасности.

[1] Приговор Кировского районного суда г. Перми от 07.07.2021 по делу № 1-181/2021 // Архив Кировского районного суда г. Перми за 2021 г.

Список источников

1. Мелешко Д., Чернявский Д., Шарафетдинова Г. «Инструментальный» характер компьютерных преступлений и его влияние на квалификацию // Законность. 2020. № 3. С. 55–57.

2. Фролов М. Д. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие мошенничеству в сфере компьютерной информации : дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2018. 211 с.

3. Ображиев К. В. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 167–171.

4. Афанасьева О. Р. Нормы двойной превенции: понятие, сущность и значение // Двойная превенция в борьбе с преступностью: вопросы теории и практики : сб. материалов круглого стола (Москва, 25 апреля 2018 г.). Москва, 2018. С. 10–16.

5. Пикуров Н. И. Превентивная функция административной преюдиции в уголовном праве // Двойная превенция в борьбе с преступностью: вопросы теории и практики : сб. материалов круглого стола (Москва, 25 апреля 2018 г.). Москва, 2018. С. 97–104.

6. Криминология : учебник / под ред. проф. Н. Ф. Кузнецовой, проф. В. В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтере Клувер, 2004. 640 с.

7. Поляков С. В., Зараева Ю. В. Неправомерный доступ к компьютерной информации как фактор использования киберпространства террористами и экстремистами // Ученые записки. 2019. №. 3. С. 134–137.

8. Русскевич Е. А., Малыгин И. И. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 106–125.

9. Степанов-Егиянц В. Г. Совершение кражи и мошенничества с использованием компьютера или информационно-телекоммуникационных сетей // Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2012. № 4. С. 393–396.

10. Кругликов Л. Л., Соловьев О. Г., Бражник С. Д. Ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ) в системе экономической и информационной безопасности государства // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 4. С. 49–52.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ
Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 14.09.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 19.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья С. 109–113
УДК 34.441.5

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В МЕСТАХ БОЛЬШОГО СКОПЛЕНИЯ ЛЮДЕЙ (ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ)

Вероника Владимировна Денисович
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
LtybctyejV1984@yandex.ru

Аннотация. В наше время очень часто люди стали прибегать к решению проблем посредством совершения какого-либо преступного посягательства, которое в свою очередь подрывает общественную безопасность как поселка, города, так и государства в целом. Такая проблема проявляется очень ярко на улицах города, в общественном транспорте, в каком-либо заведении, которые потом в свою очередь становятся «зонами боевых действий» противоборствующих криминальных структур.

Опасность таких противоправных действий заключается прежде всего в том, что они очень сильно влияют на сознание большой массы людей, которые в дальнейшем никак не соприкасаются с субъектами, совершивших преступное посягательство. Таким образом, подобные посягательства порождают неуверенность у населения в собственной защите, страх выйти на улицу, иными словами общую социальную напряженность и тревожность за свою жизнь.

Такие обстоятельства позволяют говорить о противоправных посягательствах в общественных местах, а в совокупности о преступности в общественном месте как самостоятельной отдельной криминологической проблеме.

Ключевые слова: публичное место, общественное место, преступность в общественном месте, криминальная среда, профилактика преступности среди населения

Для цитирования: Денисович В. В. Особенности криминологической характеристики преступлений, совершаемых в местах большого скопления людей (общественных местах) // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 109–113.

Research article

FEATURES OF CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED IN CROWDED PLACES (PUBLIC PLACES)

Veronika V. Denisovich
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
LtybctyejV1984@yandex.ru

Abstract. Nowadays, very often people have begun to resort to solving problems by committing some kind of criminal encroachment, which in turn undermines the public safety of both the village, the city, and the state as a whole. Such a problem manifests itself very vividly on the streets of the city, in public transport, in any institution, which then in turn become “combat zones” of opposing criminal structures.

© В. В. Денисович

The danger of such illegal actions lies primarily in the fact that they greatly affect the consciousness of a large mass of people who in the future do not come into contact with the subjects who have committed a criminal offense. Thus, such encroachments generate uncertainty among the population in their own protection, fear of going out, in other words, general social tension and anxiety for their lives.

Such circumstances allow us to talk about illegal encroachments in public places, and collectively about crime in a public place as an independent separate criminological problem.

Keywords: public place, public place, crime in a public place, criminal environment, prevention of crime among the population

For citation: Denisovich VV. Features of criminological characteristics of crimes committed in crowded places (public places). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):109-113. (In Russ.)

Введение

Актуальность темы исследования заключается в том, что на современном этапе развития России прослеживается огромное количество сложнейших проблем правового характера, к которым в последнее время угас интерес хотя бы потому, что сегодня на первый план выдвинулись вопросы борьбы с организованной преступностью, экстремизмом и терроризмом. Очевидно, что преступность в месте массового скопления людей является самой большой опасностью как для человека, так и для демократического, экономического, социального, научно-технического и гуманитарного развития государства.

Очень важно обратить внимание, что преступность в публичных местах очень актуальна и распространена среди подростков, так как кто-то пытается самоутвердиться перед окружающими и идет на противоправное деяние, а кто-то видит выход из ситуации только в совершении того или иного преступления.

Очень часто встречаются случаи совершения преступления в общественном месте состоянии алкогольного опьянения.

Необходимо отметить, что распространение наркотиков (закладки), которые совершаются на улицах населенного пункта тоже являются преступлениями, которые совершены в общественных и публичных местах. Возрастная группа участников незаконного оборота наркотиков (наибольшей криминальной активностью обладает 18–29 лет (45 % от общего числа)).

На сегодняшний момент выделяют наиболее распространённые преступные деяния, которые входят в группу преступлений, совершенных публично: грабеж, кража, разбойные нападения.

Описание исследования и обсуждение результатов

На сегодняшний день учет преступлений, совершенных в на улицах, осуществляется в соответствии с совместным Приказом и Положением Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России № 39 / № 1070 / № 1021 / № 253 / № 780 / № 353 / № 399 от 29 декабря 2005 г. «О едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений».

По статистике за 2020 год, уровень преступности публичного характера уменьшился по сравнению с 2019 годом на 9,9 %, в том числе грабежей — на 24,8 %, краж — на 18,5 %, разбойных нападений — на 23,3 %. Что касается ситуации в 2021 году, то уровень преступности рассматриваемой категории продолжил уменьшаться. В парках, скверах и на улицах количество разбойных нападений снизилось на 17,3 %, грабежей — на 22,1 %, краж — на 4 %. По итогам 12-ти месяцев 2021 года общее число криминальных деяний, совершенных в местах массового скопления людей, сократилось на 6,4 %.

В реквизите 21 Положения Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России в показателе «преступление совершено в общественном месте» отражаются сведения о преступлениях, совершенных:

— в местах, предназначенных для общего пользования гражданами во время реализации в этих местах общественных функций;

— в местах, используемых гражданами для передвижения, работы, учебы, отдыха, проведения массовых мероприятий, а также в местах общего пользования;

— в местах с открытым свободным доступом в любое время года и суток (улицы, площади, бульвары, скверы и т. п.);

— в помещениях и на территориях учреждений, предприятий, организаций, предназначенных для обслуживания населения в установленные часы работы (зрелищные предприятия, городской транспорт, включая метрополитен, предприятия торговли,

Таблица 1

Характеристика места совершения преступления для уголовно-правовой квалификации (%)

Места совершения преступлений	По материалам уголовных дел	По результатам опроса осужденных
Кафе, рестораны, иные центры досуга	19,2	5,0
Образовательные учреждения	13,7	2,6
Улица	18,7	40,1
Магазин и прилегающая к нему территория	16,2	15,0
Площадь	5,6	4,3
Парк, сквер	4,8	15,0
Пляж	3,5	2,5
Рынок и иные места торговли	2,0	5,0
Общественный транспорт	1,5	1,9
Остановка общественного транспорта	6,1	3,6
Иные общественные места	8,7	5,0

общественного питания и бытового обслуживания, спортивные учреждения, лесопарковые зоны, берега открытых водоемов (озера, пруды, водохранилища), непосредственно водоемы и прилегающие к ним зоны отдыха и зеленых насаждений в черте городов и других населенных пунктов, а также используемые во время проведения санкционированных массовых мероприятий (гуляний) территории, находящиеся за чертой населенного пункта)[1].

Следует также определиться с самим термином, что такое общественное место. Под общественным местом следует понимать любые объекты, реального или потенциального нахождения физических лиц, связанные в силу своих особенностей с удовлетворением различных потребностей в формах и способах, установленных государством [3, с. 10].

Так, например, *27 августа 2020 года около 23 часов А.Е.С. и З.А.А. находились на автобусной остановке общественного транспорта, расположенной возле магазина «<данные изъяты>» по <адрес> когда в ходе словесной ссоры на почве ранее сложившихся личных неприязненных отношений, у А.Е.С. внезапно возник преступный умысел, направленный на причинение тяжких телесных повреждений З.А.А. с применением предмета, используемого в качестве оружия. Реализуя задуманное, в 23 часа тех же суток А.Е.С., предвидя возможность причинения тяжкого вреда здоровью З.А.А. и желая этого, находящейся у него в руке стеклянной бутылкой, применяя ее как предмет, используемый в качестве оружия, умышленно нанес стоящему перед ним З.А.А. один удар в область лица, отчего бутылка разбилась, причинив телесные повреждения <данные изъяты>, которые как в совокупности, так и каждое в отдельности, отнесены к критериям, характеризующим кратковременное расстройство здоровья, и по указанному признаку квалифицируются как причинившие легкий вред здоровью*[2].

Из ситуации видно, что преступление совершено согласно реквизиту 21 Положения

[1] О едином учете преступлений (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») : Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) (зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 № 7339) // ЮИС Легалакт : [сайт]. URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rf-n-39-mvd-rf/ (дата обращения: 31.05.2022).

[2] Приговор № 1-32/2021 Шарыповского районного суда (Красноярский край) от 2 июля 2021 г. по делу № 1-32/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/c2gAhEKAirQ1 (дата обращения: 31.05.2022).

Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России в показателе «преступление совершено в общественном месте» в общественном месте, а именно на автобусной остановке общественного транспорта, расположенной возле магазина, что является общедоступной территорией.

Стоит обратить особое внимание, что в перечень преступлений, совершенных в общественных и публичных местах, в соответствии с Положением, не входят преступления, которые были совершены на территории частных владений; в квартирах (частных домовладениях) граждан; на чердаках и в подвалах, не оборудованных для общего пользования граждан, на лестницах, межэтажных переходах, в лифтах, местах общего пользования коммунальных квартир и т. п.; на территории охраняемых объектов, т. к. эти территории не являются общественным местом (табл. 1).

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что законодательного закрепления понятия преступности в общественном, публичном месте, а также месте массового скопления людей нет. Это понятие происходит из понятия «преступность» и понятия «общественное место». Преступность — это общественно опасное явление, система противоправный деяний, общественное место — это место, которое открыто для посещения неограниченного круга лиц в соответствии с назначением такого места. Но при определении общественного места есть свои исключения. Не являются общественным местом территории частных владений; квартиры граждан; чердаки и подвалы, которые, не оборудованы для общего пользования граждан, лестницы, межэтажные переходы, лифт и территории охраняемых объектов. Исходя из всего вышеизложенного, можно сформулировать понятие «преступность в общественном месте» — это противоправные деяния, которые совершаются на открытой, общедоступной в любое время и года для людей территории, подрывающие безопасность людей. Данное определение следует отличать от требований, предъявляемых к преступности, совершаемой в публичных местах.

Выводы

В перечень преступлений, совершенных в общественных местахне входят преступления, которые были совершены на территории частных владений; в квартирах (частных домовладениях) граждан; на чердаках и в подвалах, не оборудованных для общего пользования граждан, на лестницах, межэтажных переходах, в лифтах, местах общего пользования коммунальных квартир и т. п.; на территории охраняемых объектов, т. к. эти территории не являются общественным местом [1, с. 896].

К наиболее распространённым преступлениям, которые совершаются в общественном месте, относятся:

а) преступления против жизни и здоровья (убийства, причинение вреда здоровью);

б) преступления против половой неприкосновенности и половой свободы (изнасилование);

в) преступления против собственности (кража, грабеж, разбой, мошенничество);

г) преступления против общественной безопасности и общественного порядка (хулиганство, вандализм, незаконное ношение оружия);

д) преступления против здоровья населения (незаконный оборот наркотиков).

Как показывает статистика, преступления, которые совершаются в общественных местах, примерно составляют ⅓ часть от всех зарегистрированных преступных посягательств. Т. е. можно говорить о том, что данный вид преступности очень распространенный [2, с. 504].

Заключение

В качестве перспективных направлений предупреждения преступлений, которые совершаются в общественных местах, необходимо разрабатывать научные программы, отражающие специфику предупреждения преступлений в общественных местах, внедрить системы мониторинга местоположения патрульных экипажей и слежения в режиме реального времени за состоянием обстановки в местах массового пребывания граждан. Увеличить плотность уличных нарядов.

Как можно больше благоустроить районы, улицы городов, в части освещения, т. к. основная часть преступлений совершается в вечернее и ночное время [5, с. 112].

Увеличить число рабочих мест, в частности для лиц, которые имеют среднее или среднеспециальное образование. Проводить в школе открытые уроки с сотрудниками органов внутренних дел и вовлекать учащихся в борьбу с различными преступлениями [4].

Государству необходимо как можно больше поддерживать малоимущих и многодетных семей различными социальными поддержками.

Стоит пропагандировать здоровый образ жизни несовершеннолетним. Нужно как можно больше проводить культурно-спортивные мероприятия с вовлечением молодежи.

Ну и заключительной мерой предупреждения преступлений в общественном месте будет считаться ужесточение уголовной ответственности за них. Например, внести дополнительный пункт «с» — «совершение в общественном месте» в ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание», с целью порождения у лица, совершившего противоправное деяние, определенного страха, что оно не останется безнаказанным.

Список источников

1. Афанасьева О. Р., Гончарова М. В., Шиян В. И. Состояние и тенденции преступности в общественных местах // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 6. С. 895–908. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).895-908

2. Вечканова А. Н., Некрасов А. П. Уголовно-правовая характеристика общественного места как факультативного признака объективной стороны преступления // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16, № 4. С. 503–511. DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).4.503-511

3. Майоров А. В. Кражи в общественных местах: криминологическая характеристика и виктимологическая профилактика : дис. … канд. юрид. наук. 12.00.08. Челябинск, 2004. 168 с.

4. Майоров А. В. Кражи в общественных местах : монография. Челябинск : Цицеро, 2006. 112 с.

5. Тарубаров В. В. Общественные места как участки местности с повышенной опасностью // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 112–115.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ
Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 20.06.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 20.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 343.918

С. 114–119

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ТОРГОВЦА ЛЮДЬМИ

Ирина Ивановна Кузнецова[1], Ольга Геннадьевна Пимакова[2]
[1,2]Орловский ЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[1]samkuznets@mail.ru
[2]olgapimakova@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время торговля людьми выступает одной из самых опасных и прибыльных форм организованной преступности, приобретая тем самым характер транснациональной преступности. При этом одним из средств торговли людьми выступает контрабанда мигрантов. Статистический учет данного вида преступности в России фактически отсутствует, что обусловлено рядом факторов. Существенное влияние на раскрытие и расследование преступлений, данной категории оказывают личностные характеристики торговца людьми и жертвы. К сожалению, ни одно ведомство на территории РФ не обладает точными данными о масштабах совершаемых деяний и количестве жертв. При разработке типологии лиц, совершающих преступления, можно использовать различные подходы. Основополагающую роль в борьбе с траффикингом обеспечивает эффективное международное сотрудничество и взаимодействие с правоохранительными органами других государств, однако четкий механизм противодействия отсутствует.

Ключевые слова: торговля людьми, траффикер, организованная преступность, международное сотрудничество, рабство, личность преступника

Для цитирования: Кузнецова И. И., Пимакова О. Г. Криминологическая и психологическая характеристика личности торговца людьми // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 114–119.

Scientific article

CRIMINOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE TRAFFICKER'S PERSONALITY

Irina I. Kuznetsova[1], Olga G. Pimakova[2]
[1,2]Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia
[1]samkuznets@mail.ru
[2]olgapimakova@yandex.ru

Abstract. Currently, human trafficking is one of the most dangerous and profitable forms of organized crime, thereby acquiring the character of transnational crime. At the same time, one of the means of human trafficking is the smuggling of migrants. There is virtually no statistical accounting of this type of crime in Russia, which is due to a number of factors. The personal characteristics of the trafficker and the victim have a significant impact on the disclosure and investigation of crimes in this category. Unfortunately, no agency in the territory of the Russian Federation has accurate data on the scale of the acts committed and the number of victims. When developing a typology of persons committing crimes, various approaches can be used. Effective international cooperation and interaction with law enforcement agencies of other states provide a fundamental role in the fight against trafficking, but there is no clear mechanism of counteraction.

© И. И. Кузнецова, О. Г. Пимакова

Keywords: human trafficking, trafficker, organized crime, international cooperation, slavery, criminal identity

For citation: Kuznetsova II, Pimakova OG. Criminological and psychological characteristics of the trafficker's personality. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):114-119. (In Russ.)

Введение

В настоящее время проблема торговли людьми, с учетом высокой латентности этого социально-правового явления остается актуальной как на государственном, так и на общественном уровне, так как личная свобода человека, его здоровье, безопасность его жизни являются высшими ценностями. Как предупреждение, так и раскрытие данного вида преступлений являются весьма сложными, в силу того, что фигуранты зачастую являются людьми, демонстрирующими нормальный уровень социальной адаптации, широкие связи в высоких социальных кругах и внешне законопослушное поведение. Вследствие этого авторам представляется важным изучить криминологические и психологические особенности субъекта преступления.

Резолюцией Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года[1] был принят Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, где в ст.3 нашло свое официальное закрепление торговли людьми.

Так торговля людьми означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо[2].

Таким образом, под преступностью в сфере торговли людьми следует понимать негативное социально-правовое явление, которое состоит в незаконной деятельности по передаче человека, его прав и свобод, за определенное вознаграждение, на определенной территории, за определенный промежуток времени.

Цель данной статьи — определить криминологические и психологические особенности личности торговца людьми (траффикера), значимые для профилактики, расследования, раскрытия данного вида преступлений.

Методы исследования: анализ статистических данных, анализ судебной практики, анализ фактологического материала, опубликованного в СМИ, биографический метод исследования личности.

Описание результатов исследования

Обратимся к рассмотрению основных особенностей торговли людьми в мире и в России.

1. Расширение сферы применения работорговли. В настоящее время по всему миру рабский труд используется преступниками во многих сферах жизнедеятельности, например, предоставление сексуальных услуг, съемка порнографии, использование в различных сферах трудовой деятельности, использование в качестве донорского материала, участие в вооруженных конфликтах и т. д.

2. Возникновение новых форм торговли людьми. Понуждение к предоставлению сексуальных услуг посредством сети Интернет, понуждение к подневольному труду, выполнение трудовой деятельности без соответствующей оплаты, либо с невыполняемыми обещаниями по оплате, понуждение к трудовой деятельности без договора, с нарушением норм рабочего времени, с увеличенной эффективностью.

3. Торговля людьми является крупнейшим международным преступным бизнесом, в котором важную роль играет организованная преступность. В основном она обладают высокой степенью организованности и профессионализма. Ее можно отнести к одному из разновидностей прибыльного бизнеса, так как она пользуется поддержкой со стороны органов государственной власти. Их лица заинтересованы в сокрытии незаконной

[1] Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 26.06. 2022).

[2] Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности // ООН : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 26.06. 2022).

деятельности, которая носит завуалированный характер. В основном она маскируется под деятельность международных агентств по трудоустройству, брачных агентств и т. д. Как преступное деяние, торговля людьми является довольно сложным с точки зрения организации и реализации процессом, поскольку требует интеллектуальных, координационных, материальных затрат. Если представлять деятельность по торговле людьми схематично, то она имеет следующее выражение: вербовка — перевозка — передача. Но даже в кратком изложении становится понятно, что для проведения действий по торговле людьми необходимо наличие не одного преступника [1, с. 80]. Для осуществления этой преступной деятельности как правило задействуют лиц, выполняющих определенные функции. Среди них могут быть:

— организатор, лицо, которое создает группу и координирует ее деятельность, распределяет роли соучастников, их ответственность и полномочия, управляет финансовыми потоками;

— вербовщик, лицо, которое будет непосредственно привлекать, подвергая психологической обработке нужных людей;

— водитель, лицо, которое будет осуществлять перевозку людей в пункт назначения;

— «смотрящий» (смотрящие), лицо или группа лиц, которые будут присматривать за перевозимыми людьми;

— посредник, лицо, которое может выполнять такие функции, как поиск «покупателей», договоренность о сделке с «покупателями», передача «товара» «покупателю»;

— «финансист», лицо, которое будет заниматься технической стороной сделок и финансовых вопросов.

Вместе с тем, мы не исключаем возможности осуществления большинства или, по крайней мере, части указанных функций одним человеком.

Анализируя статистические данные по количеству лиц, осужденных по ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» мы получили следующие данные, так в 2017 г. осуждено 26 человек, 2018 г. — 18, в 2019 г. — 16, 2020 г. — 16, 2021 — 16[1]. В последние годы прослеживается перемещение данного вида преступной деятельности в виртуальное пространство, что существенно оказывает влияние на противодействие этой преступности.

Существенным для профилактики, расследования и раскрытия преступлений в сфере торговли людьми является изучение личности траффикера. Отметим, что, исходя из перечисленных выше ролей, которые может выполнять участник преступления, сложно создать универсальный портрет преступника. Принимая во внимание данное положение, можно выделить лишь наиболее часто наблюдаемые криминологические, личностные и психологические особенности торговцев людьми [2, с. 56].

Анализ личностных особенностей лиц, участвующих в траффикинге, представляется возможным провести с опорой на структуру личности. Это позволит выделить такие особенности, которые способствуют формированию личности преступника. Раскрывая концепцию личности, К. К. Платонов, указывает что «личность представляет собой динамичную систему подструктур, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой, элементы которых могут претерпевать качественные и количественные изменения, при сохранении их функций» [3, с. 17]. В разработанной структуре личности выделяется:

— подструктура направленности и отношений личности к окружающей действительности;

— подструктура опыта;

— подструктура индивидуальных особенностей психических процессов;

— подструктура биопсихических свойств [3, с. 15].

Взаимодействие этих подструктур образует характер личности как систему устойчивых мотивов и способов поведения, или поведенческий тип личности.

Рассмотрим составляющие каждой подструктуры применительно к личности субъектов преступления, и ролевых позиций, которые они могут занимать в структуре преступного деяния.

1. Подструктура биопсихических свойств включает природные, биологически обусловленные свойства: тип нервной системы, темперамент, возрастные, половые, некоторые физиологические свойства организма.

В траффикинге участвуют чаще всего мужчины в возрасте от 18 до 24 лет и от 30 до 40 лет. Первая возрастная группа — чаще всего лица, выступающие в роли водителя, смотрящего, иногда роль посредника. Вторая возрастная группа объединяет лиц, выступающих в роли вербовщиков, организаторов, «финансистов», посредников. Очевидно, что

[1] Данные ГИАЦ МВД РФ о состоянии преступности в России за январь — декабрь 2017 г., 2018 г., 2019 г., 2020 г., 2021 г. // Официальный сайт МВД РФ : [сайт]. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 26.06. 2022).

определяющим здесь выступает не столько возраст, сколько наличие необходимых знаний и навыков. Доля женщин не значительна и приходится на группу в прошлом занимавшихся проституцией. В основном они играют значительную роль, подстрекая, мужчин на совершение различных форм насилия.

2. Подструктура индивидуальных особенностей психических процессов включает все индивидуальные свойства отдельных психических процессов, ставшие именно свойствами личности, придающие ее индивидуальность. Сюда относятся, например, индивидуальные особенности мышления, восприятия, памяти, эмоций и чувств, воли и др.

Следует отметить, что высокий интеллект в сочетании с другими развитыми когнитивными функциями является отличительной особенностью, необходимой для траффикера в роли организатора, вербовщика, посредника, «финансиста».

3. Подструктура опыта объединяет весь социальный опыт, приобретенные человеком в процессе взаимодействия в микро- и макросреде. Подструктура опыта включает знания, навыки, умения, привычки.

Рассматривая характерологические особенности лиц, вовлеченных в торговлю людьми, отметим, что они определяют роль или характер соучастия в преступлении. Первой группе (водитель, смотрящий, другие рядовые исполнители) характерны наглость, дерзость, стремление к спонтанному удовлетворению потребностей, агрессивность, стремление к доминированию, возможно, склонность к перверсиям. Характеризуя социальное положение первой группы, отметим, что это лица официально не трудоустроены, но каждый второй считает себя предпринимателем. Лица со средним образованием играют подчиненную роль и выступают непосредственными исполнителями сделок по торговле людьми.

Вторая группа (организатор, вербовщик, посредник) отличается хитростью, расчетливостью, энергичностью. Для них (организатор, вербовщик, посредник) характерно наличие высшего образования и специальных навыков.

Если говорить о вербовщиках, то однозначно можно сказать, что это люди, обладающие развитыми коммуникативными навыками и знаниями в области психологии, в частности психологического воздействия. Участник группы, находящийся только в роли вербовщика может не знать все подробности организуемого его сообщниками бизнеса — в подобных преступных группах используется строгая иерархия.

Что касается лиц, организующих торговлю людьми для продажи в сексуальное рабство, то по оценкам исследователей ¼ часть их приходится на лиц, которые выполняют или выполняли функции представителя власти. Часто это лица, имеющие очень широкие социальные контакты и связи среди влиятельных представителей власти и бизнеса. Так, например, «приговоренная судом Нью-Йорка к 20 годам тюрьмы Г. Максвелл признана виновной по пяти пунктам обвинения, наиболее серьезный из которых — торговля несовершеннолетними с целью сексуальной эксплуатации. Г. Максвелл (кстати, получившая образование в Оксфорде), состояла в любовной связи с американским финансистом и миллиардером Д. Эпштейном, общалась с членами английской королевской семьи, президентами и миллиардерами»[1].

Если преступники занимаются торговлей в целях изъятия органов и тканей, то в основном это лица, имеющие медицинское образование.

4. Подструктура направленности представляет собой ценностно-ориентационную систему личности, иерархию ее базовых потребностей, ценностей и устойчивых мотивов поведения. Система ценностной ориентации личности является базой многообразных отношений личности к действительности, иерархизирует мотивационную систему личности [4, с. 101].

Можно утверждать, что преступники этой категории имеют антигуманную направленность, что выражается в обесценивании прав, свобод личности, пренебрежительном отношении к жизни и здоровью человека, скрытое или явное пренебрежение к нормам морали и нравственности. Следует также отметить, что, как правило, эта категория лиц не образует собственных сколько-нибудь устойчивых семейных связей.

Криминологический и социально-психологический анализ преступных групп занятых торговлей людьми, показывает, что эти группы наделены признаками сплоченности, четкостью иерархии, а также планированием преступных действий с распределением ролей между участниками, поскольку торговля людьми — сложная и многоаспектная деятельность, требующая вложения большого количества сил, а чаще всего и денежных средств.

[1] Правда торжествует: подругу финансиста Эпштейна приговорили к 20 годам тюрьмы // Вести.Ru. URL: https://www.vesti.ru/article/2820286 (дата обращения: 30.06.2022).

Помимо деятельности преступных групп по систематической продаже людей, довольно распространенной является форма продажи человека одним лицом, продавцом-одиночкой. Можно отметить, что это лица, с нарушением социальной адаптации, самоуверенные, обладающие чувством превосходства над другими, при полном пренебрежении к правам и свободам человека, общепринятым моральным нормам. Мотивом преступления здесь также является получение материального вознаграждения.

Еще одной особенностью преступности в сфере торговли людьми является ее низкий рецидив.

Хотелось бы выделить две группы факторов, которые обуславливают торговлю людьми:

1) способствующие распространению практики торговли людьми и влияющие на структуру торговли людьми:

— высокая доходность от преступной деятельности;

— миграция и перераспределение миграционных потоков во всем мире;

— низкий уровень дохода населения;

— неудовлетворительная работа правоохранительных органов;

— несовершенство законодательства;

2) осложняющие эффективную борьбу с торговлей людьми:

— высокая латентность;

— развитие транснациональной торговли людьми;

— появление новых каналов поставки;

— изменение спроса на «живой» товар;

— отсутствие должного контроля за законностью деятельности организаций, занимающихся трудоустройством граждан России.

Поэтому важную детерминирующую роль в механизме преступного поведения занимают: глобализация организованной преступности, усиление процессов миграции и открытость границ со странами СНГ.

В условиях пандемии во всем мире наблюдается ухудшение ситуации по сравнению с предыдущими годами. В свете карантина, введенного во многих странах мира, торговцы людьми используют цифровые технологии и другие современные средства для вербовки и эксплуатации. В наиболее уязвимом положении снова оказываются женщины и девочки, которые более других пострадали в результате экономического кризиса, оставшись без работы и средств к существованию.

Если обращаться к характеристике жертв торговли можно выделить следующие особенности. Чаще всего ими становятся наименее защищенные социальные группы — это женщины и лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, и именно поэтому важную роль для данной группы лиц имеет профилактика преступности.

В последнее время участились случаи, использования детей, достигших определенного возраста, а также женщин — студенток различных учебных заведений, для участия в вооруженных конфликтах на территориях других государств, которые предварительно поддались и прошли идеологическую подготовку посредством сети Интернет. К сожалению, в настоящее время уровень криминального поражения женщин остается достаточно высоким.

Большая часть жертв не являются коренными жителями городов и мегаполисов, а приезжают из поселков и деревень, где испытывают трудности в трудоустройстве. Особый интерес у вербовщиков вызывают лица из неблагополучных и неполных семей, где родители злоупотребляют спиртным напитками, наркотиками и, которым требуется материальная помощь.

В настоящее время борьба с торговлей людьми — одна из самых актуальных проблем, для решения которой мировое сообщество использует все доступные средства. Для этого между странами налаживается стратегическое сотрудничество, и активизируются определенные усилия в этом направлении.

Противодействие торговле людьми осуществляется в различных формах. Во многих странах созданы учреждения, специализирующиеся по вопросам борьбы с торговлей людьми. Одной из самых эффективных мер, связанной с противодействием торговле людьми остается совершенствование нормативной правовой базы.

Заключение

Таким образом, проводимое нами исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Торговля людьми является крайне опасной формой преступного поведениятак как посягает не только на права и свободу человека, но и на его человеческое достоинство, жизнь и здоровье.

2. Торговля людьми чаще всего имеет характер группового преступления. Однако, отмечены случаи совершения данного вида преступления одним лицом.

3. Траффикинг требует активного противодействия, незамедлительного расследования, поскольку злоумышленники могут быть установлены лишь по горячим следам, после того, как человек будет продан (особенно если речь идет о продаже «за границу»), с каждым

днем вероятность его спасения становится все меньше и меньше.

4. Обозначенные криминологические, социально-психологические и психологические особенности траффикера могут быть использованы для осуществления профилактики и раскрытия такого вида преступлений.

5. Криминологические, социально-психологические и психологические особенности траффикера необходимо учитывать при организации виктимологической профилактики торговли людьми.

6. Считаем необходимым создание специальных подразделений правоохранительных органов по борьбе с торговлей людьми, оснащенными, в том числе, ресурсами противодействия данному виду преступлений в киберпространстве, имеющими возможность сотрудничества с зарубежными правоохранительными органами.

Список источников

1. Пимакова О. Г. Криминологический аспект торговли людьми // Государственная служба и кадры. 2021. № 5. С. 79–81.
2. Пимакова О. Г. Личность преступника террориста // Виктимология. 2018. № 4 (18). С. 54–58.
3. Платонов К. К. Структура и развитие личности. Москва, 1986.
4. Еникеев М. И. Общая и юридическая психология. Санкт-Петербург : Питер, 2006. 320 с.

ВКЛАД АВТОРОВ
Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS
Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ
Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.07.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 25.07.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 343.9

С. 120–128

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ, СУЩНОСТИ И ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (часть 2)

Валерий Иннокентьевич Шестаков
Институт проблем безопасности и устойчивого развития, Москва, Россия
shestakovvi@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы действующего законодательства в области профессиональной сыскной деятельности и частной детективной деятельности и предложены пути их решения. Обоснована необходимость принятия общего федерального закона о профессиональной сыскной деятельности, отдельного Федерального закона «О частной детективной деятельности», внесении изменений в другие федеральные законы, а также поддержана идея о целесообразности формирования новой отрасли права — детективного права как своевременного реагирования государства на необходимость упорядочения сложившихся детективных правоотношений.

Ключевые слова: сыскология, детективология, профессиональная сыскная деятельность, частная детективная деятельность, детективные услуги, детективное право

Для цитирования: Шестаков В. И. Системный подход к пониманию правовой природы, сущности и правовому регулированию частной детективной деятельности (часть 2) // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 120–128.

Research article

A SYSTEMATIC APPROACH TO UNDERSTANDING THE LEGAL NATURE, ESSENCE AND LEGAL REGULATION OF PRIVATE DETECTIVE ACTIVITY (part 1)

Valery I. Shestakov
Institute for Security and Sustainable Development, Moscow, Russia
shestakovvi@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of the current legislation in the field of professional detective activity and private detective activity and proposes ways to solve them. Justified the need for a general federal law on professional detective activities, a separate federal law "On private detective activities", amendments to other federal laws, and also supported the idea of the expediency of the formation of a new branch of law - detective law as a timely response of the state to the need to streamline the existing detective legal relations.

Keywords: detective science, detectiveology, professional detective activity, private detective activity, detective services, detective law

For citation: Shestakov VI. A systematic approach to understanding the legal nature, essence and legal regulation of private detective activity (Part 2). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):120-128. (In Russ.)

Окончание (начало в № 2, 2022).

© В. И. Шестаков

Рассмотрим обозначенные ранее элементы, характеризующие частную детективную деятельность.

2. Сущность частной детективной деятельности

Определить сущность частной детективной деятельности, значит, раскрыть самое главное и существенное присущее ей внутреннее содержание. Согласно статье 1 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» под частной детективной деятельностью понимается оказание детективных услуг, предусмотренных частью 2 статьи 3 данного Закона. Поэтому именно они определяют суть рассматриваемого вида деятельности и характеризуют её содержание.

Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (часть 2 статьи 3) предусматривает 8 видов детективных услуг. В зависимости от направленности и статуса заказчиков их можно классифицировать на:

- услуги по защите прав и законных интересов участников гражданского и уголовного судопроизводств (п. 1, 7);
- услуги по защите прав и законных интересов ребёнка (п. 8);
- услуги по защите прав и законных интересов предпринимателей (п. 2, 3, 4);
- услуги по защите имущественных прав и законных интересов юридических и физических лиц (п. 6, 8 в части, касающейся поиска имущества должника в соответствии с исполнительным документом);
- услуги по защите прав и законных интересов юридических и физических лиц, связанных с признанием гражданина без вести пропавшим (п. 5).

Рассмотрим каждый из перечисленных видов детективных услуг.

Сбор сведений для невластных участников гражданского и уголовного судопроизводств направлен на обеспечение их права на представление доказательств, заявление ходатайств, всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств гражданского и уголовного дел. Для участников уголовного и гражданского судопроизводств предоставленная Законом РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» возможность заключить договор с частным детективом на сбор сведений позволяет им реализовать предоставленное Конституцией РФ право граждан свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29).

В соответствии с Гражданским процессуальным кодексом (ст. 35) лица, участвующие в деле (стороны, третьи лица, прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения, заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства), вправе представлять доказательства. При этом законодатель не указывает способы собирания такими лицами доказательств, а лишь указывает в части 2 статьи 57 ГК РФ, что в случае, если предоставление необходимых доказательств для этих лиц затруднительно, они вправе ходатайствовать перед судом об оказании им содействия в собирании и истребовании доказательств. Однако для таких случаев есть ещё один законный способ получения указанными лицами необходимых доказательств. Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (п. 1 части 2 ст. 3) предоставляет право лицам, участвующими в деле, за исключением прокурора, заключить с частным детективом возмездный договор на сбор сведений по гражданскому делу. Полученные от частного детектива сведения позволяют заинтересованным лицам реализовать предоставленные законодательством право на представление доказательств, заявление ходатайств о приобщении к гражданскому производству полученных от частного детектива сведений (предметов, документов) в качестве доказательств, о допросе лиц в качестве свидетелей, об истребовании доказательств, об отводе прокурора, судьи, о назначении экспертизы и т. п.

Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства на представление доказательств и заявления ходатайств осуществляется частным детективом путём оказания услуги, предусмотренной пунктом 7 части 2 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (сбор сведений по уголовным делам на договорной основе с участниками процесса).

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ст. 42, 44, 46, 47, 53, 54) предоставляют право невластным участникам уголовного судопроизводства представлять доказательства, заявлять ходатайства, приносить жалобы на действия и решения властных участников уголовного судопроизводства. Кроме того, Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» предоставляет им возможность заключить гражданско-правовой договор с частным детективом на сбор сведений по уголовному делу и использовать полученные от него

сведения в доказывании, обосновании ходатайств, жалоб. Использование невластными участниками уголовного судопроизводства сведений, полученных от частного детектива, является одной из гарантий реализации указанными лицами права на представление доказательств, а, следовательно, и на участие в доказывании, на заявление ходатайств, принесение жалоб [7, с. 122–143].

Как следует из содержания пункта 7 части 2 статьи 3 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» частный детектив осуществляет сбор сведений по уголовному делу, то есть, собирает информацию, необходимую для ответа на вопросы, поставленные участником уголовного судопроизводства и указанные в договоре. В зависимости от статуса участника уголовного судопроизводства частному детективу может быть поручено, собрать сведения о соучастниках преступления, их местонахождении; об очевидцах преступления; лицах, пострадавших от преступления и размере причиненного им вреда; о месте нахождения предметов и орудий преступления, документов, имеющих значение для рассмотрения уголовного дела. Другими словами, частный детектив вправе собирать сведения по уголовному делу как об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), так и о других обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

Содержание и объём собираемых частным детективом сведений определяются процессуальным положением участника процесса, заключившего договор с частным детективом, осуществляемой им процессуальной функции, его процессуальными интересами, а также предметом договора (сведения по вопросам, поставленным заказчиком).

Необходимо иметь в виду, что термин «сведения» нужно понимать в широком его значении. Он включает в себя и сведения (информацию), носителем которой являются предметы и документы.

Важно учитывать и то, что сведения, собираемые частным детективом, и доказательства по уголовному делу — не одно и то же. Как верно указано в названии рассматриваемой услуги, частный детектив собирает и передаёт участнику уголовного судопроизводства не доказательства, а сведения. Доказательствами они становятся после того, как орган расследования или суд, путём производства соответствующих следственных действий, установят их относимость и допустимость, определят достоверность.

Для понимания сущности данной услуги нужно учитывать и ряд других обстоятельств, её характеризующих. Собирание частным детективом сведений по договору с участником уголовного судопроизводства никоим образом не следует рассматривать как «параллельное» расследование уголовного дела. Частный детектив, при оказании указанной услуги, не вправе инициативно осуществлять какие-либо сведения по уголовному делу. Приступить к собиранию сведений по уголовному делу (правильнее было бы говорить о сборе сведений для участника уголовного судопроизводства) частный детектив вправе только после заключения гражданско-правого возмездного договора с конкретным участником уголовного судопроизводства.

Прежде чем заключить договор на сбор сведений по уголовному делу, частный детектив должен удостовериться в том, что заказчик данной детективной услуги обладает статусом участника уголовного судопроизводства, имеющего право заключить указанный договор. Далее, частный детектив не вправе для сбора сведений по уголовному делу производить какие-либо процессуальные действия. Для этого он вправе осуществлять только действия, предусмотренные статьей 5 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

Частный детектив не является участником уголовного судопроизводства и поэтому не вступает в уголовно-процессуальные отношения, как с властными, так и невластными участниками уголовного судопроизводства. Его отношения с невластными участниками уголовного судопроизводства являются гражданско-правовыми отношениями. Уголовно-процессуальные отношения с властными участниками уголовного судопроизводства могут возникнуть у частного детектива только в случае вызова его на допрос в качестве свидетеля либо на основании ходатайства заказчика данной услуги или по инициативе органов расследования или суда. Кроме того, такие уголовно-процессуальные отношения могут возникнуть и при исполнении частным детективом требования, предусмотренного пунктом 7 части 2 статьи 7 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», обязывающего частного детектива в течение суток с момента заключения договора с заказчиком письменно уведомить об этом лицо, производящее дознание, следователя или суд, в чьём производстве находится уголовное дело. Предметом допроса частного детектива в качестве свидетеля могут являться обстоятельства,

связанные с оказанием услуги по сбору сведений по уголовному делу.

Характеризуя услугу, предусмотренную пунктом 7 части 2 статьи 3 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», следует обратить внимание на ряд общих признаков, которые присущи сведениям, собираемым частным детективом и сведениям, полученным органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и представляемыми органам предварительного расследования и суду.

С точки зрения теории доказательств правовая природа сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности и частной детективной деятельности, по существу, одинакова. Результаты частной детективной деятельности по своей правовой природе сходны с результатами оперативно-розыскной деятельности, и те и другие относятся к информации, полученной не процессуальным путём, поэтому они используются в доказывании по уголовному делу на одних и тех же условиях — должны отвечать требованиям, предъявляемым к доказательствам (относимость, допустимость, достоверность). И те и другие сведения направлены на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, с той лишь разницей, что сведения, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, представляются властным участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения (в орган предварительного расследования или в суд), а сведения, полученные в процессе осуществления частной детективной деятельности, передаются как отдельным участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения (потерпевшему, гражданскому истцу, частному обвинителю), так и участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты.

Как результаты оперативно-розыскной деятельности, так и результаты частной детективной деятельности получены в результате законной профессиональной деятельности и в порядке, установленном законодательством. И, наконец, в случае использования в доказывании сведений, полученных в ходе оперативно-розыскной и частной детективной деятельностей, к ним предъявляются одинаковые требования — они должны отвечать требованиям, предъявляемым Уголовно-процессуальным кодексом РФ к доказательствам.

Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (п. 8 части 2 статьи 3) предоставляет частному детективу право оказывать на договорной основе с взыскателем услугу, связанную с поиском ребёнка по исполнительному документу, содержащему требование об отобрании или о передаче ребёнка, порядке общения с ребёнком, требование о возвращении незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации ребёнка или об осуществлении в отношении такого ребёнка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации. По своему характеру и содержанию она направлена на защиту прав и законных интересов ребёнка и взыскателя. Речь в данном случае идёт о защите прав ребёнка, предусмотренных п. 2 ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации, согласно которому каждый ребёнок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам.

Если указанные права ребёнка нарушены и принятые судебным приставом-исполнителем действия, предусмотренные законом, не привели к установлению местонахождения ребёнка, Федеральный закон «Об исполнительном производстве» (ст. 65) предусматривает исполнительный розыск ребёнка. В соответствии с п. 1.1 ч. 1 статьи 65 ФЗ № 229 указанного Федерального закона под исполнительным розыском ребёнка понимаются проводимые судебным приставом-исполнителем, на которого возложены функции по розыску, предусмотренные данной статьёй исполнительно-розыскные действия, направленные на установление местонахождения ребёнка. Непосредственно объявление розыска ребёнка производится на основании соответствующего заявления взыскателя либо по инициативе судебного пристава-исполнителя, в производстве которого находится исполнительное производство.

Частный детектив осуществляет поиск ребёнка только в рамках исполнительного производства, которое содержит одно из следующих требований: 1) об отобрании ребёнка; 2) о передаче ребёнка; 3) о порядке общения с ребёнком; 4) о возвращении ребёнка, незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации; 5) об осуществлении в отношении ребёнка, незаконно перемещённого в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации, прав доступа на основании международного договора Российской Федерации.

Заказчиком данной услуги могут быть взыскатели (гражданин или организация, в пользу или в интересах которых выдан исполнительный документ). Судебный пристав-исполнитель таким правом не наделён. В соответствии с пунктом 11 статьи 65 Федерального закона «Об исполнительном производстве» для производства розыска судебный пристав-исполнитель, осуществляющий розыск, по заявлению взыскателя вправе использовать сведения, полученные в результате осуществления частной детективной деятельности.

Таким образом, оказание частным детективом услуги по поиску ребёнка на основании договора с взыскателем является дополнительным средством защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов, как ребёнка, так и заказчиков данной услуги, способствует реализации государственной политики в области охраны прав детей, обеспечению максимальных возможностей для развития, воспитания, обучения, социализации личности ребёнка.

К услугам по защите прав и законных интересов предпринимателей относятся услуги, предусмотренные пунктами 2, 3, 4 и пункта 8 (в части, касающейся поиска лица, являющегося должником в соответствии с исполнительным документом) части 2 статьи 3 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», а именно:

- изучение рынка, сбор информации для деловых переговоров, выявление некредитоспособных или ненадёжных деловых партнеров;
- установление обстоятельств неправомерного использования в предпринимательской деятельности фирменных знаков и наименований, недобросовестной конкуренции, а также разглашения сведений, составляющих коммерческую тайну;
- выяснение биографических и других характеризующих личность данных об отдельных гражданах (с их письменного согласия) при заключении ими трудовых и иных контрактов;
- поиск в соответствии с исполнительным документом лица, являющегося должником заказчика, занимающегося предпринимательской деятельностью. Несмотря на различный характер услуг, составляющих данный вид, их объединяет то, что все они направлены на обеспечение безопасности предпринимательской деятельности заказчиков детективных услуг путём выявления, предупреждения и пресечения правонарушений в сфере экономической деятельности, информационного обеспечения предпринимательской деятельности, имущественных прав заказчика, защиты коммерческой и иной охраняемой законом тайны, выявления недобросовестных работников.

Оказание указанных услуг юридическим и физическим лицам, занимающимся предпринимательской деятельностью, также способствует реализации гражданами своего конституционного права на занятие предпринимательской деятельностью (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ).

Услуги по защите прав и законных интересов юридических ифизических лиц, являющихся собственниками имущества или владеющих им на ином законном основании (п. 6, 8 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации») направлены на обеспечение права собственности. В ходе их оказания частный детектив осуществляет поиск утраченного гражданами или предприятиями, учреждениями, организациями имущества, а также поиск имущества должника в соответствии с исполнительным документом. Заказчиками указанных детективных услуг могут быть любые юридические и физические лица.

К отдельному виду детективных услуг отнесён поиск без вести пропавших граждан, которые оказываются в целях защиты прав и законных интересов заинтересованных лиц (родственники, знакомые, органы опеки и попечительства и другие лица). Поиску без вести пропавшего лицапредшествует признание судом лица безвестно отсутствующим в соответствии с Гражданским кодексом РФ (ст. 42). Из буквального толкования пункта 5 части 2 статьи 3 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» можно сделать вывод, что частный детектив вправе заключить договор на поиск пропавшего лица только в том случае, если заказчиком является гражданином Российской Федерации. Однако на практике частные детективы заключают такие договоры и с лицами, не являющимися гражданами Российской Федерации (лицами без гражданства, иностранными гражданами, в том числе проживающими на территории России). Правомерность такой практики основывается на положениях Конституции РФ, согласно части 3 статьи 62 иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и исполняют обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации.

Таким образом, частный детектив, оказывая услуги по поиску пропавших без вести лиц, осуществляет защиту прав и законных интересов заинтересованных лиц, не только являющимися гражданами России, но и иностранных граждан, а также лиц без гражданства.

Обязанность розыска лиц, пропавших без вести, возлагается на правоохранительные органы. Поиск таких лиц по договору с заинтересованными лицами служит дополнительным средством для их своевременного обнаружения. Сведения, полученные детективом, могут быть использованы правоохранительными органами для эффективного поиска пропавших без вести лиц, что является одним из способов оказания им содействия в решении стоящих перед ними задач.

3. Правовое регулирование частной детективной деятельности

Создание цивилизованного рынка детективных услуг и дальнейшее его развитие, повышение эффективности частной детективной деятельности невозможно при отсутствии законодательства, отвечающего потребностям практики, интересам потребителей детективных услуг, происходящим изменениям в стране. Отсутствие основательной правовой базы, постоянное запаздывание с принятием необходимых законов существенно тормозит развитие частного сыска в России, не способствует решению частными детективами задач по обеспечению безопасности предпринимательской деятельности, защите прав и законных интересов заказчиков детективных услуг.

Характерной особенностью последнего времени является то, что детективное законодательство рассматривается как единая система, единое целое и одновременно как составная, логически непротиворечивая часть сыскного законодательства и всей правовой системы российского законодательства. В настоящее время у детективного сообщества имеется чёткое представление относительно того, каким должно быть детективное законодательство в целом, и в каком направлении оно должно совершенствоваться. Важно и то, что в отличие от прошлых лет, это понимание материализовано в конкретных документах, законопроектах [4, с. 237–244; 6, с. 60–68; 9].

Так учеными, рассматривающими частную детективную деятельность как один из видов профессиональной сыскной деятельности, обосновывается целесообразность формирования новой отрасли права — детективного права как своевременного реагирования государства на необходимость упорядочения сложившихся детективных правоотношений. Они определяют детективное право как социально обусловленную систему правовых норм, регулирующую отношения (детективные отношения), возникающие в детективной деятельности в связи и по поводу оказания законных детективных услуг [2; 11]. Другими словами, детективное право — это система правовых норм, регулирующих публично- и частноправовые отношения, возникающие в процессе осуществления частной детективной деятельности.

Определены и научно обоснованы концептуальные подходы к правовому регулированию частной детективной деятельности [4, с. 237–244]. Специалистами ННФ «Институт проблем безопасности и устойчивого развития» разработаны Модельный закон и проект федерального закона о частной детективной деятельности, о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, в части, касающейся использования результатов частной детективной деятельности в доказывании по уголовным делам [5, с. 13–51, 166–175; 6, с. 87–93].

В настоящее время частная детективная деятельность регулируется Законом РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» и принятыми в соответствии с ним подзаконными правовыми актами. Анализ его содержания свидетельствует о том, что принятый в 1992 году закон к настоящему времени существенно устарел, поскольку в основном отражает реалии, характерные для того времени, когда детективная деятельность находилась в стадии зарождения, отсутствовала практика, многие актуальные вопросы были теоретически не проработаны. Кроме того, с момента его принятия существенно изменилось законодательство Российской Федерации, составляющее правовую основу детективной деятельности.

Наличие в указанном Законе нечётких формулировок и положений, устаревших терминов, затрудняет их понимание, допускает двоякое толкование, что в итоге создаёт серьёзные проблемы в его применении на практике, побуждает частных детективов вынужденно идти на нарушение законодательства. Значительная часть его норм и положений противоречат друг другу и нормам, содержащимся в других законах.

Существующая практика совершенствования детективного законодательства путём внесения в него изменений оказалась бесперспективной. Значительного улучшения его содержания от такого «латания» не произошло. Наоборот, внесённые в него изменения

в ряде случаев ухудшили его, привнесли новые противоречия, несогласованности с другими отраслями права. Поэтому необходимо отказаться от дальнейшего «латания» действующего законодательства и приступить к разработке принципиально нового детективного законодательства, отвечающего потребностям практики и науки, в том числе, формирующейся новой науки о профессиональной сыскной деятельности — сыскологии.

Было бы правильным приступить к решению этой задачи с разработки концепции сыскного законодательства. В ней, на основе системного подхода к правовому регулированию частной детективной деятельности, определиться с перечнем необходимых для этого законов, их содержанием, последовательностью принятия.

В законотворческой деятельности существует принципиальное положение относительно последовательности принятия законов: вначале принимаются законы более высокого уровня, которые носят общий, базовый характер, а затем на их основе разрабатываются законы частного характера.

С учётом положений сыскологии о единой профессиональной сыскной деятельности и её видовом характере, вначале следует подготовить и принять общий, базовый федеральный закон «О профессиональной сыскной деятельности». Идею о необходимости разработки и принятии такого федерального закона поддерживают и сторонники сыскологии [1; 3, с. 100–101; 10]. Он будет составлять ядро правовой основы сыскного законодательства, являться «рамочным», общим законом по отношению ко всем другим законам, регулирующим виды профессиональной сыскной деятельности, служить методологической основой для видового законодательства и ориентиром для решения частных вопросов, возникающих при осуществлении различных видов сыскной деятельности.

Следует отметить, что содержание предлагаемого указанного федерального закона учёными, занимающимися проблемами профессиональной сыскной деятельности, детально не рассматривалось. Ими обосновывалась лишь необходимость разработки и принятия такого закона, а также вносились отдельные предложения частного характера, как, например, чётко разграничить государственную и негосударственную профессиональную сыскную деятельность.

Представляется, что Федеральный закон «О профессиональной сыскной деятельности» должен содержать следующие основные положения.

В целях унификации сыскной терминологии в нём следует дать основные понятия, характеризующие профессиональную сыскную деятельность, определить её правовую основу, цели, задачи, принципы, виды, сферу деятельности каждого вида сыскной деятельности, средства, прописать общие признаки, присущие всем видам профессиональной сыскной деятельности, а также осветить другие вопросы общего характера.

Подготовка проекта указанного федерального закона предполагает мобилизацию интеллекта всего сыскного сообщества, средоточие результатов его научной деятельности в едином координирующем методологическом центре исследований теории и практики сыска. Учитывая, что профессиональный сыск включает в себя как государственный, так и частный сыск, то таким центром могло бы стать одно из государственных научных учреждений. Специалисты ННФ «Институт проблем безопасности и устойчивого развития» готовы принять активное участие в его разработке, в частности, по такому научному направлению как детективология, который располагает для этой работы всем необходимым. Его специалисты более двадцати лет занимаются проблемами частного сыска. Ими разработаны Концепция детективного законодательства, проекты Федеральных законов «О частной детективной деятельности», «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс», проекты Модельных законов «О негосударственной (частной) сыскной деятельности», «О негосударственных субъектах обеспечения национальной безопасности» и др.

В связи с тем, что подготовка проекта Федерального закона «О профессиональной сыскной деятельности» и его принятие потребует значительного времени в настоящее время для совершенствования детективного законодательства следует, наряду с работой по подготовке указанного общего федерального закона, сосредоточить внимание на подготовке и принятии нового, отдельного Федерального закона «О частной детективной деятельности».

Необходимость подготовки отдельного закона, регламентирующего частную детективную деятельность, обусловлена следующими обстоятельствами.

Практика детективной деятельности нуждается в законодательстве, отвечающем современным реалиям, основанном на действующем законодательстве, новым научным направлениям в данной сфере.

Существует потребность в принятии отдельного федерального закона, регулирующего частную детективную деятельность.

В настоящее время частная детективная и охранная деятельности необоснованно регулируются одним законом — Законом РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». В соответствии с законодательством (п. 31, 32 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности») частная детективная и охранная деятельности представляют собой два отдельных, самостоятельных вида деятельности, у которых практически нет ничего общего, что давало бы основание регулировать их в одном законе. Они различны по своему содержанию, характеру, оказываемым услугам, правовой природе. Охранная деятельность в основном нацелена на обеспечение сохранности имущества юридических и физических лиц, защите жизни и здоровья охраняемых граждан, в то время как детективная — представляет собой разновидность сыскной, юридической деятельности, а её содержанием является сбор сведений в рамках оказываемых детективных услуг. Различно и содержание указанных видов деятельности. Согласно части 1 статьи 3 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» детективная деятельность осуществляется для сыска, частная охранная деятельность — для охраны. Далее, указанный Закон запрещает одному лицу заниматься одновременно частной детективной и частной охранной деятельностью.

Наличие отдельного закона о детективной деятельности целесообразно и с точки зрения юридической техники. В Законе РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» содержится немало отсылочных норм, которые одновременно распространяются как на частную детективную, так и на частную охранную деятельности. Однако с учётом существенных различий между этими видами деятельности применить их практически невозможно.

Кстати, идея о необходимости подготовки самостоятельного закона о частной детективной деятельности высказывалась законодателем ещё в 1991 году.

Так, Постановлением Верховного Совета РСФСР от 18 апреля 1991 года № 1027-1 Комитету Верховного Совета РСФСР по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью совместно с Комитетами Верховного Совета РСФСР по безопасности и по законодательству поручалось в двухмесячный срок разработать и представить в Верховный Совет РСФСР проект закона РСФСР «О негосударственных детективных службах в РСФСР». Однако по каким-то причинам это Постановление Верховного Совета РСФСР исполнено не было, и в 1992 году был принят ныне действующий общий закон — Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

По пути регулирования частной детективной деятельности в отдельном законе идёт международная законотворческая практика. Так, в марте 2017 года Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств приняла отдельный Модельный закон «О негосударственной (частной) сыскной деятельности», проект которого был подготовлен автором настоящей статьи и директором ННФ «Институт проблем безопасности и устойчивого развития» В. А. Ананьевым.

По существу, однозначную позицию относительно необходимости подготовки и принятия отдельных федеральных законов, регулирующих частную детективную и частную охранную деятельности, занимают представители соответствующих правоохранительных органов, учёные и практики.

Проект Федерального закона «О частной детективной деятельности» подготовлен и в настоящее время находится на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации [6, с. 60–93]. Законопроект содержит следующие принципиально новые, по сравнению с Законом РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», положения, а именно:

- значительно расширен понятийный аппарат. В частности, определены такие понятия как «детективная организация», «работник детективной организации, непосредственно участвующий в оказании детективных услуг», «помощник детектива», «заказчик детективной услуги», «детективные мероприятия», «результаты детективной деятельности»;
- унифицирована терминология по всему тексту законопроекта («детективная деятельность» вместо «детективная (сыскная) деятельность», «детективные услуги» вместо «детективные (сыскные услуги)», «заказчик детективной услуги» вместо «заказчик (клиент)»;
- предоставлено право на осуществление детективной деятельности не только детективам, но и детективным организациям, что будет способствовать развитию рынка детективных услуг. Как свидетельствует практика, заказчики относятся к детективным организациям с большим доверием;
- предусмотрены новые виды детективных услуг, а именно: сбор сведений, предметов

и документов по арбитражным делам, делам об административных правонарушениях;

• сбор сведений по делам исполнительного производства;

• сбор сведений, предметов и документов для подачи физическими и юридическими лицами заявления в правоохранительные органы о совершенном или готовящемся преступлении или представления иска в суд;

• сбор сведений по установлению наступления страхового случая;

• сбор сведений сторонам для разрешения спора в третейском суде;

• определены участники детективной деятельности, их правовой статус, порядок его приобретения и утраты, права и обязанности, ответственность;

• значительно расширены права детектива. Ему, например, предоставляется право исследовать предметы и изучать документы с согласия их владельца; осуществлять внешний осмотр транспортных средств и других объектов для получения необходимой информации; осуществлять действия по закреплению (фиксации) следов события [7, с. 71–82; 4, с. 38–47].

Федеральный закон «О частной детективной деятельности» будет составлять основу формирующейся новой отрасли права — детективного права, под которой понимается социально обусловленная система правовых норм, регулирующая ведущие общественные отношения (детективные отношения), возникающие в детективной деятельности в связи и по поводу оказания детективных услуг [8]. Его принятие будет способствовать совершенствованию законодательства в области профессионального сыска, формированию цивилизованного рынка детективных услуг, более эффективному использованию возможностей частного сыска в предупреждении и раскрытии преступлений, предупреждении и пресечении административных правонарушений, в обеспечении национальной безопасности.

После принятия проекта указанного Федерального закона «О профессиональной сыскной деятельности» необходимо будет приводить в соответствие с ним нормативные правовые акты, регулирующие частную детективную деятельность.

Список источников

1. Зникин В. К. Возможности сыскологии в разработке проекта федерального закона «О профессиональной сыскной деятельности» // Оперативник (сыщик). 2012. № 4 (33). С. 14–16.
2. Краткая сыскная энциклопедия: Деятельность оперативно-розыскная, контрразведывательная, частная сыскная (детективная) / авт.-сост. Шумилов А. Ю. Москва : Шумилова И. И., 2000.
3. Шестаков В. И. Негосударственная сфера безопасности, охранная деятельность, частный сыск (становление, современное состояние, перспективы). В 5 т. Т. 4. Москва : РадиоСофт, 2017.
4. Шестаков В. И. Негосударственная сфера безопасности, охранная деятельность, частный сыск (становление, современное состояние, перспективы). В 5 т. Т. 1. Москва : РадиоСофт, 2017.
5. Шестаков В. И. Негосударственная сфера безопасности, охранная деятельность, частный сыск (становление, современное состояние, перспективы). Т. 5. Москва : РадиоСофт, 2017.
6. Шестаков В. И. Вопросы теории, практики и правового регулирования негосударственной сферы безопасности, частной охраны и сыска. Москва : РадиоСофт, 2021.
7. Шестаков В. И., Перцев А. А. , Ананьев В. А. Концептуальные и практические проблемы охранной и детективной деятельности и пути их решения. Москва : Мир безопасности, 2015.
8. Шумилов А. Ю. Сыскология, криминосыскология, метасыскология, хомосыскология, их научно значимые проявления и литература об этих новых сыскных науках. Некоторые определения // Оперативник (сыщик). URL: http://www.oper-ord.ru/syskology/syskology01/ (дата обращения: 25.02.2022).
9. Шумилов А. Ю. Некоторые проблемы становления оперативно-разыскной науки, криминосыскологии и детективологии // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 125–128.
10. Шумилов А. Ю. Совершенствование профессионального негосударственного сыска (детективной деятельности): вопросы теории / А. Ю. Шумилов // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2008. № 6. С. 127–129.
11. Шумилов А. Ю. Частное детективное и охранное право как наука // Российская криминологическая энциклопедия : преступность и борьба с ней в понятиях и комментариях / под общ. ред. А. И. Долговой. Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2000. С. 777–778.

Дата поступления статьи / Received: 02.03.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 12.05.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Научная статья
УДК 34.05
С. 129–132

СПОСОБЫ РАЦИОНАЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ТРУДОВЫХ СПОРОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Галина Геннадьевна Павлова[1], Демьян Хамитович Саликов[2]
[1,2]Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
[1]galina.pavlova.7878@mail.ru
[2]demca@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время при возникновении споров и противоречий в социально-трудовых отношениях, применяются множество способов и методов, однако у каждого из них имеются свои положительные и отрицательные стороны. В статье рассмотрены традиционные и альтернативные способы и методы разрешения трудовых споров в России и странах Европы, выявлены их особенности и проблемы, а также профилактика трудовых конфликтов. Важной задачей, стоящей перед работодателем, является: уделять особое внимание практике предотвращения трудовых конфликтов, предвидеть возможные варианты развития событий. Для профилактики конфликтов, внимание и действия руководителя должны быть направлены на устранение возможных источников их возникновения.

Цель проводимого исследования: провести анализ существующих современных способов разрешения трудовых споров и выявить наиболее рациональные, а также сформулировать предложения по совершенствованию применения методов.

Ключевые слова: трудовые конфликты, трудовые споры, коллективные споры, индивидуальные споры, трудовой арбитраж, медиация, медиатор, социально-трудовые отношения, примирение, посредничество, профилактика трудовых конфликтов

Для цитирования: Павлова Г. Г., Саликов Д. Х. Способы рационального разрешение трудовых споров в России и за рубежом // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 129–132.

Research article

METHODS OF RATIONAL SETTLEMENT OF LABOR DISPUTES IN RUSSIA AND ABROAD

Galina G. Pavlova[1], Demyan Kh. Salikov[2]
[1,2]Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
[1]galina.pavlova.7878@mail.ru
[2]demca@mail.ru

Abstract. The relevance of the research topic is due to the fact that at present, when disputes and contradictions arise in social and labor relations, many methods and methods are used, but each of them has its own positive and negative sides. The article examines traditional and alternative ways and methods of resolving labor disputes in Russia and European countries, identifies their features and problems, as well as prevention of labor conflicts. An important task facing the employer is: pay special attention to the practice of preventing labor conflicts, anticipate possible scenarios. To prevent conflicts, the attention and actions of the manager should be directed at eliminating possible sources of their occurrence.

© Г. Г. Павлова, Д. Х. Саликов

The purpose of the research: to analyze the existing modern methods of resolving labor disputes and identify the most rational, as well as to formulate proposals for improving the use of methods.

Keywords: labor conflicts, labor disputes, collective disputes, individual disputes, labor arbitration, mediation, mediator, social and labor relations, reconciliation, mediation, prevention of labor conflicts

For citation: Pavlova GG, Salikov DKh. Methods of rational settlement of labor disputes in Russia and abroad. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):129-132. (In Russ.)

Введение

В процессе трудовой деятельности неизбежны споры и конфликты между работником и работодателем. Сложилось мнение, что конфликты связаны с угрозами, агрессией и криками. Однако конфликты могут носить деструктивный и конструктивный характер. С точки зрения экономических процессов, конфликты даже необходимы для разрешения противоречий в социально-трудовых отношениях и в целом для развития экономических систем. Из трудовых споров можно узнать об интересах противоборствующих сторон, их желаниях и какую цель они преследуют [2, с. 198]. Но не стоит доводить конфликт до длительных судебных тяжб, так как это может привести к значительным потерям для предприятия, его сотрудников. В связи с чем, основным вопросом остается определение выработки способов рационального управления конфликтными ситуациями в рамках регулирования социально-трудовых отношений.

Для каждого государства стоит задача различными путями уменьшить социальные напряжения и потрясения, либо предотвратить их. Для этого используют разнообразные методы и формы урегулирования трудовых споров и конфликтов, включая коллективно-договорный процесс, социальное законодательство, специальные процедуры примирения и посредничества (третейское разбирательство), судопроизводство.

Описание исследования

Под социально-трудовым конфликтом можно понимать столкновение субъектов, которые задействованы в области трудовых отношений, что вызывает противоположность их интересов, когда одна из сторон прибегает к действиям, которые выходят за рамки нормальных отношений, с целью придать гласности для удовлетворения своего нарушенного интереса и привлечения внимания общественности, с целью оказать давление на другую сторону, те или иные органы управления [1, с. 294].

Общеевропейская практика классификации трудовых споров по субъектному составу и предмету спора предполагает деление их на четыре основных вида: коллективные, индивидуальные, споры интересов и споры права. Деление на споры прав и интересов было рационально обосновано и предложено Европейским фондом улучшения условий жизни и труда. [1, с. 296].

Отличительной особенностью правового регулирования труда в некоторых европейских странах, является специализированная трудовая юстиция в виде трудовых судов или административных органов. Эти структуры имеют полномочия по разрешению некоторых трудовых споров [5, с. 48].

Специализированные трудовые суды существуют в таких странах, как: Германия, Великобритания, Австрия, Франция, Дания и др. В Японии и Канаде действуют специализированные административные органы, выполняющие судебные функции [8, с. 26].

Трудовые суды состоят из профессионального судьи и двух заседателей — представителей работодателей и работников. Судья выступает как беспристрастный арбитр в интересе спорящих сторон в процессе разрешения трудового конфликта.

Так, например, система специализированных трудовых судов Германии, состоит из трех инстанций: судов по трудовым делам первой инстанции, рассматривающих дела, по существу; земельных судов по трудовым делам, которые рассматривают апелляции на решения судов низшей инстанции; федерального суда по трудовым делам, который является верховной судебной инстанцией, имеющей право изменить или отменить решение любого трудового суда [4, с. 156]. Основной нормативной базой при рассмотрение трудовых споров является Гражданский процессуальный кодекс Германии, закон «О защите от увольнения» (Kündigungsschutzgesetz)[1].

Особую роль и значение имеет служба посредничества и примирения для урегулирования трудовых конфликтов в Канаде.

[1] Порядок увольнения работника в Германии по желанию фирмы // Тупа-Германия : [сайт]. URL: https://www.tupa-germania.ru/rabota/uvolnenie-rabotodatelem-v-germanii.html (дата обращения: 12.06.2022).

Примирение и посредничество является обязательной процедурой, без которой стороны не смогут приступить к забастовке или локауту. Стороны обязаны обратиться к министру по трудовым отношениям с просьбой о проведении процедуры примирения, если не подписали договор[1]. Министр может по своему усмотрению назначить процедуру, отклонить ее проведение, назначить чиновника по примирению, уполномоченного по примирению, совет по примирению или посредника [8, с. 42].

Также как и в России, в зарубежных странах, одним из способов мирного досудебного урегулирования конфликта и спора является метод медиации, при котором обе стороны остаются довольны результатом и сохраняют хорошие или нейтральные отношения. Особое место в процессе решения трудовых конфликтов с помощью медиации принадлежит медиатору. С помощью беспристрастного медиатора стороны могут подписать документ, фиксирующий договорённости — медиативные соглашение[2].

Важно отметить, что медиация не заменяет получения юридической консультации. Процедура медиации обеспечивает взаимодействие сторон или организовывает мысли человека по поводу конфликта в нужном направлении и определяет его отношение к этому конфликту [7, с. 13].

Несмотря на то, что в России медиация урегулирована в соответствии с Федеральным законом от 27.08.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», однако до настоящего времени не имеет особой привлекательности со стороны участников трудового конфликта. В частности, одной из проблем при процедуре медиации выступает исполнимость медиативных соглашений, достигнутых сторонами без обращения в суд и не утвержденных им в качестве мирового соглашения. Проблема отсутствия норм, устанавливающих правовые гарантии исполнения медиативного соглашения, а также процессуального механизма защиты пострадавшей стороны является следствием изолированности норм Закона о медиации от ключевых институтов материального и процессуально права.

В настоящее время порядок рассмотрения трудовых споров в России закреплен Трудовым кодексом. Урегулировать разногласия в трудовых спорах стороны могут любыми способами, не запрещёнными законом, например, обратиться в комиссию по трудовым спорам, инспекцию труда, суд, а также заключить между собой соглашение и урегулировать конфликт любым альтернативным способом с помощью примирительной комиссии, посредника, медиатора, трудового арбитража. Выбор способа будет зависеть от конкретных обстоятельств дела, в том числе и от степени разногласия [3, с. 55].

Несмотря на множество способов и методов разрешения трудовых конфликтов, необходимо учитывать и уделять особое внимание практике предотвращения трудовых конфликтов. Предвидение возможных вариантов развития событий создаёт условия для успешного управления ими. Главной предпосылкой эффективной деятельности по их предупреждению является прогнозирование возникновения трудовых споров.

Например, в Германии для профилактики используют такие методы: предупреждение; предотвращение; предостережение; устранение; контроль. Для выявления причин противоречий руководители устраивают различные досуговые мероприятия, тренинги и исследования [6, с. 147]. Данные метод позволяет сплотить коллектив и уменьшить риск возникновения конфликта, руководитель может сблизиться с коллективом, что при возникновении спора повышает вероятность его успешного разрешения [9, с. 569–601].

В России на крупных предприятиях и организациях приглашают специалиста — психолога. Однако многие руководители небольших организаций не приветствуют введение такой штатной единицы. В связи с чем, считаем необходимым закрепление на законодательном уровне обязательное введение единицы штатного психолога или приглашенного специалиста, который будет проводить психологические тренинги и семинары по приобретению навыка конструктивного разговора, управление стрессами. Сотрудники научатся вести открытую дискуссию, что будет способствовать творческим процессам в команде, а также получат знания о способах снятия стресса и методов избежать выгорания. Освоенные навыки приведут к повышению производительности труда.

Заключение и вывод

С учетом вышеизложенного считаем необходимым внести следующие изменения,

[1] Canada Industrial Relations Regulations SOR/2002-54 // Justice Laws Website. URL: https://laws.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2002-54/FullText.html (дата обращения: 12.06.2022).

[2] О медиации // Ассоциация «Лига медиаторов Южного Урала». URL: https://mediator74.ru (дата обращения: 12.02.2022).

а именно в ст. 22 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) в обязанности работодателя включить «обеспечивать работников специалистом — психологом для своевременного конструктивного разговора, управления стрессами в коллективе, снижения конфликтов».

Также считаем, что одним из методов рационального управления конфликтными ситуациями в рамках регулирования социально-трудовых отношений, может быть наложение штрафных санкций не менее 50 % от цены иска на работодателя в пользу государства, в случае невозможности урегулировать конфликт с работником в досудебном порядке. Работодатель должен будет доказать в суде, что он предпринял все возможные исчерпывающие способы и варианты для разрешения конфликта с работником. В этом случае работник будет максимально защищен, а работодатель всегда будет находить возможность конструктивного разговора, и вариантов разрешения спорной ситуации.

Таким образом, за рубежом и в России существуют как традиционные методы решения трудовых конфликтов, так и альтернативные, их использование зависит от сложности самого конфликта. В этих методах присутствуют как положительные, так и отрицательные стороны, от которых можно оттолкнуться в выборе пути урегулирования трудового спора. Для профилактики конфликтов, внимание и действия руководителя должны быть направлены на устранение возможных источников их возникновения. Соблюдение трудового законодательства, организация семинаров для развития навыков решения споров и обретения стрессоустойчивости приведет к снижению конфликтов. Важно научить сотрудников открытым диалогам, где обе стороны способны свободно выражать собственные взгляды, слушать и понимать друг друга.

Список источников

1. Александров С. В. Правовые категории «трудовой спор» и «трудовой конфликт»: способы разрешения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. С. 293–296.
2. Бандейкина Н. Н. Социальная ответственность предприятий и конфликты в организации: опыт прикладных исследований // Конфликтология. 2016. № 1. С. 198–208.
3. Головина С. Ю., Кучина Ю. А. Трудовое право : учебник для вузов / под общ. ред. С. Ю. Головиной. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2019. 313 с.
4. Исмаил Р. Н. И., Ильинова О. В. Трудовые конфликты: причины возникновения и способы разрешения // Экономическое развитие России: тенденции, перспективы. Нижний Новгород : НГПУ им. К. Минина, 2016. С. 153–157.
5. Клишин А. А., Шугаев А. А. Трудовое право зарубежных стран. Германия : учеб. пособие. Москва : Юрайт, 2019. 188 с.
6. Козлов А. В. Сравнительная характеристика методов профилактики конфликтов в организациях Федеративной Республики Германия и Российской Федерации // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. № Т34. С. 146–152.
7. Орлова Л. В. Процедура медиации как инструмент урегулирования конфликтных ситуаций в сфере трудовых отношений // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2017. Т. 6, № 3. С. 12–16.
8. Францифоров А. Ю. Защита трудовых прав граждан: информационно-практическое пособие / В. А. Абалдуев, В. В. Еремин, Т. В. Журик, А. Ю. Францифоров ; с предисл. А. Н. Балашова. Саратов : Изд-во Саратовской гос. юрид. академии, 2017. 44 с.
9. Muller T. B. Demokratie und Wirtschaftspolitik in der Weimarer Republik // Vierteljahreshefte fur Zeitgeschichte. 2014. Heft 4. P. 569-601.

ВКЛАД АВТОРОВ
Павлова Г. Г. — 60 %.
Саликов Д. Х. — 40 %.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ
Конфликт интересов отсутствует.

CONTRIBUTION OF AUTHORS
Pavlova G. G. — 60 %.
Salikov D. Kh. — 40 %.

CONFLICT OF INTEREST
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 30.08.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 20.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

Рецензия С. 133–141

ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию Молчановой Марины Алексеевны на тему: «Деятельность правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности: 12.00.11 — судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Павел Александрович Кабанов
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова (ИЭУП), Казань, Россия
kabanovp@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2964-004X

Аннотация. В работе дается оценка рукописи диссертационного исследования Молчановой Марины Алексеевны, подготовленного на тему: «Деятельность правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях», представленного на соискание ученой степени кандидата юридических наук в диссертационный совет, созданный на базе Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, летом 2022 года. Оппонентом описываются основные достоинства диссертационного исследования, его актуальность, научная новизна и практическая значимость, а также высказываются критические суждения по некоторым вопросам, отраженным в диссертации.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, правоохранительная деятельность, правоохранительные органы, координация, взаимодействие, профилактика коррупции, эффективность противодействия коррупции

Для цитирования: Кабанов П. А. Отзыв официального оппонента на диссертацию Молчановой Марины Алексеевны на тему: «Деятельность правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности: 12.00.11 — судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 133–141.

© П. А. Кабанов

REVIEW
of the official opponent for the thesis of Marina A. Molchanova on the topic: "The activity of law enforcement agencies on Combating Corruption in Commercial Organizations", submitted for the degree of candidate of legal sciences in the specialty: 12.00.11 — judicial activity, prosecutorial activity, human rights and law enforcement activity

Pavel A. Kabanov
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryazov (IEUP), Kazan, Russia
kabanovp@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2964-004X

Abstract. The paper evaluates the manuscript of the dissertation study of Marina A. Molchanova, prepared on the topic: "The activity of law enforcement agencies to counteract corruption in commercial organizations", submitted for the degree of candidate of legal sciences to the dissertation council established at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, summer 2022. Opponent describes the main merits of dissertation research, its relevance, scientific novelty and practical significance, as well as expresses critical judgments on some issues reflected in the dissertation.

Keywords: corruption, anti-corruption, law enforcement, law enforcement agencies, coordination, interaction, corruption prevention, anti-corruption effectiveness

For citation: Kabanov PA. Review of the official opponent for the thesis of Marina A. Molchanova on the topic: "The activity of law enforcement agencies on Combating Corruption in Commercial Organizations", submitted for the degree of candidate of legal sciences in the specialty: 12.00.11 — judicial activity, prosecutorial activity, human rights and law enforcement activity. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):133-141. (In Russ.)

Введение

Противодействие коррупции — сложная и ответственная задача, решаемая различными субъектами, в различных сферах, различными средствами, с достижением различных по значимости результатов. В связи с этим перед научным сообществом органами государственной власти ставятся вопросы повышения результативности противодействия коррупции государственными и общественными институтами. Особое место в системе противодействия коррупции уделяется деятельности государственных правоохранительных органов, поэтому исследований, посвященных их деятельности по реализации государственной политики противодействия коррупции, накопилось уже достаточное количество. Вопросы специфики противодействия коррупции отдельными правоохранительными органами в процессе их профессиональной деятельности рассматривались в рамках диссертационных исследований отечественных специалистов. Наибольшее количество проведенных исследований посвящено вопросам противодействия коррупции органами прокуратуры [1; 2; 3; 4; 5; 6, с. 270–271; 7, с. 36–42], таможни [8, с. 25–28; 9], ФСИН [10], внутренних дел [11, с. 109–115; 12, с. 6–12; 13, с. 5–7; 14, с. 208–209], в том числе в миграционной сфере [15], которые подвергались экспертной оценке, в том числе и официальным оппонентом этой диссертации. В числе малоисследованных направлений оказалось противодействие коррупции в коммерческих организациях. Вопросам противодействия коррупции в них уделяется немного внимания, имеются лишь небольшие по объему статьи в научных периодических изданиях, рассматривающие отдельные аспекты этой деятельности [16, с. 40–45]. Однако специальных крупных комплексных монографических исследований по вопросам повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях не проводилось. В связи с этим заслуживает одобрения и поддержки выбор автором темы диссертационного исследования. Ее актуальность, научная

новизна и практическая значимость достаточно убедительно раскрывается во введении к рассматриваемой работе и, на наш взгляд, не могут вызывать никаких сомнений.

Экспертная оценка содержания диссертационного исследования

Заявленной теоретической целью диссертационного исследования М. А. Молчановой является разработка теоретических положений о содержании и механизмах противодействия коррупции правоохранительными органами в коммерческих организациях. Прикладной целью диссертационного исследования является разработка основных направлений совершенствования противодействия коррупции правоохранительными органами в коммерческих организациях, в том числе за счет совершенствования (***оптимизации*** — в интерпретации соискателя — *примечание официального оппонента* — **П. К.**) российского антикоррупционного законодательства [17, с. 6].

На основе заявленных целей диссертантом сформулированы следующие основные задачи диссертационного исследования:

— раскрыть сущность и содержание деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях;

— установить место и компетенцию правоохранительных органов как субъектов взаимодействия с коммерческими организациями по противодействию коррупции;

— классифицировать (систематизировать) нормативно-правовую базу противодействия коррупции в коммерческих организациях;

— выделить основные организационно-правовые формы деятельности правоохранительных органов в рассматриваемой сфере;

— проанализировать и классифицировать международные антикоррупционные принципы и стандарты противодействия коррупции в коммерческих организациях;

— определить особенности международно-правовых стандартов деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях на евразийском пространстве;

— выделить перспективные направления восточноазиатского опыта деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза;

— обосновать предложения и рекомендации по совершенствованию деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях;

— определить основные направления совершенствования деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях в условиях цифровизации. [17, с. 6–7].

Научная новизна представленного диссертационного исследования, его теоретическая и практическая значимость, в первую очередь, обусловлены тем, что обозначенная автором проблема не была предметом монографических исследований, в том числе и на уровне кандидатских диссертаций по праву.

Методологической основой диссертационного исследования является общенаучный диалектический метод познания социальных явлений и процессов. Наравне с ним соискатель использовал и частно-научные методы: статистические и социологические, что позволяет проверить достоверность основных выводов, положений и предложений диссертанта и адекватность интерпретации полученных им результатов.

Диссертантом изучены, официальные статистические данные по исследуемой проблеме, нормативные правовые акты, диссертационные исследования, научные и учебные произведения отечественных и зарубежных авторов, а также иные публикации по избранной теме. Мариной Алексеевной опрошено 150 респондентов, имеющих непосредственное отношение к исследуемой проблематике в период 2017–2020 гг. Всё это свидетельствует о достаточности эмпирической базы проведенного диссертационного исследования и проверяемости достоверности полученных автором научных результатов, в том числе и положений, вынесенных на защиту.

Структура диссертационного исследования М. А. Молчановой традиционна для работ подобного уровня. Она включает в себя: введение, три главы, включающих в себя восемь параграфов, заключение, список использованных источников и приложения.

Общий объем рукописи диссертационного исследования составляет 266 страниц машинописного текста. Библиографический список [17, с. 200–236] насчитывает 331 источник, среди которых имеются нормативно-правовые акты, материалы судебной практики, научные и учебные работы по избранной проблематике. Приложения [17, с. 237–266] в количестве 32 единиц оформлены в виде таблиц, схем, графиков и обзоров, отражающих наглядно процесс и результаты проведенного исследования.

Наиболее ценными положениями проведенного М. А. Молчановой диссертационного исследования, по степени их значимости для

современной российской юридической науки и практики противодействия коррупции правоохранительными органами в коммерческих организациях, на наш взгляд, являются:

а) разработанные автором научные категории «организация деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях» [17, с. 10, 75–76, 190], «взаимодействие правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях» [17, с. 30] и «координация органами прокуратуры правоохранительной деятельности по противодействию коррупции» [17, с. 31–32];

б) определены основные направления деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях: общие, специальные и исключительные [17, с. 10–11, 26–27];

в) определены приоритетные формы взаимодействия правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях в современных условиях:

— антикоррупционная информационно-аналитическая деятельность;

— антикоррупционная нормотворческая деятельность;

— антикоррупционная совещательная деятельность;

— антикоррупционная просветительская деятельность [17, с. 11, 62–70, 191];

г) рекомендации, направленные на совершенствование взаимодействия правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях по:

— использованию возможностей информационно-цифровых технологий [17, с. 148, 168–186];

— реализации мероприятий по организации взаимодействия субъектов антикоррупционной деятельности [17, с. 149–150];

— развитию потенциала антикоррупционного образования [17, с. 151–153];

— применению средств и методов по возмещению вреда, причиненного коррупционными правонарушениями [17, с. 157–158];

— выявлению и устранению коррупционных проявлений при осуществлении закупок товаров [17, с. 158–160];

— применению механизмов, направленных на возврат из-за рубежа активов, полученных в результате коррупционных правонарушений [17, с. 160–161];

— развитию международного сотрудничества правоохранительных органов по вопросам противодействия коррупции в коммерческих организациях [17, с. 162–163];

— активизации взаимодействия с иными субъектами антикоррупционной деятельности [17, с. 13, 163];

д) разумные предложения по совершенствованию современного российского базового и процессуального федерального антикоррупционного законодательства [17, с. 15, 39, 54].

Анализ содержания диссертационного исследования позволяет прийти к выводу о том, что автором разработан оригинальный организационно-правовой механизм, направленный на повышение эффективности противодействия коррупции государственными правоохранительными органами в коммерческих организациях.

Достоверность полученных соискателем результатов исследования обеспечивается:

а) методологией исследования, включая репрезентативность проведенного им социологического опроса достаточного количества специалистов по исследуемой проблематике;

б) экспертной оценкой (рецензированием) основных результатов диссертационного исследования при представлении их к публикациям в научные рецензируемые издания;

в) апробацией результатов исследования при публичном обсуждении на научных мероприятиях различного статуса и уровня, в том числе в присутствии оппонента в рамках Евразийского антикоррупционного форума.

По результатам проведенного автором диссертационного исследования им опубликовано достаточное количество научных произведений (38), в том числе **десять** из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, из них **девять** по названной юридической научной специальности (12.00.11 — судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность) [18, с. 91–96; 19, с. 29–33; 20, с. 253–257; 21, с. 27–32; 22, с. 44–49; 23, с. 41–45; 24, с. 42–47; 25, с. 24–42; 26, с. 127–136; 27, с. 146–153].

Более того, отдельные положения диссертационного исследования были опубликованы в авторитетных зарубежных рецензируемых научных изданиях [28, с. 91–97; 29, с. 145–150; 30, с. 109–111; 31, с. 76–85; 32, с. 113–116; 33, с. 57–66; 34, с. 178–179; 35, с. 226–233; 36, с. 661–665], а также в качестве самостоятельных разделов двух рецензируемых монографий [37, с. 89–101; 38, с. 275–289 и с. 292–315; 39, с. 275–289 и с. 292–315],

научно-практического пособия [40, с. 32–49 и с. 95–102], и научно-практического комментария к федеральному закону «О противодействии коррупции» [41, с. 373–415].

В представленной работе много и других выводов, предложений и рекомендаций, требующих одобрения и поддержки. Однако статус официального оппонента требует поиска в проведенном исследовании дискуссионных положений, на которые соискателю необходимо дать дополнительные пояснения (уточнения) и показать навыки и умения научной дискуссии. При ознакомлении с содержанием диссертационной работы Марины Алексеевны дискуссионные положения меною были обнаружены.

Наши суждения относительно дискуссионного характера затрагиваемых диссертантом вопросов можно свести к следующему.

Во-первых, сравнительный анализ задач проведенного исследования с его результатами, отраженными в положениях, выносимых на защиту, показал следующее. Из девяти сформулированных диссертантом задач решены и отражены в положениях, выносимых на защиту, только семь. Хотя количество сформулированных диссертантом задач и количество положений, выносимых на защиту, совпадает. Не отражены в положениях, выносимых на защиту, две задачи сформулированные следующим образом:

— определить особенности международно-правовых стандартов деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях на евразийском пространстве;

— выделить перспективные направления восточноазиатского опыта деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. В то время как их решению были посвящены отдельные параграфы «Международные принципы и стандарты, отражающие противодействие коррупции в транснациональных компаниях» [17, с. 79–97] и «Противодействие коррупции правоохранительными органами в коммерческих организациях в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза» [17, с. 97–125]. Неужели полученные в этих параграфах научные результаты настолько не значительны, что автор их не счел нужным включить в положения, выносимые на защиту?

Вне перечня основных задач исследования, попутно, диссертантом выявлены и обобщены наиболее распространенные нарушения антикоррупционного законодательства в коммерческих организациях, что имеет принципиальное значение для достижения теоретической и прикладной цели исследования. Даже наиболее ценное положение, выносимое на защиту — по совершенствованию действующего российского федерального законодательства по вопросам противодействия коррупции в коммерческих организациях, получено вне решения перечисленных задач, предусмотренное в качестве дополнительной прикладной цели исследования.

Во-вторых, на наш взгляд, выглядит не безупречной предложенная автором в положениях, выносимых на защиту, доктринальная дефиниция «антикоррупционная просветительская деятельность». Под которой она понимает подготовку и проведение совместных и комплексных антикоррупционных образовательных мероприятий по повышению квалификации и приобретению антикоррупционных компетенций для сотрудников правоохранительных органов и представителей коммерческих организаций (семинары, конференции, форумы и т. д.). [17, с. 11; 33]. Такой подход автора является не безупречным, поскольку соискатель ученой степени в этой доктринальной дефиниции отождествляет антикоррупционное просвещение и антикоррупционное образование. На наш взгляд, между антикоррупционным просвещением (*антикоррупционной просветительской деятельностью* — в интерпретации соискателя — ***выделено оппонентом*** — **П. К.**) и антикоррупционным образованием имеются существенные различия. Они отличаются друг от друга по целям, субъектам, объектам и результатам. Их общность обусловлена лишь применением одноименных средств (лекции, семинары, конференции и иные мероприятия). Если цель антикоррупционного просвещения — распространение достоверной информации об антикоррупционной деятельности, то цель антикоррупционного образование формирование общей и/или профессиональной антикоррупционной компетентности. Объектами воздействия при антикоррупционном просвещении является неопределенный круг лиц, а при антикоррупционном образовании — целевая группа — обучающиеся. Субъектами, которые осуществляют антикоррупционное просвещение, являются органы публичной власти, а субъектами антикоррупционного образования — только образовательные организации и в соответствии с образовательными документами (ФГОС, учебный план, образовательная программа, рабочая учебная программа и т. д.). По результатам

освоения образовательной программы обучающийся получает документ, установленного образца, о наличии у него соответствующих антикоррупционных компетенций, а по результатам антикоррупционного просвещения остаются только отдельные знания и впечатления [42, с. 978–985; 43, с. 44–53]. К тому же по тексту работы [17, с. 73–74] автор разделяет между собой эти виды антикоррупционной деятельности, полагая, что антикоррупционное образование является элементом антикоррупционного просвещения наравне с антикоррупционным консультированием. Очевидно, что антикоррупционное образование и антикоррупционное просвещение — это различные инструменты, используемые в процессе реализации государственной политики противодействия коррупции.

В-третьих, автор, указав во введении количество опрошенных им экспертов и хронологические рамки исследования (опрошено 150 респондентов в период 2017–2020 гг.) [17, с. 9], а в последующем по тексту работы указывает другое количество опрошенных лиц 112 человек и другой период 2016–2021 гг. [17, с. 53, 55]. Встает вопрос, сколько же фактически им опрошено респондентов и почему изменены хронологические границы исследования?

В-четвертых, обращает на себя терминология, используемая автором диссертационного исследования. Автором утверждается, что им проведен опрос *научных исследователей* и *практических экспертов* [17, с. 53, 55], что дает основание предположить, что существуют и другие категории лиц, подлежащих или не подлежащих опросу «не научные исследователи» и «не практические эксперты». Интересно, какие категории лиц опрашивал диссертант? и по каким критериям он их относил к той или иной группе респондентов? Поскольку среди руководителей и сотрудников правоохранительных органов достаточно много лиц, занимающихся инициативными научными исследованиями, а среди исследователей — лиц, обладающих опытом работы в правоохранительных органах.

Выводы по результатам экспертной оценки диссертационного исследования

Проведенный анализ положений и выводов, содержащихся в диссертации, свидетельствует о высоком уровне исследования, проведенного М. А. Молчановой, его проблемном характере, обоснованности и перспективности основных положений и выводов к которым она пришла. Высказанные же замечания, прежде всего, обусловлены научной новизной, широким кругом затронутых в диссертации вопросов, а также субъективными научными пристрастиями официального оппонента.

В целом диссертация М. А. Молчановой представляет собой обстоятельное, творческое, самостоятельное исследование одной из основных проблем современной российской юридической науки, обладающее внутренним единством. А основные положения, выводы и предложения имеют существенную научную новизну, характеризуются теоретической и практической значимостью. Они в полном объеме отражены в научных произведениях автора, с содержанием большинства из которых оппонент знаком и даже использовал их результаты в своей научно-исследовательской деятельности. Научные произведения диссертанта хорошо известны не только в России, но и за рубежом, об этом свидетельствуют не только публикации автора в зарубежных научных изданиях, но и ссылки на них зарубежных специалистов.

Очевидным достоинством опубликованных работ Марины Алексеевны является то, что большинство из них размещены в общедоступных базах электронных научных библиотек, и могут использоваться специалистами при проведении собственных исследований вопросов противодействия коррупции в коммерческих организациях.

Необходимо отметить, что основные положения, выводы и предложения, изложенные в автореферате, соответствуют содержанию диссертации [44].

Изложенное выше позволяет сделать однозначный вывод о том, что диссертация Молчановой Марины Алексеевны на тему: «Деятельность правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности: 12.00.11 — судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для юридической науки и правоприменительной деятельности. Она соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук (ч. 2 п. 9, п. 10, п. 13, п. 14) Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред. от 11.09.2021 № 1539) «О порядке присуждения ученых степеней».

Список источников

1. Калита И. А. Деятельность органов прокуратуры по противодействию коррупции : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2013. 218 с.

2. Пономарев А. А. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции в государственных и муниципальных органах : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2016. 261 с.

3. Филоненко Т. В. Антикоррупционная политика России. Роль органов прокуратуры в её формировании и реализации : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2021. 242 с.

4. Чечко О. Л. Антикоррупционная экспертиза, осуществляемая органами прокуратуры: вопросы теории и практики : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2016. 159 с.

5. Иманов И. А. Прокурорский надзор за исполнением законов о противодействии коррупции в Республике Казасхстан : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2017. 301 с.

6. Иванцова Г. А. Роль органов прокуратуры в механизме противодействия коррупции в государственных и муниципальных органах // Аграрное и земельное право. 2020. № 11 (191). С. 270–271.

7. Козлов Т. Л. Прокурорская деятельность в системе мер профилактики коррупции // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 1 (33). С. 36–42.

8. Федоренко Д. Н. Генезис оперативно-розыскной деятельности таможенных органов по противодействию коррупции // Таможенное дело. 2015. № 2. С. 25–28.

9. Федоренко Д. Н. Совершенствование деятельности оперативных подразделений таможенных органов Российской Федерации по противодействию коррупционным преступлениям : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Люберцы, 2019. 35 с.

10. Яковлев Е. А. Правовое регулирование и организация деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере реализации антикоррупционного законодательства : дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2015. 233с.

11. Аввакумов А. А. Правовые основы деятельности ОВД РФ по противодействию коррупции // Трибуна ученого. 2021. № 2. С. 109–115.

12. Алексеева Л. А. Роль органов внутренних дел в противодействии коррупции // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2020. № 2 (83). С. 6–12.

13. Голубых Н. В. Место и роль органов внутренних дел в государственной системе противодействия коррупции // Правоохранительные органы: теория и практика. 2020. № 2 (39). С. 5–7.

14. Попов С. А. Характеристика органов внутренних дел как первичного элемента системы противодействия коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 208–210.

15. Гайнутдинова Е. И. Организационно–правовые основы деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции в миграционной сфере : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2021. 268 с.

16. Казина А. А. Основные направления взаимодействия правоохранительных органов и коммерческих организаций в сфере противодействия коррупции на современном этапе // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 45-3. С. 40–45.

17. Молчанова М. А. Деятельность правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2022. 226 с.

18. Молчанова М. А. Деятельность правоохранительных органов по противодействию коррупции в корпорациях: данные статистики и сложности правоприменения // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8, № 3. С. 91–96.

19. Молчанова М. А. Основные направления деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции в корпорациях на евразийском пространстве // Российский судья. 2021. № 10. С. 29–33.

20. Молчанова М. А. Основные направления деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции в корпорациях в условиях цифровизации // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17, № 1. С. 253–257.

21. Молчанова М. А. Международные антикоррупционные стандарты в транснациональных компаниях: основные векторы развития // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 6. С. 27–32.

22. Молчанова М. А. Меры по предупреждению коррупции в организациях: основные направления и перспективы развития // Безопасность бизнеса. 2018. № 6. С. 44–49.

23. Трунцевский Ю. В., Ким Е. У., Молчанова М. А. Борьба с коррупцией в Южной Корее на современном этапе // Международное публичное и частное право. 2018. № 2. С. 41–45.

24. Трунцевский Ю. В., Молчанова М. А. Борьба с коррупцией в Гонконге // Международное публичное и частное право. 2017. № 5. С. 42–47.

25. Цирин А. М., Матулис С. Н., Молчанова М. А. Социальный контроль как ключевой фактор противодействия коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4 (65). С. 24–42.

26. Ястребов В. Б., Молчанова М. А. Проблемы имплементации международных антикоррупционных соглашений в законодательство государств, возникших на постсоветском пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 127–136.

27. Ким Е. У., Трунцевский Ю. В., Молчанова М. А. Антикоррупционная политика Республики Корея: история становления и современность // Сравнительная политика. 2018. Т. 9, № 3. С. 146–153.

28. Ключко Р. Н., Молчанова М. А. Противодействие коррупции в транснациональных компаниях на евразийском пространстве: динамика и векторы развития // Наука и жизнь Казахстана. 2020. № 12-2 (148). С. 91–97.

29. Ключко Р. Н., Молчанова М. А. Борьба с коррупцией в цифровой реальности: вызовы и перспективы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2019. № 14. С. 145–150.

30. Молчанова М. А. Основные направления противодействия коррупции в условиях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза // Правовые основы формирования общего рынка Евразийского экономического союза и правовая система Республики Беларусь. Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 109–111.

31. Ключко Р. Н., Молчанова М. А. Организационно-правовые меры по борьбе с коррупцией в Восточной Азии: формирование и основные // Вестник Гродненского государственного университета. Серия 4. Правоведение. 2019. Т. 9, № 2. С. 76–85.

32. Молчанова М. А. Эффективность международных антикоррупционных стандартов для совершенствования правового регулирования деятельности транснациональных корпораций в сфере противодействия коррупции // Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития. В 2 частях. Ч. 2. Гродно : ГрГУ, 2018. С. 113–116.

33. Ключко Р. Н., Молчанова М. А. Перспективы взаимодействия коммерческих организаций с правоохранительными органами в сфере предотвращения коррупции в Российской Федерации и Республике Беларусь // Вестник Гродненского государственного университета. Серия 4. Правоведение. 2018. Т. 8, № 5. С. 57–66.

34. Молчанова М. А. Теоретические и практические аспекты совершенствования правоохранительной деятельности в сфере противодействия коррупции в коммерческих организациях // Традиции и инновации в праве. В 3 томах. Т. 3. Новополоцк : Полоцкий государственный университет, 2017. С. 178–179.

35. Молчанова М. А. Совершенствование государственной антикоррупционной политики в Российской Федерации на современном этапе // Формирование государственного управления : материалы Китайско-Российской международной научной конференции. Пекин, 2017. С. 226–233.

36. Молчанова М. А. Правовые механизмы противодействия коррупции в государствах, возникших на постсоветском пространстве // Современное состояние и тенденция развития законодательства Республики Таджикистан и стран СНГ : материалы конференции. Душанбе : РТСУ, 2017. С. 661–665.

37. Организационно-правовые механизмы противодействия коррупции в субъектах РФ : монография / редкол.: Т. Я. Хабриева [и др.]. Москва : Проспект, 2019, 224 с.

38. Борьба с коррупцией в правоохранительных органах за рубежом : монография / В. Ю. Артемов, И. С. Власов, Н. А. Голованова [и др.] ; отв. ред. И. С. Власов, С. П. Кубанцев. Москва : ИНФРА-М : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. 320 с.

39. Борьба с коррупцией в правоохранительных органах за рубежом : монография / В. Ю. Артемов, И. С. Власов, Н. А. Голованова [и др.] ; отв. ред. И. С. Власов, С. П. Кубанцев. Москва : ИНФРА-М : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2022. 320 с.

40. Антикоррупционная этика и служебное поведение : научно-практическое пособие / Н. А. Абузярова, М. В. Залоило, В. И. Кузнецов [и др.] ; под ред. И. И. Кучерова, А. М. Цирина. Москва : ИНФРА-М : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. 124 с.

41. Трунцевский Ю. В., Молчанова М. А. Комментарий к статье 13.3 // Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Москва : ИЗиСП, 2018. С. 373–415.

42. Кабанов П. А. О соотношении антикоррупционного образования и антикоррупционного просвещения как видов антикоррупционной деятельности // Административное и муниципальное право. 2015. № 9. С. 978–985.

43. Бикеев И. И., Кабанов П. А. Антикоррупционное просвещение: вопросы теории и практики. В 3-х т. Т. 3. Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. 240 с.

44. Молчанова М. А. Деятельность правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2022. 32 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ
Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 06.07.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ МНЕНИЕ ПО ПРОЕКТУ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН „ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ“ В ЧАСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ЦЕЛЕВОГО ПРИЕМА И ЦЕЛЕВОГО ОБУЧЕНИЯ»*

Сергей Александрович Шаронов
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия
Волжский филиал, Волгоградский государственный университет, Волжский, Россия
Sharonov345@mail.ru

Аннотация. На основе анализа проекта Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“ в части совершенствования механизма целевого приема и целевого обучения» выражено профессиональное мнение.

Ключевые слова: закон об образовании, проект Федерального закона, профессиональное мнение

Для цитирования: Шаронов С. А. Профессиональное мнение по проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“ в части совершенствования механизма целевого приема и целевого обучения» // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 142–147.

PROFESSIONAL OPINION ON THE DRAFT FEDERAL LAW “ON AMENDMENTS TO THE FEDERAL LAW ‘ON EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION’ IN TERMS OF IMPROVING THE MECHANISM OF TARGETED ADMISSION AND TARGETED TRAINING”

Sergey A. Sharonov
V. Y. Kikot’ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; Volga Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russia
Sharonov345@mail.ru

Abstract. On the basis of the analysis of the project of the Federal law “About modification of the Federal law ‘About education in the Russian Federation’ regarding improvement of the mechanism of target-oriented reception and target-oriented education” the professional opinion is expressed.

Keywords: law on education, draft federal law, professional opinion

For citation: Sharonov SA. Professional opinion on the draft Federal Law “On Amendments to the Federal Law ‘On Education in the Russian Federation’ in terms of improving the mechanism of targeted admission and targeted training”. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):142-147. (In Russ.)

* О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в части совершенствования механизма целевого приема и целевого обучения : законопроект № 122101-8 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/122101-8 (дата обращения: 15.06.2022).

© С. А. Шаронов

Введение

Актуальность разработки проекта Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в части совершенствования механизма целевого приема и целевого обучения» (далее — Проект) не вызывает сомнений, поскольку обусловлена целой группой различного рода аспектов.

Конституционный аспект проявляется в *трех* факторах.

Во-первых, в воздействии Проекта на основы конституционного строя России в части свободы передвижения товаров, услуг, финансовых средств, защиты всех форм собственности (ст. 8 Конституции Российской Федерации — далее Конституция РФ). Реализация надлежащим образом названной основы становится возможной при наличии у профессиональных участников указанных отношений знаний, навыков и умений, то есть тех компетенций, которые формируются при получении соответствующего уровня образования.

Во-вторых, Проект направлен на реализацию гражданами и юридическими лицами своих прав в области занятия предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельностью, исполнение своих правомочий в области частной собственности (ст. 34 и 35 Конституции РФ). Зачастую для осуществления таких прав требуется участие лиц, обладающих соответствующими образовательными компетенциями.

В-третьих, Проект дает возможность многим гражданам реализовать и свое право на получение высшего образования в государственной или муниципальной образовательной организации (ч. 3 ст. 43 Конституции РФ) с учетом сложившихся социально-экономических условий.

Гражданско-правовой аспект проявляется в потенциальной возможности участников гражданского оборота использовать свое право собственности и другие вещные права, право на участие в корпорациях (корпоративные отношения), право интеллектуальной собственности, обеспечивать исполнение договорных и иных обязательств, посредством целевой подготовки лиц, деятельность которых с учетом полученных знаний, навыков и умений позволит осуществить перечисленные и другие частные правомочия.

Сущность **трудо-правового аспекта** заключается в повышении эффективности реализации сторонами трудового договора (работниками и работодателем) своих трудовых прав и свобод. Так наличие соответствующего образования существенно увеличивает возможность работника в качественном исполнении своей трудовой функции, выполняемой в интересах, под контролем и управлением работодателя.

Социальный аспект видится в повышении эффективности социальной защиты людей, базирующейся на одной из основ конституционного строя России (ст. 7 Конституции РФ). Так наличие у гражданина среднего профессионального и высшего образования непосредственным образом влияет на повышение заработной платы, выплату пособий, пенсий, сохранение жизни и здоровья людей в процессе их трудовой и иной деятельности. Присутствие среди потенциальных обучаемых по договору о целевом обучении будущих (настоящих) матерей и отцов, содействует поддержке семьи, материнства, отцовства и детства.

Санкционный аспект обусловлен введением различного рода санкций, существенно сокращающих возможность для граждан России получения профессионального и высшего образования в иностранных образовательных организациях. Компенсировать потери от подобных ограничений становится возможным посредством применения договора о целевом обучении в установленных законом случаях.

Вместе с тем, несмотря на указанные и другие аспекты актуальности Проекта, его отдельные положения имеют спорный, дискуссионный, а иногда и противоречивый характер.

О понятийном аппарате

Представленное в Проекте понятие *«целевое обучение»* не в полной мере согласуется с понятием *«обучение»*, закрепленным в пункте 3 статьи 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»[1] (далее — Закон об образовании).

Так в Проекте под «целевым обучением» понимается «**целенаправленный процесс»** обучения по образовательным программам среднего профессионального или высшего образования, осуществляемый на основании договоров о целевом обучении» (абз. 3 стр. 1).

В тоже время согласно п. 3 ст. 2 Закона об образовании понятие *«обучение»* представляет собой «**целенаправленный процесс**», который направлен на «организацию деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения

[1] Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни».

Таким образом, если заменить термин «обучение» в контексте его толкования названными нормами Закона об образовании (как «целенаправленный процесс»), то предложенное в Проект определение понятия будет выглядеть следующим образом: «Целевое обучение — это целенаправленный процесс **«целенаправленного процесса»** по образовательным программам среднего профессионального или высшего образования, осуществляемый на основании договоров о целевом обучении».

С учетом рассмотренной сущности термина «обучение» представляется логичным и обоснованным изложить определение понятия «целевое обучение» в следующей редакции:

«Целевое обучение — это организация деятельности обучающихся, заключивших договор о целевом обучении по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования по образовательным программам среднего профессионального или высшего образования в соответствии с условиями договора о целевом обучении».

Преимущества рассматриваемого подхода обосновываются:

1) унификацией и дальнейшим логическим применением содержательных элементов уже закрепленных в Законе об образовании понятий (в данном случае понятия «обучение»);

2) указанием на особенность правоспособности обучающегося, выражающуюся в обладании им правового положения стороны договора о целевом обучении;

3) согласованностью целевого обучения с правовой природой договора, проявляющейся в юридико-фактических свойствах соглашения, его содержательной части как правоотношения — наличие у обучающегося соответствующих прав и обязанностей, а также признанием договора в качестве дополнительного (кроме Закона об образовании и иных правовых актов) средства правового регулирования складывающихся отношений.

О субъектном составе договора о целевом обучении. Об изменениях, вносимых в часть 3 статьи 56 Закона об образовании

На странице 2 Пояснительной записки к Проекту указывается, что «одной из основных задач системы высшего образования является подготовка специалистов для обеспечения социально-экономического развития». В связи с этим обстоятельством не вызывает сомнений необходимость уточнения субъектного состава договора о целевом обучении. Вместе с тем, в Проекте представлена только одна из сторон договора — «**организация**, в которую будет трудоустроен гражданин в соответствии с договором о целевом обучении» (стр. 2 абз. 1).

Однако круг лиц, деятельность которых способствует укреплению основ конституционного строя России о свободном передвижении товаров, услуг, финансовых средств, защите всех форм собственности (ст. 8 Конституции РФ), а также реализации прав на занятие предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельностью, включая правомочия собственника (ст. 34 и 35 Конституции РФ), является более широким и не ограничивается только органами государственной и муниципальной власти, **организациями**.

В контексте представленной редакции Проекта из потенциальных сторон договора о целевом обучении необоснованно исключены **индивидуальные предприниматели и другие лица, осуществляющие различные виды легальной профессиональной деятельности**. Их деятельность вносит существенный вклад в социально-экономическое развитие *субъектов Российской Федерации* и *муниципальных образований*, а внесение ими платы по рассматриваемому договору является существенной *основной* для жизнедеятельности образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования, расположенных на соответствующих территориях.

В рассматриваемом аспекте следует обратить внимание **на два фактора.**

Во-первых, согласно ст. 20 Трудового кодекса Российской Федерации правовым положением работодателя (в контексте Проекта — лица, заинтересованного в целевом обучении) может обладать не только юридическое лицо (организация), но и физические лица: индивидуальные предприниматели, частные нотариусы, адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты, и иные лица, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию. Все они вступают в трудовые отношения с работниками для достижения целей, осуществляемых ими видов деятельности. Нетрудно заметить, что зачастую эта деятельность имеет не только важное экономическое, но политическое и социальное значение для жизнедеятельности граждан и государства.

Во-вторых, исходя из смысла целевого назначения договора, динамики формирования знаний, навыков, умений и других аспектов социально-экономической (иной не запрещенной законом) деятельности гражданин, не имеющий практического опыта работы, не всегда может осознавать необходимость получения соответствующего профессионального и (или) высшего образования, а также сделать выбор будущего места трудоустройства. Зачастую необходимость правильного выбора осознается именно *в процессе осуществления государственной гражданской (муниципальной) службы* или *исполнения трудовой функции работника* в сочетании с обучением в соответствующих образовательных организациях. То есть потребность лица, а равно и потенциального заказчика в заключении договора о целевом обучении может возникнуть в процессе исполнения государственной (муниципальной) службы или соответствующей трудовой функции.

Однако в настоящее время возможность заключения договора о целевом обучении (основанная на правовом акте) предусмотрена для только граждан — обучающихся и проходящих федеральную государственную гражданскую службы и обучающихся в определенных законом образовательных организациях (п. «в» ст. 2 «Положения о порядке заключения договора о целевом обучении между федеральным государственным органом и гражданином Российской Федерации с обязательством последующего прохождения федеральной государственной гражданской службы»)[1], но не предусмотрена для граждан — *обучающихся в определенных законом образовательных организациях и проходящих государственную службу в субъектах Российской Федерации, проходящих муниципальную службу* или являющихся *работниками у соответствующих работодателей*.

В сложившейся ситуации предпочтение, отданное для отдельной группы обучающихся (в данном случае для федеральных государственных гражданских служащих) не согласуется с принципом «обеспечение права каждого человека на образование, недопустимости дискриминации в сфере образования», закрепленного в п. 2 ч. 1 ст. 3 Закона об образовании.

Таким образом, представляется, что сторонами договора о целевом обучении могут быть не только граждане, поступающие или уже обучающиеся в образовательных организациях (ч. 1 ст. 56 Закона об образовании), но и государственные гражданские служащие субъектов Российской Федерации, муниципальные служащие, работники, а также индивидуальные предприниматели и иные указанные физические лица, осуществляющие соответствующие виды легальной профессиональной деятельности и обладающие правовым положением работодателя.

В этом контексте представляется целесообразным дополнить субъектный состав рассматриваемого договора (абз. 1 стр. 2 Проекта) следующими лицами:

— гражданин, проходящий государственную гражданскую службу субъектов Российской Федерации, муниципальную службу — обучающийся по соответствующей образовательной программе;

— работник организации, индивидуального предпринимателя, иного физического лица, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию — обучающийся по соответствующей образовательной программе;

— индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию, выступающие заказчиками целевого обучения.

Предлагается изложить изменения, вносимые в ч. 3 ст. 56 Закона об образовании в следующей редакции:

«Стороной договора о целевом обучении наряду с гражданином, указанным в части 1 настоящей статьи, заказчиком целевого обучения и организацией, осуществляющей образовательную деятельность, может также являться организация, индивидуальный предприниматель, иные физические лица, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию, в которую (у которых) будет трудоустроен гражданин в соответствии с договором о целевом обучении.»

Дополнительные предложения (вне Проекта) о субъектном составе договора о целевом обучении в контексте изменений части 1 и части 3 статьи 56 Закона об образовании

Разработчиками Проекта не предусмотрены изменения и дополнения *в ч. 1 ст. 56 Закона об образовании*, фактически определяющей

[1] О подготовке кадров для федеральной государственной гражданской службы по договорам о целевом обучении : Указ Президента РФ от 20 мая 2021 г. № 301 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 21. Ст. 3559.

перечень заказчиков по договору о целевом обучении.

Предлагается изложить ч. 1 ст. 56 Закона об образовании в следующей редакции:

«Гражданин, поступающий на обучение по образовательной программе среднего профессионального или высшего образования либо обучающийся по соответствующей образовательной программе, вправе заключить договор о целевом обучении с федеральным государственным органом, органом государственной власти субъекта Российской Федерации, органом местного самоуправления, юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем, иным физическим лицом, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию (далее — заказчик целевого обучения)».

О статье 71^2 «Особенности приема на целевое обучение по образовательным программам высшего образования вне контрольных цифр приема» проекта

Часть 1

В **части 1** рассматриваемой статьи разработчиками Проекта учитываются только юридические лица и индивидуальные предприниматели (стр. 11 Проекта). Такой подход необоснованно исключает из рассматриваемой сферы договорного регулирования большое количество других лиц, например, граждан, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию.

Предлагается изложить ч. 1 ст. 71^2 в следующей редакции:

«Прием на целевое обучение по образовательным программам высшего образования за счет средств юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, иных физических лиц, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию осуществляется вне контрольных цифр приема».

Пункт 1 части 4

В качестве дополнительных критериев заявки на целевое обучение в Проекте называются «участие в олимпиадах, окончание школы с отличием и др.» (п. 1 ч. 4 ст. 71^2 Проекта).

Требуют уточнения и конкретизации термины *«олимпиада»* и *«школы»*.

Например, в п. 1 ч. 4 ст. 71 Закона об образовании предусмотрено проведение «всероссийской олимпиады школьников», «международной олимпиады», а также указываются профили олимпиад и их соответствие специальностям и (или) направлениям подготовки, другие аспекты. Однако из текста, предложенного авторами Проекта, становится не ясным о каких олимпиадах идет речь? Такое положение может привести к неоднозначному толкованию указанной правовой нормы, способствовать недобросовестной конкуренции в части получения права на заключение договора о целевом обучении для некоторых лиц, а в отдельных случаях может создать условия и для коррупции.

Использование термина «школа» как единственной образовательной организации среднего общего образования не согласуется с подходом законодателя к организационно-правовой форме организаций общего среднего образования, представленным в ч. 2 и ч. 3 ст. 86 Закона об образовании. Так, наряду со «школой» к указанным образовательным организациям относятся общеобразовательные организации со специальными наименованиями (например, «президентское кадетское училище», «суворовское военное училище», «кадетская школа», «кадетский (морской кадетский) корпус» и другие). В настоящее время *далеко не все выпускники названных и других образовательных организаций продолжают обучение в соответствующих организациях федеральных органов исполнительной власти*. Следовательно, названные граждане также имеют право выступать потенциальной стороной договора о целевом обучении. Кроме того, наряду со «школами» широкое распространение получили и «гимназии». Однако императивный подход разработчиков Проекта в контексте составления заявки на целевое обучение фактически лишает выпускников названных образовательных организаций (за исключением школ) возможности заключения договора о целевом обучении.

Часть 5

В **ч. 5 ст. 71^2** Проекта (стр. 12–13) *не в полной мере учитывается круг лиц*, которые могут обладать правовым положением работодателя и соответственно стороной договора о целевом обучении. В сложившейся социально-экономической ситуации, исключение из числа потенциальных заказчиков работодателей — физических лиц, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию

в некоторых случаях ограничивает их возможности по целевой подготовке квалифицированных работников, необходимых им для осуществления соответствующих видов деятельности.

На основании изложенных в настоящем мнении аспектов, предлагается изложить ч. 5 ст. 71^2 «Особенности приема на целевое обучение по образовательным программам высшего образования вне контрольных цифр приема» Проекта в следующей редакции:

5. «Прошедшим по конкурсу на целевое место за счет средств юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, иных физических лиц, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию предлагается заключить договор о целевом обучении по образовательной программе высшего образования».

Список источников

1. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в части совершенствования механизма целевого приема и целевого обучения : законопроект № 122101-8 // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/122101-8 (дата обращения: 15.06.2022).

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ
Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST
There is no conflict of interest.

Дата поступления / Received: 22.07.2022.
Дата принятия к публикации / Accepted: 30.09.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНИСИМОВА НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА

Адъюнкт, Воронежский институт МВД России.

394065, Воронеж, пр. Патриотов, д. 53.

agarckova.natali2016@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-9721-2058

БУТОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

Адъюнкт факультета подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ.

198264, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

scorpioserg@list.ru
https://orcid.org/0000-0002-5775-0713.

ГОНЧАРОВ ДЕНИС ЮРЬЕВИЧ

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

Профессор кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

Профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса, Югорский государственный университет.

https://orcid.org/0000-0003-3347-2533
denis667777@mail.ru

ГОНЧАРОВА СВЕТЛАНА ГЕРМАНОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, РГППУ.

620143, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, д. 11.

goncharova_sg@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2099-8520

ДЕНИСОВИЧ ВЕРОНИКА ВЛАДИМИРОВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

LtybctyejV1984@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

NATALIA A. ANISIMOVA

Adjunct, Voronezh Institute of the MIA of Russia.

53 Patriotov ave., Voronezh 394065, Russia.

agarckova.natali2016@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-9721-2058

SERGEY V. BUTOV

The post graduate of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training and Additional Professional Education, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation.

1 Letchika Pilyutova st., St. Petersburg 198264, Russia.

farkhad.sibgatullin.ru
https://orcid.org/0000-0002-5775-0713.

DENIS Yu. GONCHAROV

Doctor of Law Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Organization of Law Enforcement, Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Bratyev Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.

Professor of Department of Criminal Law, Ural State Law University.

21 Komsomolskaya st., Yekaterinburg 620137, Russia.

Professor, Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Ugra State University.

https://orcid.org/0000-0003-3347-2533
denis667777@mail.ru

SVETLANA G. GONCHAROVA

Candidate of Law Science, Associate Professor, Russian State Vocational Pedagogical University.

11 Mashinostroiteley st., Yekaterinburg 620143, Russia.

goncharova_sg@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2099-8520

VERONIKA V. DENISOVICH

Candidate of Law Science, Associate Professor Department of Criminal Law, Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Bratyev Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.

LtybctyejV1984@yandex.ru

ДУЮНОВ ВЛАДИМИР КУЗЬМИЧ

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Институт права, Тольяттинский государственный университет.

445020, Тольятти, ул. Ушакова, д. 57.

dvk159@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-1078-0170

VLADIMIR K. DUYUNOV

Doctor of Law Science, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Process, Institute of Law, Togliatti State University.

57 Ushakova st., Togliatti 445020, Russia.

dvk159@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-1078-0170

ЗАНИНА ТАТЬЯНА МИТРОФАНОВНА

Кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности ОВД, Воронежский институт МВД России.

394065, Воронеж, пр. Патриотов, д. 53.

zanina.tatyana2020@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-3443-3472

TATIANA M. ZANINA

Candidate of Law Science, Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs, Voronezh Institute of the MIA of Russia.

53 Patriotov ave., Voronezh 394065, Russia.

zanina.tatyana2020@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-3443-3472

ЗАКОМОЛДИН РУСЛАН ВАЛЕРИЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Институт права, Тольяттинский государственный университет.

445020, Тольятти, ул. Ушакова, д. 57.

rus.zackomoldin@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-8829-0211

RUSLAN V. ZAKOMOLDIN

Candidate of Law Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process, Institute of Law, Togliatti State University.

57 Ushakova st., Togliatti 445020, Russia.

rus.zackomoldin@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-8829-0211

ЗЫКОВ АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ

Старший преподаватель кафедры правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.

625049, Тюмень, ул. Амурская, д. 75.

Zykov65@yndex.ru
https://orcid.org/0000-0001-8504-8692

ANDREY P. ZYKOV

Senior Lecturer, Department of Legal Training of Internal Affairs Officers, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Russian Ministry of Internal Affairs.

75 Amurskaya st., Tyumen 625049, Russia.

Zykov65@yndex.ru
https://orcid.org/0000-0001-8504-8692

КАБАНОВ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Доктор юридических наук, доцент, директор научно-исследовательского института противодействия коррупции, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова (ИЭУП).

420111, Казань, ул. Московская, д. 42.

kabanovp@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2964-004X

PAVEL A. KABANOV

Doctor of Law Science, Associate Professor, director of the research institute anti-corruption measures, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryazov Kazan Innovative University (IEUP).

42 Moskovskaya st., Kazan 420111, Russia.

kabanovp@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2964-004X

КИРЕЕВ ВАЛЕРИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права и муниципального права, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

kireevvv@is74.ru

VALERY V. KIREEV

Doctor of Legal Sciences , Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law and Municipal Law, Chelyabinsk State University.

129 Bratyev Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.

kireevvv@is74.ru

КУЗНЕЦОВА ИРИНА ИВАНОВНА

Старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукъянова.

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

samkuznets@mail.ru

IRINA I. KUZNETSOVA

Candidate of Law Science, Lecturer of the chair of Criminal Law, Criminology and Psychology. Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

2 Ignatova st., Orel 302027, Russia.

samkuznets@mail.ru

КУЛИКОВ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ

Кандидат юридических наук, заместитель руководителя международного бюро по кибербезопасности «КИБЕРПОЛ», докторант МГИМО МИД России.

119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76.

Mikhail.a.kulikov@mail.ru
http://orcid.org/0000-0002-0978-0141

MIKHAIL A. KULIKOV

Candidate of Law Science, Deputy Head of the International Bureau for cybersecurity "CYBERPOL", doctoral student, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

76 Vernadskogo ave., Moscow 119454, Russia.

Mikhail.a.kulikov@mail.ru
http://orcid.org/0000-0002-0978-0141

ЛЫСЕНКОВ СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ.

198264, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

sergey.lysenkov@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2791-8247.

SERGEY G. LYSENKOV

Doctor of Law Science, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation Order of Zhukov.

1 Letchika Pilyutova st., St. Petersburg 198264, Russia.

sergey.lysenkov@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2791-8247.

МАЙОРОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

Доцент кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

https://orcid.org/0000-0002-8629-9837
ab_majorov@mail.ru

ANDREY V. MAYOROV

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Prosecutorial Supervision and Organization of Law Enforcement, Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Bratyev Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.

Associate Professor, Department of Criminal Law, Ural State Law University.

21 Komsomolskaya st., Yekaterinburg 620137, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-8629-9837
ab_majorov@mail.ru

НАБИУЛЛИНА ВИКТОРИЯ РОМАНОВНА

Старший преподаватель кафедры техносферной безопасности, ГАУ Северного Зауралья.

625003, Тюмень, ул. Республики, д. 7.

vitatoriya@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-1491-6127

VIKTORIA R. NABIULLINA

Senior Lecturer, Department of Technosphere Safety, State Agrarian University of Northern Trans-Urals.

7 Respubliki st., Tyumen 625003, Russia.

vitatoriya@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-1491-6127

ПАВЛОВА ГАЛИНА ГЕННАДЬЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

galina.pavlova.7878@mail.ru

GALINA G. PAVLOVA

Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of Chelyabinsk State University.

129 Bratyev Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.

galina.pavlova.7878@mail.ru

ПЕСТОВА ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности, Южно-Уральский государственный университет.

454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

pestovatp@susu.ru

TATYANA P. PESTOVA

Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Judicial and Law Enforcement Activities, South Ural State University.

76 Lenina ave., Chelyabinsk 454080, Russia.

pestovatp@susu.ru

ПИКИНА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА

Соискатель кафедры теории государства и права, УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева; старший преподаватель кафедры управления и административно-правовых дисциплин юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

t.v.pikina@mail.ru

TATYANA V. PIKINA

Applicant of state and law theory department of Ural State Law University named after V. F. Yakovlev; senior lecturer of management and administrative and legal disciplines department of legal faculty, Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service.

21 Komsomolskaya st., Yekaterinburg 620137, Russia.

t.v.pikina@mail.ru

ПИМАКОВА ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА

Кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии. Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукъянова.

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

olgapimakova@yandex.ru

OLGA G. PIMAKOVA

Lecturer of the chair of Criminal Law, Criminology and Psychology. Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

2 Ignatova st., Orel 302027, Russia.

olgapimakova@yandex.ru

ПУЧКОВ ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, кафедра теории государства и права, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

Argun061@gmail.com

OLEG A. PUCHKOV

Doctor of Law Science, Professor, Department of Theory of State and Law, Ural State Law University V. F. Yakovlev.

21 Komsomolskaya st., Yekaterinburg 620137, Russia.

Argun061@gmail.com

РУДЕНКО ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВНА

Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН; доцент кафедры конституционного права, УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

emikh.valentina@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-6641-691X

VALENTINA V. RUDENKO

PhD in Law, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University V. F. Yakovlev.

21 Komsomolskaya st., Yekaterinburg 620137, Russia.

emikh.valentina@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-6641-691X

САЛИКОВ ДЕМЬЯН ХАМИТОВИЧ

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

demca@mail.ru

DEMYAN Kh. SALIKOV

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of Chelyabinsk State University.

129 Bratyev Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.

demca@mail.ru

САЛИМГАРЕЕВА АЛЬБИНА РИФОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика, менеджмент и право», Южно-Уральский государственный университет (НИУ), филиал, Нижневартовск.

628616, Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО – Югра, Нижневартовск, ул. Мира, д. 9.

alabina81@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-0436-9556

ALBINA R. SALIMGAREEVA

Candidate of Law Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department Economics, Management and Law, Nizhnevartovsk branch of the South Ural State University (NRU).

9 Mira st., 628616 Nizhnevartovsk, Tyumen region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, Russia.

alabina81@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-0436-9556

СЕМЕРЬЯНОВА НИНА АНАТОЛЬЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика, менеджмент и право», Южно-Уральский государственный университет (НИУ), филиал, Нижневартовск.

628616, Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО – Югра, Нижневартовск, ул. Мира, д. 9.

nina_777s@mail.ru
http://orcid.org/0000-0001-5428-8714

NINA A. SEMERYANOVA

Candidate of Law Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department Economics, Management and Law, Nizhnevartovsk branch of the South Ural State University (NRU).

9 Mira st., 628616 Nizhnevartovsk, Tyumen region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, Russia.

nina_777s@mail.ru
http://orcid.org/0000-0001-5428-8714

УЛЬЯНОВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений, противодействия экстремизму, НИИ, Университет прокуратуры РФ.

123022, Москва, 2-я Звенигородская ул., д. 15.

m.ulyanov2@yandex.ru
SPIN-code 3923-7825

MIKHAIL V. ULYANOV

Candidate of Law Science, Leading Researcher of the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

15 Vtoraya Zvenigorodskaya st., Moscow 123022, Russia.

m.ulyanov2@yandex.ru
SPIN-code 3923-7825

ФЕДОТОВА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия.

394006, Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 95.

fedotova.olga2020@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-5215-2714

OLGA A. FEDOTOVA

Candidate of Law Science, Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of Law and State, Central Branch of Russian State University of Justice.

95 Dvadtsatiletiya Oktyabrya st., Voronezh 394006, Russia.

fedotova.olga2020@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-5215-2714

ШАРОНОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя.

117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Профессор кафедры юриспруденции, Волжский филиал, Волгоградский государственный университет.

404133, Волжский, Волгоградская обл., ул. 40 Лет Победы, д. 11.

Sharonov345@mail.ru

SERGEY A. SHARONOV

Doctor of Law Science, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Professor, Department of Civil and Labor Law, Professor of the Civil and Labor Law Department, V. Y. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

12, Academika Volgina st., Moscow 117437, Russia.

Professor, Department of Jurisprudence, Volzhsky Branch of Volgograd State University.

11 Sorok let Pobedy st., Volzhsky 404133, Volgograd Region, Russia.

Sharonov345@mail.ru

ШЕСТАКОВ ВАЛЕРИЙ ИННОКЕНТЬЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, руководитель научного совета независимого научного фонда «Институт проблем безопасности и устойчивого развития», эксперт постоянных комиссий Межпарламентской Ассамблеи государств участников Содружества независимых государств, Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности, автор более двухсот научных работ по вопросам уголовного, уголовно-процессуального и административного права, ряда проектов законов об охранной и частной детективной деятельностей, модельных законов в данной сфере, о негосударственных субъектах обеспечения национальной безопасности.

shestakovvi@mail.ru

VALERY I. SHESTAKOV

Candidate of Law Science, Associate Professor, Head of the Scientific Council of the Independent Scientific Foundation "Institute for Security and Sustainable Development", expert of the permanent commissions of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States, the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization, the author of more than two hundred scientific works on criminal, criminal procedural and administrative law, a number of draft laws on security and private detective activity

sharonov345@mail.ru

Правила предоставления рукописей статей в научно-практический журнал «ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА»

Общие рекомендации

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике журнала и требованиям к структуре и оформлению статей.

Текст для публикации объемом **8–15 страниц формата А4** должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: *«Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые»*. Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание своей статьи редакции.

Требования к структуре статьи

- Научные статьи оформляются согласно требованиям ГОСТ Р 7.0.7-2021.

Метаданные на русском языке

- ✓ УДК
- ✓ Название статьи заглавными буквами
- ✓ Имя, отчество, фамилия; наименование организации (учреждения), город, e-mail, ORCID автора(ов).
- ✓ Аннотация от 150 до 250 слов.
- ✓ Ключевые слова.
- ✓ Благодарности.
- ✓ Финансирование.

Метаданные на английском языке

- ✓ Название статьи заглавными буквами
- ✓ Имя, отчество, фамилия автора(ов), город* – транслитерация; наименование организации (учреждения) – перевод; e-mail, ORCID.
- ✓ Abstract (перевод).
- ✓ Keywords (перевод).
- ✓ Acknowledgements (перевод).
- ✓ Funding (перевод).

Текст статьи

- *Язык публикации* статей – русский. Смешивание в одной статье текстов на двух и более языках не допускается. Текст должен быть структурирован, иметь введение, основной текст (материал и методы, результаты, обсуждение результатов, выводы), заключение.

Списки источников

- *Список цитируемых источников* (не менее пяти) оформляется согласно требованиям ГОСТ Р 7.0.5-2008, источники приводятся в порядке упоминания в тексте. Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки. Библиографические сведения о цитируемых нормативно-правовых актах, учебной литературе, диссертациях (авторефератах) приводятся в подстрочных ссылках (ГОСТ Р 7.0.5-2008).
- Раздел *References* оформляется в **Ванкуверском** стиле. Транслитерация названий, имен собственных выполняется по стандарту Госдепартамента США.

* Названия городов Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону имеют англоязычное написание и не транслитерируются: Moscow, Saint-Petersburg (St. Petersburg), Rostov-on-Don.

Дополнительные сведения об авторе(ах) (на русском и английском языках)

- *Персональные сведения*. Фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, подразделение, полное наименование места работы, юридический адрес, контактный телефон, адрес электронной почты, международные идентификационные номера ученого, иные сведения.
- *Вклад авторов*. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов.
- *Конфликт интересов*. Указание об отсутствии или наличии конфликта интересов.
- *Приложения, примечания* — при необходимости.

Требования к оформлению рукописи статьи

- *Страница* — формат А4; поля по 2 см с каждой стороны.
- *Редактор* — Microsoft Word (.doc). Шрифт (гарнитура) — Times New Roman.
- *Размер шрифта (кегль)* — 14 пт. без уплотнения, разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12 пт.
- *Абзацный отступ («красная строка»)* — 0,75 см.
- *Междустрочный интервал* — полуторный. Выравнивание текста — по ширине.
- *Автоматическая расстановка переносов* допускается.
- При необходимости в текст статьи можно включить иллюстрации (черно-белые рисунки, таблицы) и формулы. Нумерация рисунков и таблиц сквозная арабскими цифрами. *Приложения и примечания* к статье размещаются после *дополнительных сведений об авторе(ах)*.

Для размещения статьи в журнале к рукописи необходимо предоставить

- *Файл со статьей*, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
- *Анкету автора(ов)* по представленной на сайте журнала форме (скан-копию).
- *Аспиранты и соискатели* ученой степени кандидата наук предоставляют рецензию (отзыв) научного руководителя с подписью (скан-копию оригинала).

Подготовленные материалы следует отправить на e-mail **pravoporyadok74@bk.ru**, либо заполнить электронную форму заявки на сайте журнала **http://правопорядок74.рф/author.php**

В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

Редакция оставляет за собой право редактировать и сокращать статьи.

Подробная информация доступна на сайте журнала **http://правопорядок74.рф**.

Редакция журнала

В редакцию журнала «ПРАВОПОРЯДОК: история, теория, практика»

ПИ № ФС 77-54870

Анкета автора*
представленной в Редакцию рукописи статьи

_____

(название статьи)

ФИО (полностью)	
Author (полностью)	
Ученая степень	
Ученое звание	
Иные почетные звания	
Должность	
Место работы, учебы (полное наименование организации)	
Адрес места работы, учебы (с указанием индекса)	
Контактный телефон (с указанием кода города)	
Адрес электронной почты	
Адрес, на который следует выслать авторский экземпляр журнала (с указанием индекса)	
Иные сведения	

Направляя и подписывая данные сведения, я _____
(фамилия имя отчество)

выражаю согласие с тем, что представление рукописи статьи в адрес редакции журнала «ПРАВОПОРЯДОК: история, теория, практика», является конклюдентным действием, направленным на передачу редакции исключительных прав на произведение: права на воспроизведение и права на распространение, а также на размещение статьи в электронной версии журнала в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических электронных базах данных. Также предоставляю редакции свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчеты, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Редакция имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

* В случае подготовки статьи в соавторстве, сведения предоставляются каждым из авторов.

«____» _____ 20___ г. _____/_____/